Алексей ШИШОВ

КРАСНЫЕ КОМАНДИРЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Алексей Шишов

Красные командиры Гражданской войны

«ВЕЧЕ»
2016

Шишов А. В.

Красные командиры Гражданской войны / А. В. Шишов — «ВЕЧЕ», 2016

Новая книга А. В. Шишова рассказывает о командирах Красной армии периода Гражданской войны в России: В. А. Антонове-Овсеенко, В. К. Блюхере, С. М. Буденном, И. И. Вацетисе, К. Е. Ворошилове, С. С. Вострецове, А. И. Геккере, О. И. Городовикове, П. Е. Дыбенко, А. И. Егорове, С. С. Каменеве, Н. Д. Каширине, А. И. Корке, Г. И. Котовском, Ф. К. Миронове, И. Л. Сорокине, Л. Д. Троцком, М. А. Тухачевском, И. П. Уборевиче, И. Ф. Федько, М. В. Фрунзе, В. И. Чапаеве, В. И. Шорине, уделяется внимание и союзнику красных – Н. И. Махно. Из всех героев книги лишь трое смогли пережить сталинские репрессии и годы Великой Отечественной войны. Большинство из них было погублено той властью, за которую они сражались, на долгие годы их имена канули в безвестность, но историческая правда рано или поздно берет свое, отдавая заслуженную дань истинным заслугам героев этой книги на поприще Гражданской войны в России.

© Шишов А. В., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Слово от автора 6
Антонов-Овсеенко Владимир Александрович 9
Блюхер Василий Константинович 22
Буденный Семен Михайлович 36
Вацетис Иоаким Иоакимович 52
Ворошилов Климент (Климентий) Ефремович 65
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Алексей Шишов
Красные командиры Гражданской войны

© Шишов А. В., 2016
© ООО «Издательство «Вече», 2016

* * *

Слово от автора

Если Первая мировая война стала голгофой Российской империи, то, по сути дела, вышедшая из нее Гражданская война кроваво покончила со старой Россией, начавшись с государственного переворота в Октябре 1917 года и закончившись в 1922 году на берегах Японского моря в Приморье. Мировая война до предела накалила классовые противоречия, к которым добавились ее бедствия. Говоря иначе, держава династии Романовых не выдержала испытания войной, равно как и три империи, канувшие вместе с ней в историю, – Германская, Австро-Венгерская и Османская.

Гражданская война разделила Россию на два непримиримых до крайностей лагеря – Красного дела и Белого дела. Если побежденные бились за сохранение устоев старой государственности, то побежденные мечтали о мировой революции, в которой Советская Россия должна была стать первым пролетарским бастионом. Те, кто не желал по разным причинам участвовать в той внутренней войне, попали под пресс лозунга «Кто не с нами, тот против нас». И тоже вынужденно взяли в руки оружие, чтобы сражаться с такими же, как они.

Если побежденные старались во многом воссоздать старую Русскую армию с ее вековыми традициями, то победители создали армию нового типа – Красную Рабоче-Крестьянскую Армию, сокращенно РККА. Каждая из них имела своих полководцев и военачальников. Если в белых войсках это были в своем подавляющем большинстве бывшие царские генералы и старшие офицеры, то в красных войсках таковыми стали, пройдя горнило Гражданской войны, как правило, бывшие младшие офицеры старой армии и нижние чины ее, прошедшие Мировую войну.

Все герои этой книги относятся к элите вождей Красной армии. Они разны по происхождению: из пролетарских строев города и села, из казаков, многие из дворян. Большинство из них имеют за плечами военные училища, Академию Генерального штаба, школы прапорщиков военного времени. В Гражданскую войну их в рядах Красной армии называли военспецами (военными специалистами). Меньшая часть познавала искусство командовать на войне, но не всегда на фронте. Оба Верховных главнокомандующих Советской Республики, И. И. Вацетис и С. С. Каменев, были бывшими полковниками, успешно закончившими Военную академию Генерального штаба.

Профессиональными революционерами-подпольщиками из них были четверо – В. А. Антонов-Овсеенко, К. Е. Ворошилов, Л. Д. Троцкий и М. В. Фрунзе. К ним можно причислить и Н. И. Махно. Все они в разное время исполняли должность народного комиссара по военным (и морским) делам. Военное образование имел только первый из них, остальных исскуству командовать и воевать учила Гражданская война.

Часть красных военных вождей была «самородками» той войны, которых революционная стихия выбросила на командные высоты в РККА. Это: С. М. Буденный, О. И. Городовиков, П. Е. Дыбенко, Г. И. Котовский и В. И. Чапаев. Остальные, выше не названные, носили на плечах в Мировую войну офицерские погоны.

Гражданская война особого накала достигла в казачьих областях, население которых в ее начале в своем большинстве колыхнулось на сторону Белого дела. Из казачьего сословия военными вождями Красного дела стали донцы О. И. Городовиков и Ф. К. Миронов, оренбуржец Н. Д. Каширин и кубанец И. Л. Сорокин. Судьба трех последних красных казаков трагична.

Все герои книги Гражданскую войну начинали с командования различными отрядами, полками, бригадами. Но среди них были и те, кто сразу или почти сразу взлетел на вершины военной власти Красного дела в самом начале общероссийского «пожара». Это: В. А. Антонов-Овсеенко, И. И. Вацетис, П. Е. Дыбенко, С. С. Каменев, Л. Д. Троцкий, М. Н. Тухачев-

ский и В. И. Шорин. Но их судьба в рядах РККА связана не только со взлетами, но и с падениями. Только один из них, Каменев, ушел из жизни своей смертью.

Половина героев книги, кто блистал в рядах сражающейся Красной армии и оставил свой именной след в истории Гражданской войны, стали жертвами сталинских репрессий 30-х годов. Их имена: В. А. Антонов-Овсеенко, В. К. Блюхер, И. И. Вацетис, А. И. Геккер, П. Е. Дыбенко, А. И. Егоров, Н. Д. Каширин, А. И. Корк, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, И. Ф. Федько и В. И. Шорин. Примечательно, что трое из них, признанные красные полководцы, стали первыми из пяти человек, удостоенных за боевые заслугие перед социалистическим Отечеством звания Маршала Советского Союза: Блюхер, Егоров и Тухачевский. Вацетис был первым Главнокомандующим Республики. Почти два десятилетя их имена оставались за бортом отечественной истории. Их если и вспоминали, то недобрым словом.

Один человек – С. С. Каменев, бывший второй Главнокомандующий Республики, был причислен к «врагам народа» уже после своей смерти, «счастливо» избежав в 30-х годах расстрела по судебному приговору. Но и он был на время «вымаран» из советской истории, из «безликой» истории Гражданской войны в России.

В годы Гражданской войны были убиты без суда и следствия в советских тюрьмах (в Москве и Ставрополе) такие «самородки» в плеяде красных военачальников, как Ф. К. Миронов и И. Л. Сорокин. Оба они были выходцами из казачества, первый с Дона, второй с Кубани. Ни тот ни другой не ладили в идущей войне с московской властью. Так что их жизненный финал для истории не смотрится чем-то непонятным, нелогичным.

Вскоре после завершения Гражданской войны был убит своим же еще один красный «самородок» – Г. И. Котовский, тоже человек со сложным, бунтарским характером. О мотивах убийства по сей день единого мнения нет, и уже не будет.

Из всех героев книги только один легендарный начдив В. И. Чапаев погиб в огне Гражданской войны. Погиб от пули, посланной рукой белого казака. Но кто скажет, как бы сложилась судьба этого «самородка» Красного дела, доживи он до сталинских репрессий? Вопрос спорный и потому открытый.

Был убит в Мексике агентом НКВД бывший председатель Реввоенсовета Республики, нарком по военным и морским делам в годы Гражданской войны Л. Д. Троцкий, личный враг Сталина и потому ставший непримиримым идейным врагом Советского Союза. Но то, что он стоял на вершине военной власти Красного дела в ходе той войны, сегодня факт трудно оспоримый.

Своей смертью ушли из жизни до Великой Отечественной войны всего три книжных героя. Это: С. С. Вострецов (который вполне мог последовать за дальневосточными соратниками Блюхером и Уборевичем), М. Ф. Фрунзе, чья смерть после операции дает много вопросов, и беспартийный герой Гражданской войны, трижды заключавший союз с советской властью «батько» Н. И. Махно, безвестным скончавшийся в варшавской больнице.

Лишь трое из персоналий данной книги пережили «расстрельные» 30-е годы и Великую Отечественную войну 1941–1945 годов: С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов и О. И. Городовиков. Все они вышли из рядов командного состава прославленной 1-й конной армии, все они были лично хорошо известны И. В. Сталину. Буденный и Ворошилов входят в пятерку полководцев Гражданской войны, ставших первыми Маршалами Советского Союза. По числу прижизненных лавров с ними не может сравниться ни один герой Гражданской войны.

Все они разные, эти полководцы и военачальники Красного дела, отдавшие и готовые отдать жизнь за советскую власть, за власть трудового народа. Но она большинству из них уготовила погибель и безвестность на многие годы, о чем спорить не приходится. Но историческая правда рано или поздно берет свое, отдавая заслуженную дань истинным заслугам

героев этой книги на поприще Гражданской войны в России. Той войны, которая испепелила не только страну, но и души ее людей.

Алексей Шишов,
военный историк и писатель

Антонов-Овсеенко Владимир Александрович Путь от штурма Зимнего дворца до поста расстрельного прокурора РСФСР

Человеком удивительной судьбы В. А. Антонова-Овсеенко с полным правом на то можно было назвать еще при жизни. Профессиональный революционер, партийный публицист, один из руководителей штурма Зимнего дворца, народный комиссар по военным делам, командующий советских войск на Юге России и Украинского фронта, дипломат и нарком юстиции РСФСР стал жертвой сталинских репрессий 30-х годов.

Родился в 1883 году в древнем городе Чернигове. Его отцом был офицер в чине капитана А. А. Овсеенко, получиший боевые награды за войну с турками. Владимир имел двух братьев и двух сестер. В 18 лет выпустился из Воронежского кадетского корпуса.

В сентябре 1901 года Владимир Овсеенко по настоянию родителей поступает в столичное Николаевское военно-инженерное училище. Но в следующем месяце, в октябре, юнкера, человека неуравновешенного и вспыльчивого, исключают из училища за отказ принести присягу на верность «царю и Отечеству». Так он отпротестовал против родительского «принуждения» стать, как отец, военным человеком. Был впервые арестован на 11 дней.

В конце года, оказавшись в Варшаве, становится членом студенческого социал-демократического кружка. Весной следующего, 1902 года, перебравшись в Санкт-Петербурге, работает в Александровском порту и кучером Общества покровительства животным.

В том же 1902 году Владимир Овсеенко вновь поступает в военное училище – Владимирское в Санкт-Петербурге, готовившее пехотных офицеров. В конце года вступает в ряды РСДРП и создает в училище подпольный кружок, будучи близок к социалистам-революционерам (эсерам), затем устанавливает связь с большевистской организацией. Занимался распространением запрещенной литературы. Тогда ему не было еще и двадцати лет.

Военное училище окончил по первому разряду, получив по всем предметам высший балл, то есть 12 баллов. Это означало: «Знает все пройденное весьма основательно, отвечает твердо, развивает идеи ясно, располагая ответы в систематическом порядке, разрешает все вопросы, опровергает все возражения, выражается точно, связно и свободно».

Овсеенко выпустился из училища в чине подпоручика с назначением в 40-й пехотный Колыванский полк, стоявший в Варшаве. Еще до прибытия в полк, будучи в отпуске, молодой офицер выполнил партийное задание, получив в Вильно нелегальную литературу и явки Социал-демократии Королевства Польского и Литвы. Он постоянно стремился к активной практической работе нелегала-подпольщика. За провоз груза нелегальной литературы был подвергнут аресту на 10 дней.

В Варшаве Владимир Овсеенко и его молодая жена Анна Михайловна, выпускница Бестужевских курсов, стали активистами местной подпольной организации. Подпоручик участвует в неудачной попытке освобождения приговоренного к смертной казни известного польского социал-демократа С. Каспшака, преуспевает в издании подпольного «Солдатского листка». Во время революционных событий начала 1905 года попадает в список «неблагонадежных» солдат и офицеров варшавского гарнизона.

В марте 1905 года подпоручик Владимир Овсеенко получает назначение в действующую армию, в Маньчжурию. Но на Японскую войну он не попал, бросив военную службу и став подпольщиком, то есть профессиональным революционером, что стало делом всей его жизни. На непродолжительное время эмигрирует в Австрию.

В том же году участвует в неудачной попытке поднять в варшавском пригороде Пулавы восстание солдат двух пехотных полков – 71-го Белевского и 72-го Тульского и артиллерий-

ской бригады. В тех событиях дезертировавший из армии подпоручик выстрелом из револьвера ранил ротного фельдфебеля и сумел скрыться. У Овсеенко появляется первая подпольная кличка «Штык».

Ему приходится из Польши уехать в Санкт-Петербург. Столичный комитет РСДРП направляет его для подпольной работы в морскую крепость Кронштадт, имея документы на австрийского подданного Стефана Дольницко. Там он организует нелегальные сходки солдат и матросов. Был арестован, заключение отбывал в Кронштадте и освобожден в конце того же 1905 года по амнистии.

В том же 1905 году участвует в попытке организации восстания в гарнизоне Санкт-Петербурга (железнодорожный батальон и саперы). Антонов-Авсеенко на страницах «Красного флота» (1924 год) о том событии рассказывал так:

«…Я, как бывший офицер, должен принять командование. Начало – рано утром.

Прошла ночь. Никто не пришел, как было условлено, за мной. После узнал – солдаты отказались выступить».

До Октября Антонов-Овсеенко работает в различных подпольных (военных) организациях единой РСДРП, примыкая к меньшевикам. О вступлении в партию большевиков заявил в конце мая 1917 года. В марте 1906 года совершил побег из Сущевского арестного дома. В мае следующего года выездной сессией Одесского военно-окружного суда приговорен к смертной казни как Антон Кабанов. Казнь была заменена 20-летней каторгой. Через месяц бежал из севастопольской тюрьмы. В 1909 году провел 6 месяцев в тюрьме как Антон Гук, после чего эмигрировал во Францию.

Там, в Париже, Владимир Александрович получил партийный псевдоним Антонов, и впоследствии стал писаться Антоновым-Овсеенко. Под этой двойной фамилией он и вошел в историю Гражданской войны в России, равно как и в историю сталинских репрессий 30-х годов.

В мае 1917 года вернулся в Россию. В Гельсингфорсе редактировал газету «Прибой». Был избран в Учредительное собрание от Северного фронта по списку РСДРП(б). Вел партийную работу в Финляндии и среди моряков Балтийского флота. В середине октября стал секретарем Петроградского военно-революционного комитета (ВРК).

Антонов-Овсеенко вошел в историю Октябрьской революции как один из руководителей штурма Зимнего дворца и руководитель ареста Временного правительства. От имени ВРК ведал распределением отрядов балтийских моряков по ключевым точкам города на Неве и возглавлял «полевой штаб» по захвату Зимнего дворца. Подписал ультиматум, адресованный главнокомандующему Петроградским военным округом, который, в реалиях Октября, мало уже кем командовал.

В ночь с 25 на 26 октября (с 7 на 8 ноября по новому стилю) Зимний дворец был взят революционными отрядами приступом. Собственно говоря, защищать Временное правительство было некому, а премьер-социалист А. Ф. Керенский успел вовремя бежать из столицы. Сам В. А. Антонов-Овсеенко вспоминал об аресте Временного правительства так:

«…Министры застыли за столом, сливаясь в одно трепетное бледное пятно.

– Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными.

– Чего там! Кончить их!.. Бей!

– К порядку! Здесь распоряжается Военно-революционный комитет!»

Американский журналист А. Р. Вильямс оказался свидетелем исторического штурма Зимнего и последовавших за ним событий в красном Петрограде. Об Антонове-Овсеенко он писал так:

«Вспоминаю бледное аскетическое лицо Антонова, густые, светлые волосы под живописной широколобой шляпой, спокойный, сосредоточенный вид, заставляющий забыть его сугубо гражданскую внешность…

Один матрос рассказал мне, что еще наверху, после того, как Чудновский составил список арестованных, Антонов спросил: “Товарищи, у нас есть автомобили?” Кто-то ответил: “Нет”. А другие закричали: “Ничего, пройдутся пешочком! Довольно, поездили!” Антонов попросил тишины, подумал немного и сказал: “Хорошо, мы отведем их в (Петропавловскую) крепость пешком”».

Около 4 часов утра Антонов-Овсеенко приказал развести арестованных «временных» министров по казематам Трубецкого бастиона Петропавловки. Прощаясь с уже назначенным комиссаром крепости, «ликвидатор» Временного правительства сказал:

– Я еду в Смольный с докладом…

В Смольном институте Владимир Александрович с овацией зала выступил перед делегатами 2-го Всероссийского съезда Советов. 27 октября Антонов-Овсеенко был избран в состав Центрального исполнительного комитета Советов (ЦИК) и вошел в первый состав Временного рабоче-крестьянского правительства – Совет народных комиссаров (Совнарком).

В советское правительство, избранное 2-м Всероссийским съездом Советов, входил Комитет по военным и морским делам (переименован в Совет народных комиссаров по военным и морским делам), состоявший из трех народных комиссаров: В. А. Антонова-Овсеенко, прапорщика Н. В. Крыленко и председателя Центробалта П. Е. Дыбенко. В ходе формирования Совнаркома В. И. Ленин так распределил между ними обязанности: «Дыбенко – морское министерство, Крыленко – внешний фронт, Антонов – военное министерство и внутренний фронт». Под «внутренним фронтом» понималась борьба с поднимавшей голову контрреволюцией.

На следующий день, 28 октября, Антонов-Овсеенко назначается помощником командующего войсками Петроградского военного округа. Это был один из многих случаев, когда ему, бывшему подпоручику, пригодились знания, полученные во Владимирском военном училище.

7 ноября следует назначение командующим обороной Петрограда и войсками Петроградского военного округа. Революцию требовалось защищать: на красный Питер шел 3-й конный корпус генерала П. Н. Краснова и министра-социалиста А. Ф. Керенского. В самой столице могли восстать юнкера военных училищ. Линия «фронта», организацией которого и занялся Антонов-Овсеенко, прошла по Пулковским высотам.

И народный комиссар по военным делам, и командир 3-го конного корпуса оказался одним из главных действующих лиц Октябрьских событий 1917 года. Краснов выполнил приказ главы уже бывшего Временного правительства, бежавшего из столицы в прифронтовой Псков, о выступлении на «мятежный» Петроград. Попытка взять миллионный город со взбунтовавшимся гарнизоном в 300 тысяч человек несколькими тысячами конников выглядела совершенно нереальной. Но в Смольном к такому походу классового врага отнеслись более чем серьезно.

Тем более, что к Петрограду подошло всего около девяти неполных сотен 1-й Донской (9-й и 10-й Донские казачьи полки) и Уссурийской казачьих дивизий с 18 конными орудиями, одним броневиком и одним бронепоездом. С этими силами (их можно назвать даже символическими – всего 700 казаков) генерал-майор Краснов начал наступление на красный Петроград в районе села Пулково. То есть пустился в откровенную авантюру.

Войска Краснова были разбиты в многочасовом бою 30 октября на Пулковских высотах многотысячными отрядами питерских красногвардейцев и революционных балтийских матросов. Ими командовал левый эсер подполковник М. А. Муравьев. О равенстве сил сторон по числу людей, пушек, пулеметов и прочего говорить не приходится.

Перед этим около 30 тысяч мобилизованных людей, посланных из столицы на рытье окопов, в считанные дни создали оборонительный рубеж «Залив – Нева». Однако он ока-

зался в тех событиях невостребованным. К тому же красновские казаки не горели желанием сражаться за «временных» министров и их главу Керенского и в бою не упорствовали.

Так в отечественной (советской) истории появился термин: контрреволюционный мятеж Керенского – Краснова в октябре 1917 года. О его сути сегодня спорят историки. Прежде всего, дискуссируют о том, являлись ли эти события «мятежом», поскольку приказ 3-му конному корпусу был дан главой российского правительства.

Бой на Пулковских высотах закончился переговорами в Красном Селе с делегацией революционных балтийских моряков. Они завершились согласием на уход казаков по домам с лошадьми и оружием. Обе стороны остались довольны таким исходом вооруженного противостояния под столицей. Корпусной командир был приглашен на переговоры, арестован и доставлен в Петроград, в Смольный. После допроса его отпустили под честное слово русского офицера не выступать больше против советской власти. Из-под домашнего ареста П. Н. Краснов бежал, воспользовавшись документами от Донского казачьего комитета.

Глава же Временного правительства социалист А. Ф. Керенский, предупрежденный Красновым, тоже удачно бежал от красного Петрограда из Гатчины. Ему пришлось переодеться в кожаный костюм шофера и прикрыть пол-лица мотоциклетными очками. В Белом движении на Юге России он принят не был, и вскоре оказался за океаном, в США, где и закончил свою жизнь. Думается, что Антонова-Овсеенко, который «ликвидировал» правительство «временных», Керенский вспоминал часто.

Сам народный комиссар на Пулковских высотах, которые от «контрреволюционеров-казаков» защищали собранные им революционные отряды балтийских моряков, петроградских красногвардейцев и солдат столичного гарнизона, не был по веской «уважительной» причине. Во время выступления юнкеров в столице он был ими по случайности арестован и провел ночь на захваченной мятежниками телефонной станции столицы. Юнкера разменяли Антонова-Овсеенко на обещание сохранить им жизни, что и было принято советской стороной.

Вернувшись в Смольный, Владимир Александрович ознакомился с делами по подавлению юнкерского мятежа. Внимательнее всего он вчитывался в донесение о том, что упорнее и дольше всего держались юнкера Владимирского военного училища, из которого он выпустился в чине подпоручика тринадцать лет тому назад.

23 ноября Антонов-Овсеенко становится членом коллегии Наркомата по военным делам (одновременно с Н. И. Подвойским и Н. В. Крыленко, с которыми был хорошо знаком по Октябрю).

Владимир Александрович оказался тем военным деятелям только-только утвердившейся советской власти, которому были даны бразды правления подавлением появившейся контрреволюцией. 8 декабря он назначается командующим всеми силами красных на Юге России. На него возлагалось общее руководство «операциями против калединских войск и их пособников».

Тогда еще не было Красной армии, а отряды Красной гвардии большой силой не являлись. Декрет о сокращении старой русской армии (она уже фактически азвалилась) на фронте и в тылу был уже подписан Лениным, Крыленко и Антоновым-Овсеенко.

Назначенный руководить операциями против войск донского войскового атамана А. М. Каледина и Украинской рады, В. А. Антонов-Овсеенко в тот же день 8 декабря 1917 года выехал из Петрограда и 10-го числа прибыл в Харьков с мандатом Совета народных комиссаров, который гласил:

«Дано сие удостоверение т. Антонову в том, что он, с согласия главковерха Крыленко, комиссара Подвойского и всей коллегии по военным делам уполномочивается для общего руководства операциями против калединских войск и их пособников.

Пред. Сов. Нар. Ком. В. Ульянов (Ленин)».

10 декабря при могилевской Ставке Верховного главнокомандующего, пока еще существовавшей, был создан так называемый Революционный полевой штаб (РПШ). Он напрямую подчинялся В. А. Антонову-Овсеенко, выполняя его приказания по сосредоточению сил, собираемых против атамана Каледина.

Оказавшись в Харькове и разобравшись с ситуацией на Юге России, где на казачьем Дону уже вспыхнули первые очаги Гражданской войны, Антонов-Овсеенко составил план борьбы с южной контрреволюцией. Этот план был сообщен В. И. Ленину для обсуждения на заседании Совнаркома. Что же предлагал народный комиссар Комитета по военным и морским делам СНК, отвечавший за «военное министерство и внутренний фронт»:

«План был таков – оборонительная линия со стороны Полтавы (туда двигались войска Рады. – *А.Ш.*), захват узловых станций Лозовая, Синельниково (связь с Екатеринославом), что обеспечивает от провоза враждебных эшелонов с запада и пути на Донецкий бассейн (из Лозовой – в обход ненадежного пути через Балаклею). Захват Купянска, движением из Харькова и Белгорода; немедленный приступ к вооружению рабочих бассейна, Донецкой области и т. д. После концентрации некоторых сил в Донецком бассейне – вытеснение казачьих банд, рыскавших верстах в 100 к югу от Никитовки, и движение несколькими путями на восток против Каледина, одновременно с наступлением на восток – головной удар из Воронежа (главные силы Каледина расположены вдоль железной дороги Воронеж – Ростов), с востока – от Царицына… и с юга – с Кавказа…»

План Антонова-Овсеенко был связан с реалиями происходящего. В кольцо бралось и уничтожалось «калединское контрреволюционное гнездо» – столица Донского казачьего войска город Новочеркасск. Овладение узловыми станциями на линии железной дороги на Южной железной дороге (Харьков – Симферополь) давало возможность контроля над войсковыми эшелонами, которые шли с развалившегося Русского фронта в глубь России, и прежде всего эшелонов с казачьими войсками – полками, отдельными сотнями, артиллерийскими батареями.

Антонов-Овсеенко называл силы, на которые можно было положиться в борьбе с атаманом Калединым. Это были отряд бывшего прапорщика Р. Ф. Сиверса, «значительной силы отряд» черноморских моряков из Севастополя, московский отряд Красной гвардии (200 человек), революционный запасной пехотный полк в Белгороде, рабочих Донбасса, которых предстояло еще организовать и вооружить.

План этот уже в январе 1918 года претерпел существенные изменения. Удары по Новочеркасску со стороны Царицына и Кавказа пришлось «отставить», и наступать на калединский Дон пришлось только со стороны Донецкого каменноугольного бассейна. Но сил у Антонова-Овсеенко для этой операции набиралось уже больше – крупный отряд Ю. В. Саблина из Москвы, советские отряды из фронтового донского казачества, пехотный полк из Финляндии, отряд Петрова. Ожидалось прибытие латышских стрелков.

В число этих войск советской власти входил красный «казацкий украинский полк в Харькове». Это был 1-й полк Червонного казачества, сформированный на основе разоруженного 2-го запасного Украинского полка «петлюровской ориентации». Формировал полк и командовал им член ЦИК Украины В. М. Примаков, герой Гражданской войны и жертва сталинских репрессий 30-х годов.

Позже В. А. Антонов-Овсеенко в своих «Записках о Гражданской войне» отмечал: «Главный удар мог исходить только из Донбасса, так как лишь отсюда можно было его надлежащим образом подготовить». От Царицынского штаба обороны во главе с С. К. Мининым реальной помощи ждать не приходилось. Самовольно ушедшая с Кавказского фронта 39-я пехотная дивизия «осела для кормления» в станицах и селах Кубани и Ставрополья и вскоре оказалась в огне казачьих восстаний.

В Харькове народный комиссар без промедления создал штаб Южного фронта. Его начальником был назначен левый эсер подполковник Муравьев, с которым Владимир Александрович сработался в Петрограде, когда подавлялся «мятеж» 3-го конного корпуса генерала Краснова.

Антонов-Овсеенко действительно обладал высокой профессиональной военной выучкой. Мемуарист М. З. Левинсон пишет, что когда в конце декабря в Харьков прибыл под его командованием сводный отряд путиловских рабочих и солдат 176-го полка, командир с помощником Н. П. Еремеевым явились в вагон Антонова-Овсеенко. Они увидели человека в очках, с длинными волосами, похожего на музыканта или учителя. К концу беседы, получив боевое задание, они убедились, что имеют дело с человеком, отлично знающим военное дело.

Нарком, собирая в Харькове силы Красной гвардии, демонстрировал напористость и организаторский талант. Так было в деле формирования здесь Южного революционного автобронедивизиона, ставшего первой такой частью в Красной армии. Создавался он, как говорится, с мира по нитке и самыми различными способами. Состоял из шести отделений по 4–5 броневиков в каждом. В начале января командование этими бронесилами красных было возложено на А. И. Селявкина.

В самом Харькове прапорщик Сиверс со своим отрядом, усиленным артиллерией, совершил нападение на казармы 19-го автобронедивизиона, который поддерживал Центральную раду. Он был разоружен, а главными трофеями красных стали 4 броневика.

10 бронемашин доставил балтийский матрос Ховрин, который со своим отрядом по пути из Петрограда на Юг в городе Курске обезоружил запасной автобронедивизион английской военной миссии.

Был мобилизован на борьбу с калединскими белоказаками броневой отряд Харьковской военной комендатуры. Он состоял из 5 тяжелых машин английской фирмы «Персорац», вооруженных пушками.

Кроме этого сам В. А. Антонов-Овсеенко, прибывший в Харьков с отрядами красногвардейцев, привез с собой из Петрограда 12 броневиков фирмы «Остин».

Антонову-Овсеенко пришлось руководить не только военными действиями против белых на Дону, но и борьбой с саботажем в районах, где власть находилась в руках Советов. 10 января 1918 года комендант станции Александровск (ныне город Запорожье, Украина) Кузнецов телеграфировал народному комиссару в Харьков:

«Забастовали все служащие почт и телефона, а также другие местные самоуправления».

Через два часа оттуда в Александровск был послан следующий приказ В. А. Антонова-Овсеенко, который требовал:

«Город объявляю на военном положении. Старших чинов почт, телефона и других арестовать и доставить в Харьков. Остальным предложить в 24 часа явиться на работу, неявившихся арестовать по списку и отправить под конвоем в Юзовку, Макеевку для принудительных работ по очистке шахт. Опубликовать широко этот приказ».

Наступление на белый Юг началось тремя колоннами – бывшего прапорщика большевика Р. Ф. Сиверса, бывшего прапорщика левого эсера Ю. В. Саблина (в скором времени один из руководителей мятежа левых эсеров в Москве) и бывшего полковника, тогда левого эсера А. И. Егорова. Колонна Сиверса в конце декабря взяла Иловайское, Саблин дошел до Луганска и Родакова, Егоров занял Екатеринослав.

Непосредственно против сил атамана Каледина наступало 17,5 тысячи красногвардейцев, революционных матросов и солдат под командованием Р. Ф. Сиверса, Ю. В. Саблина и Г. К. Петрова. В своем распоряжении они имели на передовой 48 артиллерийских орудий, 4 бронепоезда, 4 бронеавтомобиля и 40 пулеметов.

Одновременно с наступлением на белоказачий Дон шло продвижение красных войск на Киев, который находился в руках Центральной рады. Киев освободили во многом благодаря восстанию рабочих завода «Арсенал». Из тюрьмы был освобожден бывший помощник Антонова-Овсеенко Г. И. Чудновский, назначенный им первым комендантом Зимнего дворца. Теперь он, приговоренный Радой к смертной казни, стал первым комендантом советского Киева, в который из Харькова переехал ЦИК Украины.

Красные колонны продвигались с боями. В конце января Антонов-Овсеенко докладывал в Москву о достигнутых успехах: «Станции Лихая, Зверево, Сулин, по пути к северу от Новочеркасска, заняты победоносными революционными войсками».

Атаману А. М. Каледину так и не удалось поднять Дон на борьбу с советской властью, и он застрелился. Донское войско «колыхнется» на сторону Белого дела позднее, но не в начале 1918 года: казаки устали от войны и еще не познали красного террора. В феврале красные войска занимают города Ростов и Новочеркасск, столицу Донской области. Остатки белоказаков ушли в Сальские степи, а корниловская Добровольческая армия – в свой первый Кубанский («Ледяной») поход.

Удар по белому Дону впечатлял. Известный советский историк Гражданской войны Н. Е. Какурин к достоинствам стратегического решения этой непростой задачи относил «гибкость ее решений в зависимости от обстановки», «стремление сосредоточить возможно большее количество своих сил на направлениях, выбранных для нанесения главных ударов».

В начале марта 1918 года В. А. Антонов-Овсеенко принимает новую должность. Он назначается Верховным главнокомандующим войсками Украинской Народной Республики, ее народным секретарем по военным делам. Эта должность называлась и иначе – главнокомандующий советскими войсками федеративных республик на юге.

Германские армии и войска Австро-Венгрии пошли на восток, почти не встречая должного вооруженного сопротивления. Немецкие войска заняли Борисов и Полоцк, Псков и, при поддержке Центральной рады, двинулись на Киев. Россия оказалась в тяжелом положении: в соответствии с сепаратным Брест-Литовским договором старая армия была демобилизована, а новая Красная армия еще только начала создаваться.

Надо было как-то сдерживать германцев и австрийцев. Антонов-Овсеенко понимал, что для создания боеспособной армии, а не отрядов завесы, требуется время. А сражаться на западном направлении требовалось сегодня. И он нашел-таки верный ход. В первых числах марта он вызвал к себе надежного человека, старшего механика харьковского телеграфа Кожевникова, и предложил ему с товарищами сформировать боевые крестьянские дружины в Полтавской и Харьковской губерниях. Так было положено начало партизанским отрядам. Главным комиссаром по организации партизанской войны был назначен матрос Мазалов.

8 марта В. А. Антонов-Овсеенко телеграфировал в Москву председателю Совнаркома В. И. Ульянову (Ленину): «Постараюсь до 17-го организовать и нанести вторгающимся немецким бандам такие удары, чтобы им неповадно было соваться к Питеру – Москве». Однако такое обещание выполнить не удалось. Были оставлены Полтава, и после упорных боев – Екатеринослав (ныне Днепропетровск). Последний город стойко защищал Мариупольский отряд В. А. Варганова из состава 2-й советской армии.

В апреле 1918 года германские войска, взяв в союзники гайдамаков и пройдя всю Украину, вступили в Донецкий каменноугольный бассейн. Затем они промаршировали по улицам Ростова. Воевать на Юге Владимиру Алексеевичу больше не пришлось: в апреле 18-го он был срочным порядком вызван в Москву.

Начались переговоры советского правительства с германским командованием. Антонову-Овсеенко предложили объявить вооруженную борьбу на Украине прекращенной. А в это время союзники большевиков левые эсеры стали призывать к «революционной войне»

против Германии. Нарком понимал, что воевать пока нечем, со своими из белого стана разобраться бы: Кубань в огне, Кумуч на Волге, атаман Семенов в Забайкалье.

В Москве у Владимира Александровича сразу нашлось много дел. 5 июля на 5-м Всероссийском съезде Советов фракция левых эсеров (352 человека) выразила недоверие советскому правительству, но большинство участников съезда эту резолюцию не поддержало. На следующий день левые эсеры Я. Г. Блюмкин и Н. А. Андреев с подложным мандатом ВЧК явились в посольство Германии и убили посла В. Мирбаха, после чего скрылись в штабе отряда при ВЧК, которым командовал левый эсер Д. И. Попов.

Там уже находились члены ЦК и другие лидеры партии левых социалистов-революционеров – М. А. Спиридонова, Ю. В. Саблин, Б. Д. Камков, В. А. Карелин, П. П. Прошьян, В. А. Александрович (заместитель председателя ВЧК). Большинство из них Антонов-Овсеенко знал лично. Мятежники арестовали председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского, прибывшего в штаб отряда Попова с требованием выдать убийц германского посла. Затем был арестован М. И. Лацис, назначенный временным председателем ВЧК, председатель Моссовета П. Г. Смидович, ряд видных большевиков.

В ночь на 7 июля мятежные левые эсеры (около 1800 человек, 80 сабель, 6–8 орудий, 4 броневика, 48 пулеметов) под руководством Попова, Саблина и Александровича начали военные действия. Был занят центральный телеграф и призваны части столичного гарнизона присоединиться к ним, но те не «колыхнулись».

Подавлением левоэсеровского мятежа руководили председатель Высшей военной инспекции Н. И. Подвойский и начальник Латышской стрелковой дивизии И. И. Вацетис. Вечером 6-го числа была арестована фракция левых эсеров съезда Советов во главе с Марией Спиридоновой. Ударной силой большевиков по ликвидации выступления своих, уже бывших, союзников стали красные латыши.

В 2 часа ночи 7 июля позиции мятежников были окружены советскими войсками, которые в 6 утра начали наступление. Левых эсеров обстреляли из пушек после того, как они отказались сложить оружие. Около 300 человек сдалось в плен. Остальные рассеялись, их преследовали. На следующий день 13 мятежников, в том числе Александрович, задержанные с оружием в руках, были расстреляны по постановлению ВЧК.

Вслед за выступлением левых эсеров в Москве, на Восточном фронте произошел так называемый мятеж Муравьева. Вооруженные столкновения имели место при разоружении боевых дружин левых эсеров в Петрограде, Витебске, Владимире, Орше и других городах.

Антонов-Овсеенко не был среди руководителей подавления левоэсеровского мятежа в самой Москве. Ему поручалось преследование вырвавшихся из столицы отряды мятежников, которые отступали в направлении города Владимир. Их вскоре настигли в 30 верстах от Москвы. Были захвачены пленные, а в числе трофеев значились орудия и пулеметы. О каких-то серьезных боях в той операции сведений нет.

Когда в середине июля вспыхнул так называемый антисоветский Ярославский мятеж, В. А. Антонов-Овсеенко был назначен уполномоченным Совнаркома по его подавлению. Но член Высшего военного совета сумел прибыть в город только тогда, когда бои в нем уже закончились. С группой партийных агитаторов он побывал в Шуе и Иваново-Вознесенске, выступая на многочисленных митингах.

В июле и августе 1918 года Владимир Александрович исполнял обязанности народного комиссара по морским делам. Были серьезные опасения, что германский флот появится в водах Финского залива, на ближних подступах к Кронштадту и Петрограду. Антонов-Овсеенко дает предписание командованию Балтийским флотом готовиться к постановке минных заграждений. То есть дополнить те обширные минные поля, которые были поставлены в начале Первой мировой войны.

9 августа штаб Балтийского флота получил экстренную телеграмму: «Минное заграждение поставить немедленно». Телеграмма была подписана В. И. Ульяновым (Лениным) и В. А. Антоновым-Овсеенко.

В августе – сентябре 1918 года народный комиссар по военным делам был командирован Совнаркомом в Берлин для участия в переговорах с правительством Германии. Рассматривались вопросы взаимоотношения двух государств, раздираемых политическими противоречиями.

Затем он непродолжительное время командует группой войск на Восточном фронте, занимавшей участок Ижевск – Пермь. В октябре в «Известиях Наркомвоен» была опубликована полемическая статья Владимира Александровича, который писал: «Подлинный стратегический узел завязывается для нас не на Дону или Кавказе, он туго завязывается на Урале».

Но долго воевать на Восточном фронте Антонову-Овсеенко не довелось. Реввоенсовет Республики, который в годы Гражданской войны возглавлял Л. Д. Троцкий (Бронштейн), учитывая опыт Антонова-Овсеенко (введенного в состав Реввоенсовета) в начале Гражданской войны, направляет его на Украину, большая часть которой уже находилась в руках германских войск.

17 ноября он назначается командующим и членом Реввоенсовета Особой группы войск Курского направления Украинского фронта, который только начал создаваться. Основу группы составляли две украинские советские дивизии. От Главнокомандующего Вооруженными Силами Республики ожидалось значительное усиление, но на деле оно оказалось только обещанием. Резервы уходили на Восточный фронт, откуда шла наибольшая опасность.

В том же ноябре, 30-го числа, следует новое назначение. В. А. Антонов-Овсеенко возглавляет Революционный военный совет Украинской Красной армии из трех человек (он, В. П. Затонский и Ф. А. Артем). Одновременно становится членом Совета рабочей и крестьянской обороны Украинской ССР.

Советские войска начали наступление по трем направлениям – на Чернигов, Купянск и Белгород. Но вскоре их приостановили, командование стало заниматься доформированием войск и их обучением, поиском резервов. А. В. Ракитин в историко-биографическом очерке «В. А. Антонов-Овсеенко» пишет о той ситуации:

«…Так и не получив директивы главкома, Антонов решил вновь действовать против интервентов самостоятельно. Правда, лобовая атака немецких позиций наличными силами не могла принести успеха, это показала попытка взять с налета Белгород.

Командование фронта избрало другую тактику – мирные переговоры и постепенное просачивание украинских советских частей в тыл Белгорода и Харькова. Надо было, не предъявляя немцам ультиматума, не ввязываясь в тяжелые бои, постепенно оттеснять их от демаркационной линии.

События торопили! С юга угрожали флот и войска Антанты, на Дону укреплялся генерал Краснов, в Киеве – Петлюра, объединившийся с белогвардейцами».

Антонов-Овсеенко прилагал все усилия для пополнения Украинской советской армии. Это ему в значительной мере удалось. На конец декабря она насчитывала в своих рядах 14 тысяч штыков, 1350 сабель при 20 орудиях и 139 пулеметах. Но при этом надежды на «революционное разрушение» германских войск (на Украине еще оставалось 8 их дивизий) армейской группы «Киев» не оправдались.

Владимир Александрович в своих «Записках о гражданской войне» свидетельствовал: «…Как ни быстро разлагались германские части, все же они продолжали сохранять старую воинскую организацию, прежнее командование и некоторую дисциплину».

В первый день нового 1919 года в Харькове вспыхнуло восстание против петлюровцев. Германское командование поддержало войска Украинской директории под тем предлогом,

что восставшие якобы мешают успешной эвакуации немецких войск. Антонов-Овсеенко на свой страх и риск двинул красные полки на Харьков и 3 января освободил город от петлюровцев. На следующий день, 4 января 1919 года, он назначается командующим Украинским фронтом.

Главком Республики И. И. Вацетис дает директивное указание командующему фронтом «продвинуться до левого берега Днепра», то есть отбить у петлюровцев Киев. В то же время он телеграфировал В. А. Антонову-Овсеенко:

«Стратегические задачи на Украине настолько обширны, что для разрешения их требуется несколько армий, что по силам лишь войскам РВСР; поэтому тем 3–4 полкам, формирование которых Вами еще не закончено, мною никогда не ставилось стратегических задач».

Регулярных полков в составе сил Антонова-Овсеенко действительно имелось немного. Тогда командующий фронтом сделал ставку на формирование надежных крупных партизанских отрядов с опытными, преданными советской власти командирами. Такими отрядами командовали В. Н. Боженко, Н. Г. Крапивянский, Н. А. Руднев, Н. А. Щорс и другие. События развивались быстро. 1-я Советская Украинская дивизия, нанеся поражение петлюровцам, освобождает Чернигов и Бахмач. Владимир Александрович, прибыв в родной Чернигов, приветствовал там командира дивизии Локотоша и его бойцов.

Симон Петлюра сумел оправиться от удара и собраться с силами. Он объявляет о формировании пяти армейских корпусов. 16 января Украинская директория объявляет войну Советской России. Но командование Украинского фронта опережает противника в начале наступления, главными силами идя на Киев. Петлюровцы, понеся большие потери, сочли за благо оставить город без боя. 6 февраля в Киев вступают два советских полка – Богунский Николая Щорса и Таращинский В. Н. Боженко.

Штаб Украинского фронта продолжал находиться в Харькове. Антонову-Овсеенко директивно ставится задача – поддержать Южный фронт и до конца разгромить петлюровцев. Наступление возобновляется: на острие атакующего удара ставится дивизия Щорса. В марте занимаются Винница и Жмеринка.

Войска фронта вышли в пределы Правобережной Украины, к Северной Таврии и степным районам Приазовья. Они были развернуты в полосе около одной тысячи километров от правого берега реки Припяти до Гуляй-Поля и состояли из 1-й и 2-й Украинских, 1-й Заднепровской советских дивизий, двух бригад и нескольких отдельных полков. К середине февраля силы фронта насчитывали 43,6 тысячи штыков и 3,5 тысячи сабель при 124 орудиях и 606 пулеметов.

Наступательная операция заканчивается к 1 апреля выходом красных войск на берега пограничного Днестра. Главнокомандующий Республики И. И. Вацетис докладывал председателю Совнаркома: «Успех превзошел всякие ожидания».

Развивая успех, войска Украинского фронта врываются в Крым. Перекоп и Сиваш брала дивизия Петра Дыбенко, бывшего председателя Центробалта и народного комиссара по морским делам, соратника Владимира Александровича по Октябрю 17-го года в Петрограде.

Встал вопрос о создании советского правительства Крыма. Но командующему Украинским фронтом пришлось заняться другим делом. 6 апреля советские войска взяли Одессу. Под городом впервые красные взяли в качестве трофеев танки: один из них был отправлен в Москву в качестве подарка председателю Совнаркома.

Вскоре мятеж подняла бригада атамана Н. А. Григорьева, участвовавшая в боях за Одессу. Захватив в городе богатые трофеи, Григорьев отвел бригаду «на отдых» в Александрию. Перед этим командующий Украинским фронтом в штабном вагоне имел разговор с глазу на глаз с бывшим петлюровцем.

Перед этим с фронта были сняты все боеспособные части, которые перебросили в Донбасс для удержания каменноугольного бассейна от перешедшей в наступление Добровольческой армии генерал-лейтенанта А. И. Деникина и донских белоказаков. В Донбасс отправилось до 50 тысяч штыков, 4 тысячи сабель (5 кавалерийских полков), артиллерия, броневые части.

В тылу «разложилась» бригада Нестора Махно: она, уйдя с фронта, «открыла» его для белых. Неблагонадежность махновцев Антонов-Овсеенко определил еще тогда, когда посетил их столицу Гуляй-Поле, где, как командующий фронтов, провел смотр местным запасным частям.

Теперь возникла серьезная опасность соединения Григорьева с Махно. Активизировались петлюровцы. В это время пришло распоряжение РВСР расформировать Украинский фронт и передать часть его войск Западному фронту, а часть – Южному фронту. Это было требование Л. Д. Троцкого. Картина Гражданской войны в России резко менялась.

Антонов-Овсеенко сложил с себя полномочия командующего войсками Украинского фронта на основании постановления Совета обороны Советской Украины от 11 мая 1919 года. Но главнокомандующим всеми ее вооруженными силами он еще оставался, и периодически вмешивался в оперативные распоряжения войскам.

Бывший командующий Украинским фронтом «без работы» долго не остался. В августе 1919 года он назначается уполномоченным ВЦИК и ЦК РСДРП(б) по продразверстке. Должность не связывала его с руководством войсками.

Возможно, на такое назначение вчерашнего командующего фронтом повлиял «суровый выговор» из Москвы за то, «что вопреки обещаниям и несмотря на многократные настояния, ровно ничего серьезного для освобождения Донбасса не сделано». Под выговором стояли три подписи, в том числе В. И. Ульянова (Ленина) и И. В. Сталина. Более того, ему угрожали партийным судом.

В октябре 1919 года ЦК РКП(б) направляет В. А. Антонова-Овсеенко в Тамбовскую губернию. Там он работает председателем губернского исполкома. Через несколько лет Владимир Александрович на страницах газеты «Правда» расскажет о тех трудных, неспокойных временах:

«Фронт близко. На фронте неудачи. В губернии бродят шайки “зеленых”, в городе – чека сообщает – белые готовят восстание. Губком превращен в крепость. У подъезда часовой из комотряда, на площадке лестницы – другой, на посту. В передней – скамьи, бревна на случай баррикадировать двери. В губкоме постоянное дежурство нескольких человек для связи…

На балконе – в сторону площади – пулемет. Полевой телефон – с заводским комитетом, с чека, на случай разрыва обычной городской связи».

Когда фронт стал отходить на юг, надобность для Москвы в пребывании Владимира Александровича в Тамбовской губернии отпала. Он получает новые должности, на которых не задерживается. Становится заместителем Главного комитета по всеобщей трудовой повинности (Главкомтруда). Назначается членом коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции. Утверждается членом при Совете труда и обороны по проведению в жизнь военного положения (оно вводилось в 24 губерниях), а потом еще и членом коллегии Наркомата труда. Отбывает в Пермь с правами уполномоченного ВЦИК, становясь там председателем губернского совещания.

В 1920–1921 годах В. А. Антонов-Овсеенко снова оказывается в Тамбове, но уже в новом качестве. Он становится председателем полномочной комиссии ВЦИК по ликвидации известного в отечественной истории Тамбовского крестьянского восстания, которое в советское время называлось кулацко-эсеровским. На борьбу с ним были брошены значительные

силы Красной армии (РККА). Восстание охватило не только Тамбовскую, но и соседние с ней Воронежскую и Саратовскую губернии.

После жестокого подавления «антоновщины» на Тамбовщине Антонов-Овсеенко оказывается на посту председателя Самарского губисполкома и комиссии помощи голодающим. Избирается председателем Самарского городского исполкома. В декабре 1922 года он – председатель Полномочной комиссии ЦК РКП(б) в Кронштадте. Исследователей Гражданской войны поражает тот факт, что в те годы Владимир Александрович не засиживался в должностях.

В 1922–1924 годах В. А. Антонов-Овсеенко – начальник Политического управления Реввоенсовета Республики (с 28 августа 1923 года – Реввоенсовета СССР).

Во время пребывания на посту главного политработника РККА он стал известен тем, то по его личной инициативе с 1 января 1924 года стала издаваться центральная военная газета «Красная звезда», ныне центральный печатный орган Министерства обороны Российской Федерации.

В те же годы Владимир Александрович был председателем Военно-исторической комиссии, членом редколлегии и председателем военной секции Истпарта (истории партии) при ЦК РКП(б). Его перу принадлежат: «Записки о Гражданской войне» (4 тома), мемуары «В семнадцатом году», первый марксистский очерк истории Гражданской войны «Строительство Красной армии в революции».

Когда «отзвучали» последние отголоски Гражданской войны, Владимира Александровича направляют трудиться на дипломатическое поприще, благо опыт работы за границей еще до Октября 17-го был немалый. Весной 1924 года он возглавляет дипломатическую миссию в Кантоне по вопросу об урегулировании советско-китайских отношений. С 1924 по 1928 год – полномочный представитель СССР в Чехословакии. Затем такие же посты занимает в Литве и Польше (с 1928 по 1934 год).

В эти годы у В. А. Антонова-Овсеенко выходит четырехтомник «Записок о Гражданской войне». Он имел большой успех у читателей.

Было время (1923–1927 годы), когда В. А. Антонов-Овсеенко ходил в сторонниках Л. Д. Троцкого, примкнув к троцкистской оппозиции. Его счастьем являлось то, что фракционной работы в рядах партии он не вел. Газета «Правда» 8 апреля 1928 года писала, что, разобравшись в сущности позиции троцкистов, Антонов-Овсеенко порвал с ними. Однако И. В. Сталин о троцкистском прошлом организатора штурма Зимнего дворца, ставшего крупным советским дипломатом, помнил. Думается, что подозрительность к себе вождя Владимир Александрович с начала 30-х годов ощущал.

В июне 1934 года полномочного посланника в Варшаве отзывают в Москву и неожиданно для многих (и для него самого) назначают прокурором РСФСР, хотя он никакого юридического образования не имел. Но зато был тверд по отношению к врагам революции в годы Гражданской войны, кто бы они ни были: контрреволюционеры или белые, махновцы или мятежные тамбовцы. Одновременно В. А. Антонов-Овсеенко (с 1934 по 1937 год) является членом ВЦИК.

Когда в далекой Испании начинается Гражданская война, он снова призывается на дипломатическое поприще. Антонов-Овсеенко назначается генеральным консулом СССР в Барселоне. Ему приходится заниматься поставками вооружения для войск республиканцев, вопросами участия в войне советских военных специалистов. В республиканской Испании Владимир Александрович находился с сентября 1936 года по сентябрь 1937 года.

По возвращении с войны в Испании он в том же сентябре 37-го назначается народным комиссаром юстиции РСФСР. В этой высокой должности, когда маховик сталинских репрессий был раскручен, Антонов-Овсеенко пробыл совсем недолго. 12 октября последо-

вал арест по сфабрикованному делу. Следствие шло почти четыре месяца. Арестант содержался в Бутырской тюрьме (в «Бутырках»).

8 февраля 1938 года Военная коллегия Верховного суда РСФСР приговорила его к 10 годам лишения свободы без права переписки. В тот же день видный большевик В. А. Антонов-Овсеенко был… расстрелян: его не стало в 55 лет.

Гражданская реабилитация Владимира Александровича Антонова-Овсеенко, профессионального революционера, наркома по военным делам и главнокомандующего фронтом в годы Гражданской войны, полномочного посла СССР, прокурора и наркома юстиции РСФСР состоялась в 1954 году. В следующем году он был посмертно восстановлен в рядах Коммунистической партии. В феврале 1956 года – публично реабилитирован на XX съезде КПСС.

В 1973 году В. А. Антонову-Овсеенко на его родине, в городе Чернигове, был поставлен памятник.

Когда вчитываешься в строки «разношерстной» биографии этого человека удивительной даже для годин Гражданской войны судьбы, то думается о той роли, которую он сыграл тогда. Овсеенко чем-то напоминает лихого, умелого «пожарника» в руках глав Реввоенсовета и Совнаркома, кидавших вчерашнего профессионала-подпольщика Антонова туда, где было «тонко» и грозило прорывом, где приходилось начинать, как говорится, почти с нуля и стоя на зыбучем песке. Где требовался человек решительный и жесткий, потому что время стояло такое.

Таких «пожарников», да еще с клеймом бывшего троцкиста, неважно, какого уровня, история Гражданской войны в России знает немало. Эти люди, кто выжил в ее огне, пережить сталинские репрессии 30-х годов просто не могли: судьба у них на финише была незавидная. Трагичная.

Блюхер Василий Константинович Главнокомандующий Народно-революционной армией, советник Сунь Ятсена

Один из первых пяти Маршалов Советского Союза родился в 1890 году в деревне Барщинка (всего 16 дворов) Георгиевской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии в семье русского крестьянина-бедняка, внука суворовского солдата, по имени Лаврентий и по прозвищу Блюхер. Мать была из крестьянского православного рода Медведевых соседней деревни Курганово.

Такое прозвище Лаврентий, вернувшись со службы (скорее всего, будучи увечным воином) в родную деревню, получил за обилие наград – Георгиевский крест и медали за Отечественную войну 1812 года – от своих земляков. Они при встрече сравнили земляка, обладателя солдатского «Егория», с прусским генерал-фельдмаршалом Гебхардом Блюхером, виденным на лубочных картинках. Со временем такое необычное прозвище стало «немецкой» фамилией крестьянского рода на Ярославщие.

Трудовую деятельность «отходника» Василий Блюхер начал в 1904 году, после окончания сельской церковно-приходской школы. Начинал с «мальчика на побегушках» мануфактурного магазина в Санкт-Петербурге. Затем трудился подручным и слесарем на ряде заводов. На Мытищинском вагоноремонтном заводе состоялось первое знакомство молодого рабочего с агитаторами-революционерами.

В феврале 1910 года за призыв рабочих на митинге в Мытищах был арестован во время выступления. Суд приговорил его к 2 годам и 8 месяцам тюремного заключения. Этот срок наказания он провел в Бутырской тюрьме в Москве.

Выйдя из тюрьмы, Василий Блюхер много занимался самообразованием, учился на годичных подготовительных курсах, но поступить в университет, что было его мечтой, не успел. Началась Первая мировая война.

В августе 1904 года он был призван в армию. После обучения в 93-м запасном полку он попал рядовыми в 19-й пехотный Костромской полк. Воевал на Юго-Западном фронте, в полковой команде охотников (разведчиков). За отличия в боях был награжден Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степеней, Георгиевской медалью «За храбрость» 4-й степени и чином младшего унтер-офицера.

На фронте Василий Блюхер провоевал всего четыре месяца. Во время разведки под Тернополем, во время боя в январе 1915 года он получил тяжелые осколочные ранения от разрыва гранаты. В госпиталях, после нескольких операций, пролежал целый год. Его дважды санитары переносили в морг, посчитав за умершего.

Младший унтер-офицер был уволен из армии как инвалид войны с назначением пенсии. Его левая нога стала короче на полтора сантиметра, и Василию Блюхеру пришлось, скрывая свою хромоту, учиться ходить вразвалочку. Подлечившись в родной деревне, он отправляется на поиски работы, которую находит в Казани, на местном механическом заводе. Здесь, в июне 1916 года, фронтовик вступает в партию большевиков.

После Февраля 17-го года Блюхер переехал на новое место жительства, в Самару. Здесь он установил связь с местным большевистским комитетом. Вскоре от председателя Самарского губернского ревкома (РВС) В. В. Куйбышева получил задание устроиться добровольцем в местный 102-й запасной полк. Не без труда георгиевский кавалер-инвалид был зачислен в запасную воинскую часть, где начал вести агитационную работу. Был избран председателем полкового комитета. Во время Октября 17-го года полк выступил на стороне революции.

В Поволжье и соседний с ним Урал пришла Гражданская война. В Самаре создается вооруженный отряд, который направляется к Челябинску для очищения города от оренбургских белоказаков атамана А. И. Дутова. Комиссаром революционного отряда, которым командовал капитан старой армии Садлуцкий, назначается помощник комиссара гарнизона Самары большевик Василий Блюхер. Самарцы, на вагонах эшелонах которого вывели надпись «Демобилизованные», без боя с казачьими заслонами прорвались к Челябинску и участвовали в освобождении города.

После этого самарцы подкрепили так называемый «Северный летучий отряд» моряков-балтийцев мичмана Сергея Павлова. Этот отряд в истории Гражданской войны был знаменит «ликвидацией» Ставки Верховного главнокомандующего России в городе Могилеве и зверским убийством на местном вокзале генерал-лейтенанта Н. Н. Духонина, только вступившего в командование Ставкой.

С марта Блюхер командовал сводным Восточным отрядом в борьбе с дутовщиной. «Северный летучий отряд», самарцы, уральские отряды красногвардейцев завязали бои с белоказами-дутовцами в районах Троицка, станицы Татищевой, Оренбурга, Верхнеуральска, других местах. Неприятель, будучи разбитым, уходил в степи. В этих боях проявились незаурядные способности В. К. Блюхера, его умение руководить отрядами в сложной боевой обстановке.

Блюхер становится на время председателем Челябинского ревкома и Совета. 10 мая он получает новое назначение. В выданном ему мандате говорилось:

«Предъявитель сего товарищ Василий Блюхер Уральским областным военным комиссаром (Ф. И. Голощекиным. – *А.Ш.*) назначается главнокомандующим всеми отрядами, находящимися под Оренбургом. Всем начальникам отрядов предписывается точное и беспрекословное подчинение всем распоряжениям товарища Блюхера».

Путь воинского эшелона из Челябинска под Оренбург лежал через Самару. Но тут вспыхнул мятеж Чешско-Словацкого корпуса. Белочехи захватили и Челябинск, и Самару. Советские войска под Оренбургом оказались отрезанными от своих тылов и находились в фактическом враждебном окружении. Отряд Блюхера первый бой с белочехами провел под Бузулуком, но дальше ему продвинуться не удалось.

Отряды красногвардейцев и красных партизан стали стягиваться к Белорецкому заводу (ныне город Белорецк) на реке Белой. Здесь на заседании военного совета 2 августа 1918 года по предложению В. К. Блюхера был согласован план дальнейшего прорыва по тылам белых на соединение с Красной армией через Верхнеуральск, Миасс, Екатеринбург навстречу войскам Восточного фронта, о местонахождении которых информации не имелось.

Главнокомандующим был избран бывший казачий офицер Николай Каширин, а его заместителям стали Блюхер и Иван Каширин, брат Николая. В то же время Василий Блюхер оставался командиром самого большого, сводного Уральского отряда. Другими большими отрядами являлись Верхнеуральский Н. Д. Каширина и Троицкий Н. Д. Томина. Соединенные советские отряды получили название «Уральской партизанской армии».

Армия за 8 дней ожесточенных боев прошла около 50 километров и подступила к городу Вернеуральску. Перед ним состоялся тяжелый бой на лысой горе Извоз, которая господствовала над округой. Но удержаться у Верхнеуральска и поселка Тирлянский, окруженных восставшими казачьими станицами, красным не удалось. Из-за недостатка сил (4700 штыков, 1400 сабель, 13 орудий) они были вынуждены отойти опять к Белорецкому заводу.

В боях у Верхнеуральска был тяжело ранен в ногу главнокомандующий Н. Д. Каширин, и руководить отрядами на поле боя он уже не мог. 2 августа по решению военного совета его сменил Блюхер. Василий Константинович реорганизовал разрозненные отряды в полки, батальоны и роты и предложил новый план похода: через Петровское, Богоявленский завод и Архангельское прорываться на Красноуфимск. По такому пути можно было опереться на

местных рабочих, получить пополнение и продовольствие. Военный совет такой план принял.

Начав поход 5 августа, Уральская партизанская армия к 13 августа с боями преодолела Уральский хребет в районе Богоявленского завода. Вместе с партизанами уходили многие их семьи. По пути Блюхер присоединил к себе 2-тысячный Богоявленский партизанский отряд М. В. Калмыкова, а затем Архангельский отряд В. Л. Дамберга (1300 человек) и ряд других местных отрядов красных партизан.

Теперь Уральская партизанская армия представляла из себя значительную силу. Она имела в своем составе 6 стрелковых и 2 кавалерийских полков, артиллерийский дивизион, другие части. Всего 10,5 тысячи штыков и сабель, 18 орудий. Армия двигалась на марше, имея впереди авангард, за ним главные силы, а затем арьергард. Длина походной колонны составляла до 20 километров. Движение тормозили плохие дороги и обоз с беженцами.

Блюхер понимал всю невыгодность положения армии: путь ее лежал в треугольнике рек Залима, Белая и Сим. Следовало как можно скорее покинуть его. Приходилось сокращать стоянки, совершать ускоренные марши. И каждодневно вести разведку по пути движения армии красных партизан Юга Урала.

Белое командование прилагало немало усилий для ее разгрома. 20 августа у населенного пункта красные партизаны выиграли тяжелый бой. 27 августа они форсировали реку Сим и заняли железнодорожную станцию Иглино, 12 километров северо-восточнее Уфы. Участок железной дороги Уфа – Челябинск был разрушен, и неприятель, в том числе белочехи, на Урале на пять дней потеряли прямое сообщение с Сибирью. Это был чувствительный удар.

Последовали новые бои – на реке Уфа, у селения Красный Яр (здесь был построен мост через реку, помогали местные жители-башкиры), в других местах. К 10 сентября Уральская партизанская армия дошла до района Аскина, и у села Тюйно-Озерская прорвала кольцо окружения: белых войск из состава Сибирской армии перед ней уже не наблюдалось.

Войска Блюхера выходили на соединение с передовыми частями советской 3-й армии Восточного фронта три дня: с 12 по 14 сентября. Штаб 1-й Бирской бригады, которой командовал Павел Деткин, самым гостеприимным образом встретил партизанского командующего.

Через десять дней красные партизаны Южного Урала прибыли в город Кунгур, где их основная часть влилась в состав поредевшей в прошедших боях 4-й Уральской (ставшей затем 30-й) стрелковой дивизии. Начальником ее назначается В. К. Блюхер. Меньшая часть пошла на пополнение других дивизий и полков: потери советской 3-й армии во время наступления белой Сибирской армии на Пермь оказались серьезными.

Так Уральская партизанская армия прекратила свое существование, а ее 54-дневный поход героической страницей вошел в историю Гражданской войны в России. Путь ее походил по горам, лесам и болотам. Бойцы проявили высокую организованность и массовый героизм, проведя более 20 победных боев. Были разгромлены несколько белых частей, полк белочехов и полк польских легионеров, гарнизон Стерлитамака. Действия Уральской партизанской армии содействовали начавшемуся наступлению Восточного фронта, что признавало высшее командование противной стороны.

Газета «Часовой революции» в день вступления красных партизан Юга Урала в Кунгур писала: «Все на праздник в честь наших красных боевых молодцов, в честь цвета Красной армии – блюхеровских отрядов».

О южноуральских партизанах и их командующем запрашивала Москва, Совнарком и Реввоенсовет Республики. Член Уральского обкома партии большевиков А. П. Спунде писал председателю Совнаркома В. И. Ульянову (Ленину):

«Посылаю вам сведения о Блюхере, о котором мы с вами… говорили… Товарищи утверждают, что буквально во всех случаях его стратегические планы на проверку оказывались абсолютно удачными. Поэтому Уральский областной (комитет) РКП(б) (и, конечно, Советов тоже)… настаивают на том, чтобы Блюхер с его отрядами был отмечен высшей наградой, какая у нас существует…»

Реввоенсовет 3-й армии доложил председателю ВЦИК Я. М. Свердлову: «Переход войск тов. Блюхера в невозможных условиях может быть приравнен разве что к переходам Суворова в Швейцарии. Мы считаем, что русская революция должна выразить вождю этой горсточки героев, вписавших новую славную страницу в историю нашей молодой армии, благодарность и восхищение».

В те дни учреждается самый первый советский орден Красного Знамени. Он был предназначен для награждения граждан РСФСР, «проявивших особую храбрость и мужество при непосредственной боевой деятельности». Иначе говоря, это была высокая орденская награда за военные заслуги.

28 сентября 1918 года Президиум Всероссийского Центрального исполнительного комитета постановил: «Первым по времени знак отличия присудить тов. Блюхеру». Так Василий Константинович Блюхер, будущий Маршал Советского Союза, стал обладателем военного ордена Красного Знамени (но не за № 1, как это ошибочно считается). Стал самым первым орденоносцем среди советских военачальников.

В памятке награжденного орденом Красного Знамени были такие строки: «Тот, кто носит на своей груди этот высокий пролетарский знак отличия, должен знать, что он из среды равных себе выделен волею трудящихся масс, как достойнейший и наилучший…»

В 1918 году 30-я стрелковая дивизия В. К. Блюхера сражалась на Кунгурском и Пермском направлениях против войск Сибирской армии адмирала Колчака, которой командовал белочех генерал Радула Гайда. Сибиряки в условиях суровой уральской зимы держались стойко, и потому наступление левого (северного) крыла Восточного фронта развивалось совсем не так, как на западном (южном) крыле.

Первый бой дивизия провела 24 сентября. Она прикрывала районы Сылвинского, Сергинского и Бисертского заводов. Красные партизаны, теперь красноармейцы, сумели отразить наступление противника: «Блюхер произнес на митинге речь, напомнил подчиненным об их опыте и призвал не посрамить партизанской славы».

Отразив натиск колчаковцев, 30-я стрелковая дивизия сама пошла вперед. 2 октября она овладела городом Красноуфимском. Генерал Гайда, получив подкрепления, подготовил контрудар по тому участку фронта, который занимали полки Блюхера. Он телеграфировал в Омск Верховному правителю России адмиралу А. В. Колчаку: «3-я армия после пополнения отрядами Блюхера и Каширина на Красноуфимском направлении теснит Иркутскую дивизию. Срочно необходима ей помощь».

Когда стало ясно, где противник наносит главный атакующий удар, Блюхер понял, что если его дивизия здесь не выстоит, то ослабленные войска 3-й армии не выстоят в других местах. Колчаковская Сибирская армия перешла в наступление на город Пермь 29 ноября, когда уже лежали глубокие снега. В самое трудное положение попал 1-й Морской Кронштадтский полк, который был окружен и полностью погиб.

Блюхер понял, что через эту брешь в линии фронта белые устремятся к Перми. Он попытался залатать дыру, закрыв ее Белореченским резервным полком Пирожкова. Комдив лично водил красноармейцев в атаки, на время приостановив наступательный порыв белых сибиряков. Он даже успел поздравить своих бойцов с боевым успехом.

Перед Новым годом установились суровые морозы. Потери в боях, обморожения, болезни обескровили 30-ю стрелковую дивизию. Поняв, что ему дольше не удержать позицию, Блюхер 21 декабря стал отводить свои полки. В результате этого 25 декабря Пермь была

занята сибирскими войсками генерала Гайды, которые, развивая успех, вышли на берега Камы и даже попытались ее форсировать в районе города Ассы. 3-я армия М. М. Лашевича отступала под натиском белых.

Но вскоре наступление колчаковской Сибирской армии застопорилось. Причина этого заключалась в следующем. Разведка 30-й стрелковой дивизии сумела перехватить приказ командира 1-го Сибирского корпуса генерал А. Н. Пепеляева. Из приказа стало ясно, что Пепеляев задумал нанести удар по левому флангу дивизии Блюхера и захватить Павловский и Очерский заводы. Белые стягивали сюда значительные корпусные силы.

Блюхер умело распорядился полученными данными разведки, решив упредить атаку неприятеля. Он взял под личное командование 1-ю Красноуфимскую бригаду и с ней совершил по заснеженным лесам глубокий обход ударной группы пепеляевцев. Те не ожидали от красных такого рискованного марш-броска по лесному бездорожью. Атака бригады Блюхера имела полный успех.

Развивая его, в наступление перешла вся советская 3-я армия: теперь инициатива оказалась в руках красного командования. Умелые действия Василия Константиновича Блюхера по срыву вражеского наступления не остались незамеченными: 31 января 1919 года он назначается помощником командующего 3-й армии Лашевича.

В апреле следует новое назначение – начальником Вятского укрепленного района. Он был создан для того, чтобы не допустить соединения войск Сибирской армии адмирала Колчака и отрядов генерала Е. К. Миллера, командовавшего белой армией Северной области, наступавших от Архангельска. Блюхеру пришлось заниматься строительством полевых укреплений, формированием «гарнизонов защиты».

Восточный фронт, перейдя в наступление на своем левом крыле, освободил города Пермь и Кунгур. Командующий фронтом М. В. Фрунзе приказал сформировать новую стрелковую дивизию, которая получила номер 51-й. Ее составили из Вятской крепостной бригады, Особого Северного экспедиционного отряда и Особой бригады. Немалая часть личного состава состояла из рабочих уральских заводов.

Начальником дивизии 15 августа 1919 года был назначен краснознаменец В. К. Блюхер. Дивизия вошла в состав 3-й армии, которой теперь командовал С. А. Меженинов. Во главе 51-й стрелковой Блюхер участвовал в разгроме Колчака.

Наступать ему пришлось на открытом северном фланге Восточного фронта, на восток от Тюмени. 20 августа дивизия форсировала реку Тобол, затем переправилась через Иртыш и двинулась на город Тобольск, который был когда-то необъявленной сибирской столицей. Продвижение вперед шло успешно: Тобольск был занят.

Но вскоре ситуация на Восточном фронте резко изменилась. Колчак, собравшись с силами, перешел на рубеже рек Иртыш и Тобол в контрнаступление. Советская 5-я армия, которой командовал будущий Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский, оказалась отброшенной назад. Колчаковцы потеснили и 3-ю армию (Блюхер вывел дивизию из окружения), которой пришлось оставить Тобольск. Туда победно прибыл на пароходе адмирал А. В. Колчак, чтобы лично поздравить белые войска с большой победой.

Спустя некоторое время 51-я стрелковая дивизия вернула город Тобольск назад. Теперь колчаковцы главными силами отступали на восток по линии Транссибирской железнодорожной магистрали. Вскоре красные 11 ноября 1919 года заняли Омск, столицу Белой Сибири. В этой операции дивизия Блюхера совершила глубокий фланговый обход. Честь занятия Омска она разделила с 27-й и 30-й стрелковыми дивизиями, которые наступали с фронта.

К лету 1920 года на театре Гражданской войны в России создалась критическая обстановка. На этот раз она сложилась на Западном фронте против белопанской Польши и Южном фронте против врангелевской Русской армии. По приказу из Москвы туда была перебро-

шена часть освободившихся войск Восточного фронта, перед натиском которого колчаковцы отступали в Забайкалье.

51-я стрелковая дивизия из Сибири прибыла на Южный фронт в начале августа. Она заняла позицию на Каховском плацдарме, сразу приступив к его инженерному оборудованию. Было устроено несколько линий окопов и проволочных заграждений, строились блиндажи и устраивались батарейные позиции. Тогда Блюхер познакомился с военным инженером Д. М. Карбышевым. У Каховки находились четыре переправы через Днепр. Советские войска под Каховкой были усилены авиационной группой И. У. Павлова.

Советские войска нанесли по противнику несколько контрударов. Но 12 августа конный корпус генерала И. Г. Барбовича и 2-й армейский корпус генерала Я. А. Слащева заставили красные войска отойти на подготовленные оборонительные рубежи. Непрерывные атаки белых на Каховку продолжались до 20 августа, но безуспешно.

Отразив все вражеские атаки, советские войска (4 дивизии, в том числе и 51-я, и Херсонская группа) перешли в контрнаступлении и 26 августа вышли на подступы (20–30 километров) к городу Мелитополю. Однако в ответ конный корпус генерала Барбовича, усиленный Корниловской и 6-й пехотными дивизиями, нанес сильный удар по левой группе советских войск (дивизия Блюхера и 52-я стрелковая дивизия), а 2-я Донская казачья дивизия – по ее правому флангу и центру.

Советские войска снова отошли обороняться на Каховский плацдарм, который на этот раз был занят 51-й стрелковой дивизией и бригадой 15-й стрелковой дивизии под общим командованием В. К. Блюхера (11 тысяч штыков и сабель, 52 орудия, 10 бронемашин, 368 пулеметов). В день 14 октября белые войска начали крупное наступление, имея цель через переправы у Каховки прорваться на правобережье Днепра. На то время Врангель не имел успеха только под Каховкой.

На Каховский плацдарм начались сильные двухдневные атаки 2-го армейского корпуса, которым теперь командовал генерал В. К. Витковский (свыше 6 тысячи штыков, до 700 сабель, 12 танков, 14 бронеавтомобилей, 80 орудий, 200 пулеметов). С воздуха атакующих поддерживало 15 аэропланов. Атакующих врангелевцев не смущало даже то обстоятельство, что оборонявшиеся красные войска имели заметное превосходство в силах и пулеметах. В рядах атакующих двигались танки – невиданное доселе в Гражданской войне оружие. До этого они использовались только в одиночных случаях.

Когда атакующий натиск белых, понесших большие потери в людях, иссяк, Блюхер 15 октября сам перешел в решительное наступление, отбросив неприятеля от Каховского плацдарма на 10–20 километров. Красные захватили у белых в качестве трофеев 10 (!) танков, 7 бронемашин и 70 пулеметов. Каховка выстояла и стала легендарной для истории РККА.

Командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе писал о тех днях: «Геройские войска под общей командой Блюхера не только отбили атаку врага, но и перешли в дружную контратаку, окончательно разгромили его и с боем овладели всей линией его расположения».

Умелые действия Василия Константиновича Блюхера на Каховском плацдарме стали образцовыми для истории Гражданской войны в России. Личные его заслуги виделись несомненными. Наградой ему за Каховку стали золотые часы с надписью: «Честному воину Рабоче-Крестьянской армии от ВЦИК». Другой наградой для командира 52-й стрелковой дивизии стал второй орден Красного Знамени.

Затем дивизия В. К. Блюхера прославила себя в Перекопско-Чонгарской операции Южного фронта, которая проводилась с 7 по 17 ноября 1920 года с целью завершения разгрома белой армии барона Врангеля и освобождения Крыма. 51-я стрелковая дивизия вошла в состав ударной группы советской 6-й армии, которой командовал А. И. Корк. Ей предстояло силами двух своих бригад (ее отдельная кавалерийская бригада через Сиваш наступала на Литовский полуостров) атаковать в лоб вражескую Перекопскую позицию.

Эта позиция (Перекоп) состояла из Турецкого вала длиной до 11 километров, высотой в 10 метров, глубиной рва перед валом 10 метров, прикрытого тремя линиями проволочных заграждений. Вторая полоса обороны белых проходила на удалении 20–25 километров от первой лини, то есть Турецкого вала, имела 6 линий окопов, тоже прикрытых проволочными заграждениями.

О штурме Перекопа и участии в нем 51-й стрелковой дивизии В. К. Блюхера в «Истории Гражданской войны в СССР» (в двух томах) записано в таких словах:

«Наступление советских войск началось в ночь на 8 ноября. Ударная группа 6-й армии в 15-градусный мороз (точнее – сильный ветер и 11–12-градусный мороз), в ледяной воде по трем бродам перешла Сиваш… и на рассвете заняла Литовский полуостров…

С утра 8 ноября после четырехчасовой артиллерийской подготовки части 51-й стрелковой дивизии при поддержке 15 бронеавтомобилей начали штурм Турецкого вала. Однако из-за тумана артиллерия не смогла надежно подавить огневые средства противника. В ходе трех фронтальных атак вала дивизия понесла большие потери от пулеметного и артиллерийского огня противника и была вынуждена залечь перед рвом.

На чонгарском направлении в это время войска 4-й армии еще готовились к переходу в наступление. Наступление 9-й стрелковой дивизии по Арбатской стрелке было сорвано огнем вражеских кораблей.

Днем 8 ноября осложнилось положение на Литовском полуострове, так как неожиданно переменился ветер и вода в Сиваше стала прибывать. В результате создалась угроза полной изоляции на полуострове частей Ударной группы 6-й армии. Оценив сложившуюся обстановку, М. В. Фрунзе принял незамедлительные меры для усиления войск на перекопском направлении и Литовском полуострове. Он приказал 2-й конной армии сосредоточиться в районе Перекопа, а одной дивизией поддержать атаку 51-й стрелковой дивизии, которой предстояло немедленно возобновить штурм Турецкого вала…

В четвертом часу ночи 9 ноября части дивизии В. К. Блюхера в ходе четвертой атаки, поддержанной бронеавтомобилями, под ураганным огнем противника, ослепляемые прожекторами, овладели Турецким валом, искусно обойдя частью сил его левый фланг вброд по западной части Перекопского залива.

Ударная группа 6-й армии усилила натиск на Литовском полуострове, что вынудило врага ослабить оборону на перекопских направлениях и начать отход ко второй полосе… К утру на Литовский полуостров переправились 7-я кавалерийская дивизия и махновцы, которые совместно с 52-й стрелковой дивизией стали теснить врангелевцев к Юшуню…

Успешно развивалось наступление и на перекопском направлении. 52-я стрелковая дивизия к вечеру 10 ноября вышла к третьей линии Юшуньских позиций…

В этот район была переброшена 2-я конная армия, которая 11 ноября смяла и обратила в бегство конный корпус врага. Этот день стал переломным в Перекопско-Чонгарской операции. Угроза потерять пути отхода вынудила противника начать отступление на всем фронте».

К вышесказанному следует добавить следующее. Во время начала штурма Турецкого вала командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе и командующий 6-й армией А. И. Корк находились в штабе Блюхера. В атаку пошли 152-я бригада и 1-й ударный полк; они потеряли убитыми и ранеными почти 60 процентов своего состава.

Достичь рва перед валом бойцам Блюхера удалось только ночной атакой. Спустившись в ров, они оказались в мертвом пространстве: пулеметный огонь с вала теперь их не накрывал. Красноармейцы пошли вдоль вала и вошли в воды Перекопского залива, и так же, как и по Сивашу, обошли теперь и правый фланг, выйдя в тыл защитникам Турецкого вала.

После занятия с боем Перекопской позиции врангелевцев дивизия Блюхера на рассвете 11 ноября овладела первыми тремя оборонительными позициями белых у Юшуня. Василий Константинович, не сдерживая радости от одержанной победы, писал в донесении:

«Задача, поставленная перед дивизией – пробить дорогу в Крым, – выполнена. 11 ноября в 12 часов занята станция Юшунь, впереди Крым, укреплений больше нет, лучшие силы Врангеля разгромлены окончательно: корниловцы, дроздовцы, марковцы, гвардейцы, второй армейский корпус представляют из себя жалкие остатки и панически бегут. Армия, представлявшая гордость Врангеля, разбита и уничтожена. Пали неприступный Турецкий вал и четыре линии Юшуньских укреплений.

Полуодетые, голодные, уставшие, участвовавшие беспрерывно во всех боях красноармейцы и командиры разгромили не только превосходившую в живой силе армию, но и разбили ее за десятками рядов проволочных заграждений и бесчисленными рядами окопов. Ничто не смогло спасти войска Врангеля. Приказ пролетариата – Крым должен быть Советским – выполнен с честью».

Война в Крыму для 51-й стрелковой дивизии В. К. Блюхера закончилась 15 ноября 1920 года. В тот день ее полки победно вступили в город русской воинской славы Севастополь и курортный город Ялту. Дивизия была награждена орденом Красного Знамени и получила почетное название Перекопской. Так в рядах РККА появилась 51-я Краснознаменная Перекопская стрелковая дивизия.

Сам Василий Константинович решением Реввоенсовета Южного фронта за победный штурм Перекопа был награжден третьим орденом Красного Знамени. В приказе Реввоенсовета Республики № 221 от 20 июня 1921 года о том говорилось так:

«Награждается в третий раз орденом Красного Знамени бывший начальник 51-й Московской стрелковой дивизии Блюхер Василий Константинович за то, что в боях с 8–12 ноября 1920 г. по овладению Перекопским перешейком проявил личную храбрость и особое искусство в руководстве боевыми действиями подчиненных ему частей дивизии. Несмотря на чрезвычайно трудную обстановку как в отношении преодоления сильно укрепленных позиций противника, так и при условии необыкновенно упорной обороны их, руководимые т. Блюхером части, в результате упорных боев ворвались в Крым, чем положили прочное начало близкой ликвидации последнего гнезда российской контрреволюции».

Реввоенсовет 1-й конной армии наградил его часами с надписью: «Красному вождю и победителю на Перекопе и Ишуне 27.X – 11.XI начдиву 51 В. К. Блюхеру от РВС 1-й конной армии».

С разгромом Врангеля и освобождением Крыма Гражданская война для трижды орденоносца В. К. Блюхера не закончилась. Она еще шла на Дальнем Востоке, где во Владивостоке к власти пришло Приамурское временное правительство братьев Меркуловых и где в Приморье еще стояли японские войска.

Советская Россия находилась тогда в тяжелом положении, будучи окружена со всех сторон враждебно настроенными к ней государствами. Внутри нее разруха, голод дополнялись вооруженными выступлениями разных противников советской власти. Председатель Совнаркома В. И. Ульянов (Ленин) писал о той ситуации предельно откровенно:

«Обстоятельства принудили (нас) к созданию буферного государства в виде Дальневосточной Республики. Вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна».

Дальневосточную Республику (ДВР), существовавшую в 1920–1922 годах, следовало укрепить в военном отношении. То есть укрепить ее вооруженные силы в лице Народно-революционной армии (НРА). В столицу буферного государства город Читу летом 1921 года

отправляется группа опытных военачальников во главе с В. К. Блюхером. В июне он становится военным министром Республики и главнокомандующим НРА.

В короткие сроки Блюхер провел реорганизацию «партизанской» Народно-революционной армии, заботясь, прежде всего, о ее боеспособности. Он принял командование НРА, когда та находилась в «катастрофическом состоянии». Одна из дивизий, имела списочный состав в 4800 человек, но после сбора в ней оказалось всего 920 человек.

Блюхер после уяснения обстановки отправил из Читы в Москву на имя председателя Совнаркома В. И. Ульянова (Ленина) и председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого за своей подписью рапорт поразительного содержания:

«…Нищенство, проституция, воровство, грабежи, шпионаж и др. позорные явления стали нередким элементом армейского быта. Военспец, спекулирующий на барахолке последними вещами и не посещающий по этой причине занятия, ответственные работники, нанимающиеся к ремесленникам в подмастерья и к торговцам в ночные сторожа, жены военнослужащих, побирающиеся по городу “Христа ради”, бойцы, да одни ли бойцы, с оружием в руках вламывающиеся в квартиры жителей с целью грабежа; штабники – от голода хворающие, падающие в обморок, ворующие и продающие все, что попадется под руку, от карандаша до пишущей машинки и секретного документа, организованные банды, угоняющие у крестьян скот под флагом конфискации белогвардейского имущества… все это стало тяжелым фактом повседневности, характеризующим ту грань, до которой докатились материальная необеспеченность армии и то разложение, которое вызвано ненормальными условиями жизни».

Обрисовав такую, прямо скажем, невеселую картину состояния армии Дальневосточной Республики, Блюхер просил у Москвы ускоренного отпуска достаточного количества материальных ресурсов, главным образом валюты, обмундирования и снаряжения. Просил он и немедленной присылки «возможного количества надежных партийных сил» для воспитания армии.

Москва откликнулась на просьбы военного министра ДВР: Совнарком выделил для ее армии полтора миллиона рублей золотом. На эти деньги В. А. Блюхер, по сути дела, заново создал Народно-революционную армию Дальневосточной Республики, подготовив ее к предстоящим боям.

Дальневосточная Республика провела с Японией дипломатическую конференцию в китайском городе Дайрене, которая проходила с перерывами с августа 1921 года по апрель 1922 года. В состав делегации ДВР в качестве военного советника входил В. К. Блюхер. Стороны по вине дипломатов из Токио не смогли тогда договориться о выводе японских войск с российского Дальнего Востока.

В 1921 году Белоповстанческая армия (около 7,5 тысячи штыков и сабель, 95 пулеметов, 11 орудий, 3 бронепоезда) генерал-майора В. М. Молчанова, выступив из Владивостока, начала поход на Хабаровск, сбивая по пути заслоны из полков ДРА. Город был захвачен 22 декабря, и белые войска продвинулись до станции Волочаевка Амурской железной дороги. Дальше на запад они не продвинулись, потерпев поражение в бою у станции Ин. Белоповстанцы, подвергаясь с тыла нападениям партизан, перешли к обороне на рубеже Волочаевка – Верхнеспасское, занимая передовыми отрядами станцию Ольгохты.

Волочаевка была превращена в хорошо укрепленный район. Он состоял из окопов с ледяными валами, 5–6 рядов проволочных заграждений, пулеметных гнезд и артиллерийских позиций. Центром позиции являлась сопка Июнь-Корань. Волочаевку обороняла группа полковника Аргунова (свыше 2300 штыков и сабель при 37 пулеметах и 8 орудиях). Другие войска генерала Молчанова прикрывали фланги Волочаевской позиции, стояли гарнизоном в Хабаровске.

Блюхер перенес свой армейский штаб из Читы на станцию Ин. Отсюда он руководил Волочаевской операцией. Войска Восточного фронта ДВР (командующий – С. М. Серышев) насчитывали 7600 штыков и сабель, 300 пулеметов, 30 орудий, 2 танка, 3 бронепоезда и были сосредоточены у станции Ин.

Планируя операцию по взятию Волочаевки, Блюхер разбил имеемые под рукой силы на две группы: Инскую под командованием Серышева (3120 штыков и сабель, 121 пулемет, 16 орудий, 2 танка и 3 бронепоезда) и Забайкальскую под командованием Н. Д. Томина (4480 штыков и сабель, 179 пулеметов, 14 орудий). Инской группе ставилась задача овладеть Волочаевским укрепленным районом. Забайкальской группе – наступая южнее вдоль берега Амура, овладеть селениями Верхнеспасское и Нижнеспасское и отрезать белоповстанцам пути отхода, окружить их и уничтожить у Хабаровска.

Народноармейцы перешли в наступление 5 февраля, взяв станцию Ольгохты. Сюда перешли главные НРА. 10 февраля Инская группа перешла в наступление, нанося удар по самому сильному, правому флангу волочаевской позиции неприятеля. Красные бойцы атаковали в 35-градусный мороз, идя по пояс в снегу, под сильным вражеским огнем. Прорвать Волочаевскую позицию белых в тот день они не смогли.

Тогда для взятия сопки Июнь-Карань были создана ударная группа во главе с командиром 6-го стрелкового полка А. Н. Захаровым и обходная колонна, подкрепленная Троицкосавским кавалерийским полком. 12 февраля волочавские укрепления – «Дальневосточный Перекоп» – были взяты героическим штурмом.

Писатель А. В. Владимиров показал необыкновенную картину того, как командующий НРА Блюхер в морозный день устроил парад красных войск, чтобы поднять боевой дух красных бойцов.

«Пройдет всего несколько дней, и народноармейцы, сметая белых, подойдут к главной твердыне врага – неподалеку от станции Волочаевка. Измученные боями, едва не падающие от усталости, питавшиеся лишь мерзлым хлебом и соленой рыбой, утолявшие жажду снегом, пойдут бойцы на штурм вражеских укреплений…

Ливневый огонь обрушится на цепи бойцов. Мороз будет жечь лицо, примораживать руки к винтовкам. Но шаг за шагом станут продвигаться бойцы к возвышающейся вдали сопке Июнь-Карань, бастиону белогвардейцев. Ни блиндажи, ни волчьи ямы, ни паутина колючей проволоки, ни стены из мешков с землей, заваленных снегом и облитых водой, – ничто не остановит красных бойцов. Они будут рвать проволоку прикладами, рушить колья штыками…»

Вторая группа – Забайкальская – наступала успешно. Введенный в заблуждение генерал Молчанов посчитал, что главный удар противник наносит вдоль берега Амура, бросил сюда свой резерв – Поволжскую бригаду, но ей пришлось отступить.

Итогом Волочаевской операции стало занятие 13 февраля Хабаровска. Белоповстанческая армия избежала окружения и, минуя город, начала отступление в Приморье, прикрываясь сильным арьергардом. Народноармейцы шли в преследование, но при первой же встрече с японской заставой они остановили поход на юг, к Владивостоку.

За штурм Волочаевки 6-й стрелковый полк, легкая батарея, бронепоезд № 8 и 67 бойцов и командиров Народно-революционной армии были награждены орденами Красного Знамени.

Блюхеру вскоре пришлось расстаться с Дальним Востоком. В июне 1922 года его отзывают в Москву. Совет министров ДВР наградил его почетной грамотой, в которой говорилось: «Вы были не только Главкомом-начальником, но и трибуном, товарищем, за которым массы шли не только по приказу, но и по призыву».

В августе Василия Константиновича назначают командиром-комиссаром 1-го стрелкового корпуса в Петрограде и одновременно комендантом Петроградского (Ленинградского)

укрепленного района. Он избирается членом ВЦИК и членом Ленинградского городского совета. В конце 1923 года подал рапорт с просьбой послать учиться на Высшие военные академические курсы. Но получить системное военное образование ему не довелось: Блюхер так и остался самоучкой.

В августе 1924 года открывается новая страница в биографии В. К. Блюхера. По просьбе Сунь Ятсена, первого (временного) президента Китайской Республики, основателя партии Гоминьдан и создавшего в союзе с Компартией Единый демократический фронт, Москва командирует в Китай группу военных специалистов во главе с Блюхером. Он под псевдонимом «генерал Галин» становится главным военным советником Гуанчжоуского революционного правительства.

Блюхер прибыл в Китай под псевдонимом Галин Зой Всеволодович. Откуда появился такой псевдоним? Он был плодом самого Василия Константиновича: фамилия – по имени жены Галины, имя – по имени дочери Зои, отчество – по имени сына Всеволода.

«Генерал Галин» сделал очень многое для Сунь Ятсена (умершего в марте 1925 года в Пекине) и сменившего его Чан Кайши: укрепил дисциплину в армии, провел ее реорганизацию, избавил правительство Гуанчжоу от неверных генералов-милитаристов, помог одержать ряд важных побед. Под стать старшему группы трудились другие советские военные советники – В. К. Путна и Н. В. Куйбышев, В. М. Примаков и М. Г. Ефремов, А. Я. Лапин и М. В. Сангурский, П. А. Павлов…

Был сорван план генерала Чэнь Цзюнмина по захвату Гуанчжоу и взята его крепость Вейчжоу, в которой правительственные войска захватили в качестве трофеев почти 13 тысяч винтовок, 110 пулеметов и 36 орудий. Милитаристские войска в провинции Гуандун на китайском Юге были полностью разгромлены.

Когда Чан Кайши, выпускник военной академии в Японии, стал главнокомандующим, «генерал Галин» спланировал и осуществил известный Северный поход. Когда завязались тяжелые бои с армией генерала У Пэйфу, правительственные войска (Национально-освободительная армия, НОА) овладели укрепленными городами Ханьян и Ханькоу, взяли, пусть и не без труда, крепость Учан.

Затем была разбиты войска армии генерала-милитариста Сунь Чуаньфана, хорошо вооруженные и обладавшие большим боевым опытом. В донесении В. К. Блюхера в Москву о той наступательной операции писалось:

«Армиям Сунь Чуаньфана и цзиньинским войскам окончательное поражение нанесено 5 ноября. Отброшенные на озеро с железной дороги, окруженные с юга и севера остатки войск разгромлены 9-го…

Район Цзюнцзяна и Наньчана запружен пленными, число коих превышает сорок тысяч».

Разбитые войска генералов-милитаристов отступают к Шанхаю и Нанкину. 26 марта 1927 года началось революционное восстание. Войска НОА вступают в город. Затем был занят не менее важный город Нанкин. Но 12 апреля того же года Чан Кайши совершает переворот, и Коммунистическая партия Китая из союзников Гоминьдана превращается в его главного врага. Советским советникам пришлось срочно покинуть Китай.

После возвращения на Родину в 1927 году Василий Константинович назначается помощником командующего войсками Украинского военного округа. Но это понималось как временное назначение.

В следующем, 1928 году, в связи с 10-летием РККА Блюхер награждается четвертым орденом Красного Знамени. В 20-х годах только четыре прославленных командира советской армии были четырежды удостоены этой награды: Василий Блюхер, Степан Вострецов, Ян Фабрициус и Иван Федько, что и вошло красной строкой в отечественную историю.

В августе 1929 года В. К. Блюхер назначается Реввоенсоветом Республики командующим Особой Дальневосточной армией (ОДВА) со штабом в городе Хабаровске. Ему ставится задача обезопасить границы страны на Дальнем Востоке. Так он вновь оказался в местах, где когда-то сражался с белыми в годы Гражданской войны.

Обстановка на дальневосточной границе смотрелась тревожной, чреватой большим военным конфликтом. В июне 1929 года китайские милитаристы спровоцировали вооруженный конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) и в ряде других мест. Уладить конфликт дипломатическим путем не удалось. За спиной местных милитаристов зримо стояла фигура Чан Кайши, хорошо знакомого Василию Константиновичу человека.

Обычно считается, что боевые действия в том военном конфликте между двумя соседями велись на линии КВЖД. Но на самом деле на сопредельном китайском приграничье происходили крупные боевые действия. Блюхер, как командующий ОДВА, разработал и осуществил три серьезные наступательные операции, которые свидетельствовали о его полководческом даровании.

Первой из них стала Сунгарийская операция. В ней участвовали: Амурская военная флотилия под командованием Я. И. Озалиня, 2-я Приамурская стрелковая дивизия И. А. Онуфриева, а также 4-я и 5-я авиационные эскадрильи под командованием Э. П. Карклина. Общее руководство осуществлял А. Я. Лапин, начальник штаба ОДВА.

В течение одного дня советские войска, успешно форсировав полноводный Амур, овладели укрепленным городом Лахасусу. Через несколько дней последовала новая наступательная операция: Амурская речная флотилия с сильным десантом на борту совершила 70-километровый поход по замерзающей реке Сунгари, преследуя отступающих «белокитайцев», атаковала их флот на рейде Фугдина и сам город. Речные корабли с воздуха поддерживала авиация. После той атаки у воинов-дальневосточников сложилась поговорка: «Был у Чан Кайши флот надводный, стал подводный».

После этих событий на Амуре китайская сторона устроила еще одну вооруженную провокацию с вылазкой на советскую территорию в Забайкалье. Блюхер приказал командующему Забайкальской группой войск С. С. Вострецову разбить гарнизоны противника в Чжалайноре и Маньчжурии, захватить его материальную часть.

Вострецов действовал решительно. 5-я Кубанская кавалерийская бригада будущего Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского не стала брать город Чжалайнор в лоб, а обошла его с тыла и овладела им. Город Маньчжурия был окружен полками 35-й стрелковой дивизии. Его гарнизон, которым командовал генерал Лянь Чжуцзянь, сложить оружие отказался. Блюхер приказал разгромить гарнизон Маньчжурии на рассвете 20 ноября, что и было исполнено Вострецовым.

В тех боях было взято в плен более 8 тысяч китайских солдат, более 250 офицеров и командующий Северо-Западным фронтом генерал Лянь Дзян со своим штабом. Войска ОДВА потеряли 123 человека. После этого китайская сторона обратилась к Москве с просьбой разрешить конфликт на КВЖД мирным путем. 22 декабря 1929 года стороны подписали в Хабаровске соглашение, нормализующее отношения двух соседних государств.

Проведенные Отдельной Дальневосточной армией наступательные операции стали примерами хорошо организованного взаимодействия сухопутных войск с речной военной флотилией при широком использовании десантов и маневра на окружение противника. В тех событиях В. К. Блюхер действительно блеснул полководческим талантом, тремя операциями обезопасив границу на Дальнем Востоке от новых покушений.

Реввоенсовет Республики ходатайствовал перед ВЦИК СССР о награждении наиболее отличившихся бойцов и командиров. В те дни в Советском Союзе был учрежден новый орден Красной Звезды. Василий Константинович был награжден этим орденом, на котором стоял № 1, как у его первой орденской награды.

Вне всякого сомнения, в 30-х годах В. К. Блюхер имел огромную популярность не только среди людей военных, но и среди всего населения Страны Советов. Не случайно полководец Г. К. Жуков писал о нем в своих знаменитых мемуарах следующее:

«Бесстрашный боец с врагами Советской республики, легендарный герой В. К. Блюхер был идеалом для многих. Не скрою, я всегда мечтал быть похожим на этого замечательного большевика, чудесного товарища и талантливого полководца».

Девять лет провел Блюхер на Дальнем Востоке. Он не только решал вопросы его военной защиты, но и многое делал для индустриализации и коллективизации восточной окраины страны. Именно он заложил первый камень в строительство города Комсомольска-на-Амуре. По его инициативе был создан Особый колхозный корпус, десятки красноармейских совхозов и колхозов. Василий Константинович избирался кандидатом в члены ЦК ВКП(б), был членом ВЦИК (1921–1924) и ЦИК СССР (1930–1938), депутатом Верховного Совета СССР 1-го созыва.

Когда было учреждено звание Маршала Советского Союза, то в числе первых пяти его обладателей 20 ноября 1935 года был В. К. Блюхер. Он был награжден двумя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени (в том числе Красного Знамени СССР за № 1) и орденом Красной Звезды.

Интересный факт: Василий Константинович был тем военным деятелем Страны Советов, о котором в кругах белой эмиграции ходили самые разные легенды, как правило, далекие от истины. Один из публицистов той среды Р. Б. Гуль писал:

«Среди красных маршалов СССР В. К. Блюхер – полководец первого ранга. Послужной список Блюхера богат и блестящ. Блюхер – сильная, колоритная фигура. Но самое замечательное в Блюхере то, что ни в СССР, ни за границей никому не известно: кто же он на самом деле, этот популярнейший маршал Советов? Блюхер – генерал “Nemo”, Блюхер – “полководец под псевдонимом”.

Вокруг этого стратега и организатора, взявшего псевдонимом фамилию знаменитого прусского королевского генерала, только множатся домыслы, легенды, догадки. Но от них не тает, а гуще сгущается вокруг Блюхера темнота. Смесь данных советской, зарубежной и эмигрантской прессы дает неплохой фон для большого авантюрного романа:

“Блюхер – рабочий от станка Медведев”, “Блюхер – первоклассный иностранный организатор-авантюрист типа Требич-Линкольна”, “Блюхер – образованный русский офицер”, “Блюхер – русский унтер-офицер”, “Блюхер говорит с сильным немецким акцентом”, “Блюхер – майор Титц, офицер австрийского Генерального штаба”, “Блюхер – военнопленный германский офицер, бывший правой рукой полковника Бауера”, “Блюхер – выхоленный человек с отполированными ногтями”, “Блюхер в октябре обстреливал древнюю русскую святыню – Московский Кремль”, “Блюхер подавил Ярославское восстание”.

Может быть, в истории еще не было такого случая, чтобы полководец крупнейшей страны оставался легендой и мифом. Ложь, догадки, домыслы и правда, сплетясь, создали плотную “черную маску” на лице знаменитого псевдонима. Но маска не мешает, оказывается, Блюхеру играть крупную роль как в СССР, так и на мировой арене. Лишь единственный человек улыбается – генеральный секретарь ордена “серп и молот”. Ему точно известен этот полководец, выбравший себе имя победителя Наполеона при Ватерлоо “генерала Форвертс”…»

Когда обстановка на границах Дальнего Востока вновь стала накаляться, что было связано с захватом японцами Маньчжурии, Маршал Советского Союза В. К. Блюхер назначается командующим войсками Краснознаменного Дальневосточного фронта, обладавшим большими полномочиями.

В мае 1937 года Блюхер был вызван в Москву. Там уже шли многочисленные аресты «врагов народа». Начался процесс над Маршалом Советского Союза Тухачевским и другими

«заговорщиками». В состав суда во главе с председателем Военной коллегии Верховного суда СССР армвоенюристом В. В. Ульрихом вошли крупные военачальники, в том числе Блюхер. Судьи и подсудимые прекрасно знали друг друга.

После судебного процесса Василий Константинович, подавленный всем происходящим, возвратился в Хабаровск. Вслед за ним туда прибыл Мехлис, который, после самоубийства начальника Главного политического управления Я. Б. Гамарника, занял этот пост, и заместитель наркома НКВД Фриновский. На Дальнем Востоке Мехлис, с именем которого связана раскрутка маховика сталинских репрессий, начал массовые увольнения с арестом армейских и флотских политработников. Сейчас можно утвердительно сказать, что это было «капание» под Блюхера.

29 июля 1938 года начался конфликт на озере Хасан: японцы захватили высоты Безымянную и Заозерную. Завязались бои. Непосредственное руководство советскими войсками в районе Хасана осуществлял начальник блюхеровского штаба Г. М. Штерн.

В ходе хасанских событий Мехлис «не уставал» слать в Кремль телеграммы, чернящие Блюхера. В итоге в одном из телефонных разговоров И. В. Сталин прямо спросил: «Скажите, товарищ Блюхер, честно: есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами?»

Надо признать, что в ходе боев в июле – августе командующий войсками Дальневосточного фронта не проявил должных организаторских способностей. Об этом свидетельствует хотя бы то, что за время боев у озера Хасан советские войска потеряли более 2,5 тысячи человек, при этом потери японских войск составили около 1,5 тысячи человек.

11 августа события на озере Хасан закончились полной победой советских войск: японцы были разгромлены и отброшены на территорию Маньчжурии. 12 августа Блюхера вызвали в Москву. Там нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов пригласил маршала Блюхера с семьей отдохнуть на его даче в Сочи. 22 октября Василий Константинович и его супруга были арестованы и отправлены в Москву. Допросы шли на Лубянке.

В том же 1938 году, 9 ноября, Маршал Советского Союза В. К. Блюхер был приговорен к высшей мере наказания с конфискацией имущества и расстрелян. По другим данным, он умер во время следствия. Вместе с ним по ложному обвинению были расстреляны две его первые жены (Кольчугина и Покровская), родной брат Павел Блюхер, капитан, командир авиазвена при штабе ВВС Дальневосточного фронта, и его супруга Багутская. Третья жена Блюхера, Безверхова, была осуждена к восьми годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях. Были репрессированы дети от всех трех жен Блюхера.

Блюхер был реабилитирован 12 марта 1956 года. В постановлении Военной прокуратуры говорилось: «Дело по обвинению Блюхера Василия Константиновича прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления». Посмертно реабилитировали и расстрелянных с ним родных.

Буденный Семен Михайлович
Живая легенда Гражданской войны – командарм «сталинской» 1-й конной армии

К казачьему сословию легендарный командарм не принадлежал, хотя родился на Тихом Дону, на хуторе Козюрин станицы Платовской (ныне Пролетарский район Ростовской области) в 1883 году. Его отец был иногородним, крестьянином из соседней Воронежской губернии, осевшим на казачьей семье, арендуя земельный участок степного чернозема у станичного общества (урожай делился пополам). Семья была многодетной: пять сыновей и три дочери.

Детство Семена Буденного прошло на хуторе Литвиновка (Дальний), расположенном на правом берегу реки Маныч, в сорока километрах от станицы Платовская. С ранних лет трудился в поле рядом с отцом, пас скот, научился обращаться с лошадью. В школу не ходил, читать и писать научился самостоятельно.

В 1903 году был призван на действительную службу в армейскую кавалерию. Стал драгуном. В январе 1904 года Буденный отправляется на Японскую войну. В Маньчжурии нес службу по охране фронтовых коммуникаций от нападений местных разбойников-хунхузов, сопровождал почтовые повозки. В одной из схваток с хунхузами получил ранение.

После Русско-японской войны служил в Приморском драгунском полку, расквартированном в селе Раздольное Приморья. В январе 1907 года был откомандирован на учебу в Петербург, в школу наездников при Высшей офицерской кавалерийской школе. По выпуску возвратился на Дальний Восток, в свой полк. Дослужился до чина старшего унтер-офицера, показывая высокую кавалерийскую выучку. Отслужив положенный срок, Семен Буденный остается на сверхсрочную службу.

Известие о начале Первой мировой войны встретил во время отпуска, находясь в станице Платовской, куда перебрался его отец с семьей. На фронт сразу не попал, будучи направлен на Кубань, в город Армавир, в запасной кавалерийский дивизион, где готовились маршевые эскадроны для Кавказской кавалерийской дивизии, которая воевала на польской земле. Эта дивизия была единственной в русской армии, состоявшей только из драгунских полков.

Семен Буденный просился на фронт и в августе 14-го добился своего. Он, уже опытный и повоевавший кавалерист, получил назначение на должность взводного унтер-офицера 5-го эскадрона 18-го Северского драгунского полка. Иначе говоря, он стал командиром взвода конных солдат.

Первую свою фронтовую награду Семен Буденный получил в начале первого года войны за бой у селения Бжезины. В тот день его взвод внезапным нападением разгромил обоз, который прикрывала рота германской пехоты с двумя пулеметами. Были взяты богатые трофеи, среди пленных оказалось два офицера.

За победный бой под Бжезинами старший унтер-офицер удостоился Георгиевского креста 4-й степени, а все драгуны его взвода стали обладателями Георгиевской медали «За храбрость».

В конце ноября 1914 года дивизия, которой командовал генерал-лейтенант Шерпантье, была по железной дороге переброшена на Кавказский фронт. Во время стоянки близ Тифлиса, в немецкой колонии Александрдорф, у Семена Буденного произошел конфликт с одним из унтер-офицеров, который получил удар кулаком. Полевой суд Кавказской кавалерийской дивизии лишил Буденного Георгиевского креста.

Но он «вернул» себе солдатского Георгия уже 5 декабря того же года. Его драгунский взвод во время боя за турецкий город Ван лихо атаковал вражескую батарею и захватил на ее позиции три орудия. Старший унтер-офицер получил в награду Георгиевский крест 4-й степени.

Георгиевский крест 3-й степени он заслужил на земле Персии в районе города Керманшах. Дивизия Шерпантье отходила с низины в горы, взвод Буденного прикрывал дивизионный обоз, трое суток отбивая нападения неприятеля. В одной из схваток на горной дороге драгуны пленили турецкого офицера. Георгий 2-й степени был получен за разведку: в тылу врага взвод Буденного пробыл 22 дня, вернувшись к своим с трофеями.

Золотой Георгиевский крест 1-й степени Семен Буденный получил под Керманшахом за то, что ночью с четырьмя драгунами пленил полевой караул турок, который под не бдительной охраной двух часовых спал в окопах, составив винтовки в козлы. Позже С. М. Буденный вспоминал:

«За смелые и успешные действия солдаты, ходившие со мной в разведку, были награждены Георгиевскими крестами. Я был награжден Георгиевским крестом первой степени и, таким образом, стал обладателем полного банта георгиевского кавалера».

В начале 1917 года, после Февральских событий, Кавказская кавалерийская дивизия была переброшена под Минск на Западный фронт. Старший унтер-офицер Семен Буденный, обладатель Георгиевского креста всех четырех степеней и Георгиевской медали «За храбрость» тоже всех четырех степеней, летом 17-го года избирается председателем солдатского комитета эскадрона, затем председателем полкового и заместителем председателя дивизионного комитетов Кавказской кавалерийской дивизии.

В Минске он знакомится с М. В. Фрунзе, бывшим тогда председателем Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, членом исполкома Минского горсовета и фронтового комитета армий Западного фронта. Под влиянием Фрунзе и его соратника А. Ф. Мясникова (Мясникяна) беспартийный драгунский комитетчик переходит на «большевистские позиции».

В августе 17-го Буденный вместе со своими драгунами участвовал в разоружении корниловских войск, прибывших на железнодорожный узел Орша. Тогда Кавказская туземная («Дикая») дивизия без единого выстрела сложила оружие, которое вскоре было ей возвращено.

После Октябрьской революции и демобилизации старой армии Семен Буденный возвратился домой, на Дон. 19 ноября он прибыл в станицу Платовскую. Деятельный полный георгиевский кавалер быстро сплотил вокруг себя казаков и иногородних, предложив создать в станице революционный комитет и организовать конный отряд для борьбы с контрреволюцией в лице Донского войскового правительства.

12 января нового 1918 года в станице Платовской и окрестных хуторах была объявлена советская власть. Семен Буденный избирается членом исполкома Сальского окружного совета и назначается заведующим окружным земельным советом. Вскоре он возглавляет один из местных отрядов конных красных партизан.

Буденный прославил себя налетом на станицу Платовскую, занятую белым отрядом генерала Гнилорыбова. Атака состоялась на рассвете, и противник не смог оказать организованного сопротивления. Трофеями буденновских партизан стали два орудия и 300 снарядов к ним, 4 пулемета, 300 винтовок с 16 тысячами патронов и 150 лошадей с седлами.

Летом 17-го года красные крестьянско-казачьи партизанские отряды стянулись к Царицыну для защиты его от белоказачьей Донской армии атамана П. Н. Краснова. Из них был образован 1-й Социалистический кавалерийский полк, командиром которого назначили Б. М. Думенко, а его помощником стал Буденный. Полк входил в состав 1-й Донской советской стрелковой дивизии.

13 июля на совещании краскомов в Дубовке Семен Михайлович впервые встретился с И. В. Сталиным. Вскоре он познакомился с командующим группой войск Царицынского фронта К. Е. Ворошиловым. Их знакомство вскоре переросло в дружбу, во многом определившую дальнейший жизненный путь одного из первых Маршалов Советского Союза.

Под Царицыном завязались тяжелые бои с белоказаками. Полк Думенко разворачивается в 1-ю Донскую советскую кавалерийскую бригаду. Буденный становится помощником комбрига. На северном участке обороны города советские войска нанесли успешный контрудар. Под городом Аксаем отличилась красная кавалерия. Бригада Думенко участвовала в разгроме частей Астраханской пехотной дивизии генерала Виноградова.

28 ноября кавалерийская бригада преобразуется в 1-ю Сводную кавалерийскую дивизию двухбригадного состава. Буденный назначается помощником (начальником штаба) комдива Б. М. Думенко. С января 1918 года – он командир 1-й бригады этой дивизии.

В начале этого года Донская белоказачья армия заставила советскую 9-ю армию отступить на север, захватила Дубовку и вышла к Волге севернее Царицына. Новый командующий 10-й армии, защищавшей город, А. И. Егоров решил нанести по противнику контрудар, чтобы исправить положение на фронте. Такая задача была поставлена дивизии красной конницы, которой командовал Думенко. Но сам комдив, заболевший тифом, находился в госпитале, а его обязанности исполнял С. М. Буденный.

12 января Буденный доложил Егорову о взятии Дубовки и разгроме там белых войск. Среди трофеев оказалось около тысячи верховых лошадей. Эта операция стала для Семена Михайловича, бывшего драгунского старшего унтер-офицера, «пробой сил» в должности командира кавалерийской дивизии. Боевой экзамен он выдержал на отлично.

В конце января была образована Особая кавалерийская дивизия в составе бригады Буденного и Доно-Ставропольской кавбригады Булаткина. Командующий 10-й армией А. И. Егоров вверил ее командование Семену Михайловичу, который предложил совершить рейд по вражеским тылам. План получил одобрение.

В феврале Особая кавалерийская дивизия со всей решительностью атаковала Котлубань. Рейдовая операция закончилась полной победой красной конницы: конная группа генерала Попова подверглась разгрому и отступила от Царицына.

В приказе Реввоенсовета Республики № 26 от 29 марта 1919 года отмечалось, что Особая кавдивизия совершила 400-верстный рейд, разбила двадцать три полка, из коих четыре пеших были полностью взяты в плен. В качестве трофеев дивизия захватила у белых 48 орудий, более 100 пулеметов и многое другое.

Уже после Гражданской войны советский полководец А. И. Егоров, оценивая рейд Особой кавалерийской дивизии С. М. Буденного под Царицыном, писал, что вражеское осадное кольцо, сжимавшееся вокруг «волжского красного Вердена»:

«Было разорвано только благодаря доблестным действиям славной конницы Буденного…

Результатом действий его конницы явился полный разгром противника перед фронтом всего северного участка и центра 10-й армии…

Наша армия, окрыленная боевыми успехами конницы Буденного, с повышенным настроением рванулась вперед, преследуя отступавшего противника на Маныч».

Республика Советов высоко оценила личный вклад комдива Семена Михайловича Буденного в том успехе, имевшем стратегическое значение. Он был награжден первым своим орденом Красного Знамени.

После этого буденновцы повели наступление по левому берегу Дона. Затем начались изнурительные бои с белоказаками на реке Маныч. 26 марта Особая кавалерийская дивизия приказом по советской 10-й армии переименовывается в 4-ю кавалерийскую дивизию. Ее командиром остается краснознаменец С. М. Буденный.

Линия фронта постоянно менялась. Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенант А. И. Деникин настоятельно требовал взять Царицын и «твердой ногой стать на берегах Волги». Теперь эта задача поручается Кавказской добровольческой армии генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля, основу которой составляли белые казаки Кубани.

16 июня 1919 года армия генерала Врангеля с трех сторон начала штурм Царицына – «красного Вердена», стремясь прорвать оборону города на внешнем обводе. Понеся большие потери, белая конница прорваться к Царицыну не смогла. Однако 3-му Донскому конному корпусу, устремившемуся в разрыв между советскими 10-й и 9-й армиями 18 июня, частью сил удалось прорваться к железнодорожной станции Иловля. Казачья конница перерезала тракт Царицын – Камышин и вышла в район пригородной станицы Астраханского войска Дубовки.

Для ликвидации прорыва белоказачьей конницы в сражение 26 июня был введен только что созданный конный корпус (4-я и 6-я кавалерийские дивизии) под командованием С. М. Буденного (при этом он продолжал оставаться во главе 4-й кавдивизии). Красные конники нанесли скорый контрудар по противнику у Лозное и отбросили его на правый берег реки Иловля. Связь Царицына с Камышином была восстановлена, а попытка Врангеля окружить 10-ю армию в самом Царицыне сорвана.

28 июня конный корпус занял район Лозное – Давыдовка. В ночь на 29-е генерал Мамонтов, собрав сильную группировку казачьей конницы, пошел в атаку. Всю ночь и утром в степи шел ожесточенный бой кавалерии: белые в атакующем запале докатывались до позиции противника, после чего начиналась рубка. В итоге белоказаки дрогнули и отступили. Корпус Буденного занял Садки.

Здесь Семен Михайлович телеграфной строкой получил донесение, что в связи с отходом 10-й армии на север в направлении города Камышина Реввоенсовет приказывает конному корпусу прикрыть правый фланг армии. Осью корпусного маневра указывалась река Иловля. Армейский штаб переместился на пароходе по Волге в село Золотое. Город Царицын был занят белыми войсками.

Командование Красной армии стало готовить ответный контрудар. В конце августа перешла в контрнаступление Особая группа Южного фронта под командованием В. И. Шорина. Ее 9-я армия нанесла удар на станицу Усть-Хоперскую, а 10-я армия – на Камышин и Царицын. Конный корпус С. М. Буденного, входивший в состав 10-й армии, разгромил западнее станции Островская казачью дивизию генерала Сутулова и вместе со стрелковыми дивизиями нанес поражение белым войскам у станции Себряково и станицы Зеленовская, захватив четыре бронепоезда. Основные силы белых в верховьях Дона были разгромлены.

Удар Особой группы и, прежде всего, 10-й армии с ее «тараном» – лихой буденновской конницей поставил в крайне невыгодное положение Кавказскую армию генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля, которая вынужденно отошла к Царицыну, чтобы закрепиться там.

В те дни конный корпус Буденного посетил прибывший на Царицынское направление председатель Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкий. Он уезжал в Москву недовольный, прежде всего, своим выступлением перед буденновцами, забросавшими его колкими вопросами. По этому поводу Семен Михайлович писал следующее:

«Потом мне рассказывали, что, вернувшись от нас в Москву, Троцкий говорил: “Корпус Буденного – это банда, а Буденный – атаман-предводитель. Мое выступление эта банда встретила ревом, а один взмах руки Буденного произвел на них впечатление электрического удара. Это современный Разин, и куда он поведет свою ватагу, туда она и пойдет: сегодня за красных, а завтра за белых”».

К 11 сентября активные действия под Царицыном прекратилось: стороны собирались с силами. Командование Южного фронта приняло решение вывести конный корпус С. М.

Буденного из состава 10-й армии и направить его для борьбы с 4-м Донским конным корпусом генерал-лейтенанта К. К. Мамонтова, совершавшего рейд по красным тылам. Но это было запоздалое решение: белоказачий корпус лихо прорвался через линию фронта.

На донских берегах не утихали бои. 23 сентября буденновцы занимают город Калач. 26 и 27 сентября конный корпус ведет ожесточенные наступательные бои у Котовки, Березняги и севернее станицы Казанской. Здесь белоказачья конница попала под атакующий удар 4-й и 6-й кавалерийских дивизий и в беспорядке отступила к речной переправе. Конная группа генерала Савельева потерпела поражение, отступив к станице Казанской. Потери стороны понесли большие.

27 сентября Реввоенсовет Республики принял решение о разделении Южного фронта на два – Южный (из трех армий) и Юго-Восточный (из двух армий и конного корпуса Буденного). Как показал дальнейший ход Гражданской войны, это было своевременное и верное решение.

Комкор Буденный в те сентябрьские дни получает от Верховного главнокомандующего Республики бывшего полковника С. С. Каменева несколько директивных приказов об ускорении удара конного корпуса для содействия выходу 9-й армии на Дон. В директиве В. И. Шорину, командующему Особой группы Юго-Восточного фронта, от 30 сентября, к примеру, говорилось следующее:

«Сегодняшний день в конном корпусе Буденного прошел, видимо, только в разведке. Между тем по обстановке совершенно необходимо скорейшее освобождение конкорпуса для новой задачи. Поэтому потребуйте от конного корпуса еще одного короткого энергичного удара на юго-восток с тем, чтобы 9-я армия немедленно вышла на Дон и приступила к подготовке переправ».

В тот же день, 30 сентября, Буденный получает от Шорина новую директиву. В ней конному корпусу приказывается возвратиться в станицу Казанскую и нанести удар по белоказакам перед фронтом 9-й армии вдоль Дона на станицу Вешенскую.

В Москве на такие перемещения конного корпуса отреагировали посланием председателя Совнаркома В. И. Ленина (Ульянова) члену Реввоенсовета Юго-Восточного фронта И. Т. Смилге:

«Шорин жульничает, сберегая Буденного только для себя и вообще не проявляя никакой энергии для помощи войскам Южфронта. Вы будете целиком ответственны за устранение этого безобразия, равносильного предательству. Телеграфируйте подробно, какие реальные меры серьезной помощи и серьезного контроля за выполнением ее и с каким успехом применяете».

Когда в первых числах октября 4-й Донской конный корпус предпринял новый рейд в тыл советской 9-й армии, в борьбу с ним втянулся конный корпус С. М. Буденного, части 21-й стрелковой дивизии и 22-й железнодорожной бригады и местные воинские формирования Новохоперского и Борисоглебского уезда. Угроза со стороны красной кавалерии заставила генерала Мамантова отказаться от выполнения поставленной задачи и повернуть к Воронежу на соединение с 3-м Кубанским конным корпусом генерала Шкуро.

Вскоре состоялось переподчинение конного корпуса. Оно было ожидаемо. 7 октября С. М. Буденный получает директиву командующего Южным фронтом А. И. Егорова, в которой указывалось следующее:

«…Корпус переходит в подчинение непосредственно мне, 8-я армия отходит на линию реки Икорец от ст. Тулинова до устья. По имеющимся сведениям, Мамантов и Шкуро соединились в Воронеже…»

Буденный и корпусной Реввоенсовет решили нанести первый удар по корпусу белых кубанцев. Операция завязалась для красного командования неожиданно. Полки генерала Шкуро под прикрытием тумана ворвались в село Хреновое и с ходу атаковали здесь заставы

6-й кавалерийской дивизии. Комдив Апанасенко, однако, не растерялся, развернул главные силы дивизии и нанес ответный удар по белоказакам.

Тем временем по приказу Буденного 4-я кавалерийская дивизия Оки Городовикова зашла во вражеский тыл и нанесла по белоказачьей коннице сильный удар. Та такого сдвоенного натиска буденовцев не выдержала и начала отступать к Воронежу.

20 октября Верховный главнокомандующий Республики С. С. Каменев в разговоре по прямому проводу с командующим Юго-Восточным фронтом В. И. Шориным с удовлетворением отметил:

«Буденный вчера разбил два полка Шкуро. Этот небольшой успех хорош тем, что совершенно изменил намерение Шкуро, который только 18 октября отдал свой приказ, по которому видно, что он сам хотел разбить Буденного по частям…»

На рассвете 20 октября конный корпус С. М. Буденного, взаимодействуя с 12-й и 16-й стрелковыми дивизиями, перешел в наступление на воронежском направлении. Удар оказался выполнен блестяще: белые сосредоточили главные силы с восточной стороны города, красные атаковали Воронеж неожиданно с севера.

Вскоре в штаб Южного фронта пришло донесение от комкора С. М. Буденного: «После ожесточенного боя доблестными частями конкорпуса в 6 часов 24 октября занят город Воронеж. Противник отброшен за реку Дон. Преследование продолжается. Подробности дополнительно».

Победа под Воронежом значила многое: перед Красной армией открывался путь в Область войска Донского. Не случайно Михаил Шолохов в своем великом романе «Тихий Дон» о воронежской операции высказался в таких словах:

«…Вскоре обстановка на Южном фронте резко изменилась. Поражение Добровольческой армии в генеральном сражении на Орловско-Кромском направлении и блестящие действия буденовской конницы на воронежском участке решили исход борьбы; в ноябре Добровольческая армия покатилась на юг, обнажая левый фланг Донской армии, увлекая ее в своем отступлении».

Вечером 25 октября с Семеном Михайловичем по прямому проводу связались командующий Южным фронтом Егоров и член Реввоенсовета Сталин. Они объявили благодарность бойцам, командирам и комиссарам конного корпуса. А через несколько дней штаб корпуса получил приказ войскам 10-й армии № 148 от 31 октября, в котором, среди прочего, говорилось:

«Созданные долгими усилиями англо-французских капиталистов и Деникина конные корпуса генералов Шкуро и Мамонтова, как единственный оплот контрреволюции, разбиты наголову в боях под Воронежом красным конкорпусом тов. Буденного. Воронеж взят красными героями. Масса трофеев, подсчет производится.

Пока выяснено, что захвачены все именные бронепоезда противника во главе с бронепоездом имени генерала Шкуро. Преследование разбитого противника продолжается, ореол непобедимости, созданный вокруг имени генералов Мамонтова и Шкуро, доблестью красных героев конкорпуса Буденного низвержен в прах. От лица армий Южфронта объявляю братскую благодарность доблестному корпусу Буденного.

Приказываю: захваченный бронепоезд имени генерала Шкуро переименовать в бронепоезд имени народного героя Буденного.

Командюж Егоров. Член Реввоенсовета Южфронта Сталин».

Считается, что идея создания красной Конной армии исходила от самого Семена Михайловича Буденного. Воспользовавшись переговорами по прямому проводу, он кратко изложил свою идею И. В. Сталину. Тот ответил ему кратко:

«Шлите письмо на мое имя».

Буденный не задержался, послав в адрес Реввоенсовета Южного фронта на имя Сталина свое «обоснование» необходимости создания Конной армии, которая не имела аналогов ни в далеком прошлом, ни в годы Первой мировой войны, ни в идущей войне Гражданской. Семен Михайлович писал:

«Я понимаю, что для формирования кавалерии белые располагают большими возможностями, занимая районы казачьих областей. Но и мы можем многое сделать. Если мы не имеем возможностей создать такое же количество конных корпусов, какими располагают белые, то почему бы на первых порах не развернуть наш корпус в Конную армию. Создание такого кавалерийского объединения будет впервые в истории этого рода войск.

Для создания Конной армии у нас имеются все возможности. Хорошей основой для этого послужит конный корпус. Из состава любой дивизии корпуса можно будет вывести кавалерийскую бригаду и, взяв ее за ядро, сформировать за счет добровольцев третью кавалерийскую дивизию. Можно создать эту дивизию и за счет конных частей войсковой кавалерии. При желании можно создать второй конный корпус и свести два корпуса в армию…

Я уверен, что создание Конной армии – это не пустой эксперимент, а назревшая необходимость. Она явится не только серьезным противовесом белогвардейской казачьей коннице, но и могучим средством в руках фронтового или Главного командования для решения задач в интересах фронта и, не исключено, в интересах всей Советской Республики.

Я, безусловно, рассчитываю на Ваше глубокое понимание существа моего предложения и надеюсь, что вы не только поддержите его, но и лично примете решительные меры. Думаю, что это предложение поддержит и А. И. Егоров…»

Считается, что побывавший на Южном фронте будущий «всесоюзный староста» М. И. Калинин в Москве проинформировал и Совнарком, и Реввоенсовет Республики о идее Буденного создать Конную армию. Идея понравилась большинству из тех, кто был с ней ознакомлен. Реввоенсовет Республики принял соответствующее решение. В приказе по войскам Южного фронта от 19 ноября 1919 года сообщалось:

«В соответствии с п. 1 протокола № 68 заседания РВС республики от 17 сего ноября приказываем:

1. 1-й конный корпус Южного фронта в его нынешнем составе переименовать в Конную армию РСФСР.

2. Командующим Конной армией назначается тов. Буденный.

3. Членами Реввоенсовета Конной армии назначаются тт. Ворошилов и Щаденко…»

Временно исполняющим делами армейского штаба назначался В. А. Погребов, начальник штаба конного корпуса. В первый день января 1920 года на эту должность был назначен Н. К. Щёлоков. Первоначально в состав 1-й конной армии входило только три кавалерийские дивизии – 4, 6 и 11-я. В январе 1920 года к ним добавятся 14-я и 19-я кавалерийские дивизии…

В состав Конной армии Буденного входили бронепоезда, авиационная группа и другие отдельные части. В оперативном подчинении ему в разное время поступали: 2-й конный корпус и восемь стрелковых дивизий. Конная армия РСФСР в Гражданской войне в России стала ударной, таранной силой Красной армии.

Совместное заседание Реввоенсоветов Южного фронта и 1-й конной армии состоялось утром 6 декабря. Егоров подчеркнул, что Конная армия создана для решения главной задачи – разгрома Деникина стремительным ударом через Донбасс. Для этого требовалось расчленить Добровольческую и Донскую белоказачью армии. Затем красной коннице Буденного предстояло во взаимодействии с советскими 8-й и 13-й армиями разгромить основные силы белых.

После заседания встал вопрос о членстве командарма С. М. Буденного в РКП(б). Рекомендации для вступления в ряды партии большевиков ему дали Сталин, Ворошилов и Щаденко.

Южный фронт, перейдя наступление, стремился овладеть Донецким каменноугольным бассейном. 1-я конная армия, как мобильная сила, находилась на острие удара советских войск. 13 декабря 1919 года (в 15 часов) в городе Валуйки по Конной армии был отдан приказ за подписью ее командующего Буденного, членов Реввоенсовета Ворошилова и Щаденко, начальника оперативного отдела штаба армии Зотова за № 182. В приказе говорилось о сосредоточении ударной группы войск для операции по владению Донецким бассейном:

«1. Успешное продвижение армий Южного фронта к югу продолжается. В купянском направлении 14 декабря противник, прорвав фронт 9-й стрелковой дивизии в районе Наседкин, Полушкин, пытался при поддержке двух бронепоездов развивать свой успех, но вовремя подоспевшими частями 4-й кавдивизии положение было восстановлено, и противник отброшен в южном направлении.

На фронте других частей Конармии противник особенного упорства не проявляет.

2. К рассвету 15 декабря дивизии Конармии находились: 4-я и 11-я – в районе Покровское, Тарасовка, имея задачей нанести сосредоточенный удар противнику в районе ст. Сватово и занять последнюю, 6-я – выступила в район Лантрашовка, Калиновка.

Правее нас 9-я стрелковая дивизия, имеющая задачей к вечеру 16 декабря овладеть линией ст. Песчаное – ст. Кисловка – Ниж. Дуванка.

Левее 12-я стрелковая (дивизия), имеющая целью 16 декабря овладеть районом ст. Сватово.

3. Директивой командюж (фронта) Конармии ставится задача в кратчайший срок овладеть районом Донецкого бассейна, отрезав все пути отхода для добровольческой армии в Донскую область. Для усиления Конармии на все время указанной операции 9-я и 12-я стрелковые дивизии в оперативном отношении подчинены мне.

4. Во исполнение указанной директивы и в дополнение приказа по Конармии № 181 (в котором ставилась задача разгромить белых у станции Сватово. – *А.Ш.*) приказываю:

а) начдиву 4-й кавалерийской. В составе 4-й и 11-й кавдивизий энергично продолжать выполнение задачи, указанной в приказе по Конармии № 181, стремясь войти в тесную связь с 12-й стрелковой дивизией, и поддерживать связь с 9-й стрелковой и 6-й кавалерийской дивизиями. По выполнении задачи 4-й кавдивизии сосредоточиться у Ново-Екатернославль, а 11-й кавдивизии – в районе Белоцерковка, Свистуновское. Выслать глубокую разведку в южном направлении вдоль железной дороги. Иметь наблюдение в сторону Синьково (20 верст южнее Купянск), не давая возможности противнику безнаказанно отступать из Купянска;

б) начдиву 6-й кавалерийской. Немедленно выдвинуть одну бригаду, которой держать тесную связь с левофланговыми частями 9-й стрелковой дивизии, всемерно содействовать последней для выдвижения на указанные ей пункты и овладения Купянским узлом. Остальным двум бригадам не позже 16 декабря выдвинуться в район Гончаровка (10 верст севернее Ново-Екатеринославль), Преображенное, где и сосредоточиться в тесной связи с частями Конармии. В указанный район должна прибыть и бригада, выделенная для содействия 9-й стрелковой дивизии после окончания возложенной на нее задачи…»

Успех начавшегося наступления давал ожидаемые результаты. 16 декабря Буденный получил донесение от Городовикова: «4-я дивизия овладела станцией Сватово, захвачены трофеи, в том числе бронепоезд “Атаман Каледин”, много лошадей и снарядов».

Началось форсирование реки Северский Донец. Конноармейцы вырвались вперед, открывая свои фланги для возможного контрудара неприятеля. Понимая это, Буденный отдает приказание командиру 6-й кавалерийской дивизии Тимошенко прикрыть левый фланг

армии. 11-й кавалерийской дивизии, выведенной в резерв, ставится задача прикрыть правый фланг.

Наступление развивалось успешно. 17 декабря 1-я конная армия получает новый приказ № 183 о выдвижении в район Донецкого бассейна за подписью Буденного, Ворошилова, Щаденко и временно исполняющего должность начальника армейского штаба Погребова:

«1. Несмотря на упорное сопротивление противника, успешное продвижение армий Южного фронта к югу продолжается. В результате ожесточенных боев нами занят Киев.

2. Войска Конной армии, преодолев упорное сопротивление противника в районе ст. Сватово, овладели последней, захватив богатую военную добычу, в числе которой два бронепоезда и 13 годных паровозов. Пути отхода эшелонов противника с Купянского узла отрезаны.

Части 13-й армии, не встречая сопротивления противника, благодаря маневру Конной армии, успешно продвигаются на юг, заняв 17 декабря г. Купянск.

Части 8-й армии своим левым флангом достигли линии Покровское – Тиминово – Александровка – Ровеньки.

Туркестанская бригада в движении на Белолуцкое (40 верст восточнее Тиминова).

3. Ударная группа в составе Конармии, 9-й и 1-й стрелковых дивизий под моим командованием директивой командующего Южным фронтом поставлена основная задача: разбить добровольческую армию противника, отрезав ей пути отхода в Донскую область, для чего стремительным натиском выдвинуться в район Донецкого бассейна и занять железнодорожные узлы Попасная, Дебальцово, Иловайская…»

Железнодорожная станция Сватово к северу от угольных шахт Донбасса стала исходным рубежом для наступления на самый юг Донецкого бассейна: Иловайская находилась на земле Области войска Донского. Южнее ее был Таганрог, стоящий на берегу Азовского моря. А этот город в Гражданскую войну был штаб-квартирой Вооруженных сил Юга России, их главнокомандующего генерал-лейтенанта А. И. Деникина.

Белая конница генерала Улагая старалась прижать кавалерийскую дивизию Городовикова к берегу Северского Донца. Тогда Буденный послал туда для огневой поддержки бронепоезд Реввоенсовета армии. Под орудийными выстрелами и пулеметными очередями белоказаки оставили поле боя.

В ночь на 23 декабря 1-я конная армия перешла на противоположный берег Северского Донца. Докладывая об успехе командующему Южным фронтом, Буденный доложил о бедственном положении наступающей красной конницы:

«Обещанный вами фураж до сих пор не поступает, и что-то о нем совершенно не слышно. А мы уже подошли к голодноватым местам… В данный момент нет ни одного фунта сахара…»

Егоров ответил: «Овса в пути 80 вагонов, сена отправляется 50, остальное грузится и будет направлено. Вам выслано 2 миллиона патронов…»

Чтобы не терять темпов наступления, Буденный приказал посадить бойцов из приданных ему стрелковых дивизий на конные повозки. Когда перед ним замаячила конная группа генерала Улагая, он выдвинул ей навстречу 11-ю кавалерийскую дивизию, а дивизии Городовикова приказал зайти белоказачьей группе в тыл. Улагай под реальной угрозой окружения начал отступление, потянув за собой к югу другие деникинские войска.

К 1 января 1920 года белые войска оставили Донецкий каменноугольный бассейн. Донбасс стал советской территорией.

В первых числах января Деникину ценой больших усилий удалось на несколько дней остановить наступление красных войск. 6 января Буденный отдал приказ по 1-й конной армии об овладении Ростовом. В тот день наступавшие советские 15-я и 16-я стрелковые дивизии 8-й армии понесли большие потери в столкновении с белоказачей конницей. Буден-

ный срочно направил им в поддержку автоброневой отряд Аргира и автоброневики Войткевича с приказом немедленно «опрокинуть вражью конницу».

Удачный маневр совершает 4-я кавалерийская дивизия Оки Городовикова. Она блестяще нанесла фланговый удар по позиции белых перед Ростовом, который они отразить не смогли. Вечером 8 января полки 1-й конной армии ворвались в город. Деникинцы, застигнутые врасплох, уличных боев вести не стали, поспешно оставив город.

Реввоенсовет 1-й конной армии по случаю большой победы направил телеграмму в адрес Реввоенсовета Южного фронта (копию – председателю Совнаркома В. И. Ленину) об освобождении городов Ростов и Нахичевань. Вот ее содержание:

> «11 января 1920 г.
> Г. Таганрог
>
> Красной Конной армией 8 января 1920 г. в 20 час. взяты города Ростов и Нахичевань. Наша славная кавалерия уничтожила всю живую силу врага, защищавшую осиные гнезда дворянско-буржуазной контрреволюции. Взято в плен больше 10 000 белых солдат, 9 танков, 32 орудия, около 200 пулеметов, много винтовок и колоссальный обоз. Все эти трофеи взяты в результате кровопролитных боев. Противник настолько был разбит, что наше вступление в города не было даже замечено врагом, и мы всю ночь с 8 на 9 января ликвидировали разного рода штабы и воинские учреждения белых. Утром 9 января в Ростове и Нахичевани завязался уличный бой, длившийся весь день.
>
> 10 января города совершенно очищены, и враг отогнан за Батайск и Гнилоаксайскую. Только страшные туманы и дожди помешали преследовать врага и дали ему возможность уничтожить небольшие переправы через реки Кайсуг у Батайска и через Дон у Аксайской. Переправы через р. Дон и железнодорожный мост в Ростове целы.
>
> В Ростове Реввоенсоветом Конной образован Ревком и назначен начгарнизона и комендант. В городе масса интендантских и иных складов, переполненных всяческим имуществом. Все берется на учет и охраняется.
>
> Сегодня 11 января был смотр двум кавдивизиям, где присутствовало много рабочих Ростова и Нахичевани во главе с подпольной организацией коммунистов. Провозглашены приветствия Красной армии, Советской Республике и вождям коммунистической революции.
>
> Реввоенсовт Конной от имени Конармии поздравляет Вас со славной победой и от всей души провозглашает громкое “ура” за наших вождей.
>
> Да здравствует великая Красная армия!
> *Командир 1-й конной Буденный*
> *Член Реввоенсовета Ворошилов».*

После занятия города Ростова Южный фронт был переименован в Юго-Западный фронт. 1-я конная армия передавалась в подчинение Юго-Восточного фронта, которым командовал В. И. Шорин. Тот приказал Буденному перейти Дон у Батайска. В степях наступила оттепель, часты стали туманы. Поймы рек Дона и Койсуг, отделявшие буденовские дивизии от Батайска и станицы Ольгинской, были затоплены талой водой и покрыты тонким льдом.

1-я конная армия 17 января попыталась атаковать Батайск. Атаки позиций белых добровольцев шли до позднего вечера. Но преодолеть огневой барьер красная конница не смогла

и к ночи отошла на исходные позиции. Буденный заявил прибывшему в Ростов комфронта Шорину, что его армия штурмует Батайск и буквально истекает кровью в болотах, а поддержки от других армий фронта она не получает. Шорин в ответ сказал, что Конная армия должна взять Батайск.

В тот же день Реввоенсовет 1-й конной армии отправил в Москву телеграмму на имя Ленина, Троцкого и Сталина по поводу так называемой «Батайской пробки». В телеграмме говорилось:

«Шорин… поставил Конную армию на грань гибели и совершенно не прислушивается к нашему мнению о наиболее целесообразном ее использовании…»

В ответ, в тот же день, начальник штаба Реввоенсовета Республики бывший генерал-майор П. П. Лебедев телеграфом передал фронтовому штабу приказание Главнокомандующего С. С. Каменева «принять все меры, чтобы лобовые атаки 8-й и Конной армий, назначенные на 24 января, были отложены».

«Батайская пробка» долго замалчивалась в советской историографии Гражданской войны. Как писал исследователь Ю. А. Геллер, она выставляла в невыгодном свете красу РККА в сталинской официальной легенде событий начала 1920 года на российском Юге. Шутка ли – прославленная буденовская 1-я конная армия совместно с 8-й армией двенадцать дней топтались на месте, не сумев ни форсировать Дон с ходу, ни прорвать вражеские позиции под Батайском.

Причины возникновения «Батайской пробки» крылись в напряженном конфликте между командованием 1-й конной армии и командующим Юго-Восточным фронтом В. И. Шориным. Конфликт не утих и после того, как Шорина отозвали с Юга России в связи с назначением его на должность помощника Главнокомандующего Республики. Новый командующий Кавказским фронтом (так после 16 января стал называться Юго-Восточный фронт) М. Н. Тухачевский попытался привести в жизнь шоринскую идею отсечения остатков Добровольческой армии, сведенных в корпус, от портового Новороссийска, чтобы не дать им уйти в Крым и подвергнуть окончательному разгрому.

План Шорина, вполне реальный, «приказал долго жить» из-за состояния воинской и исполнительской дисциплины в 1-й конной армии. В Москве такую неудачу объяснили «полным разложением у Буденного». Один из первых советских военных историков, незаслуженно забытый сегодня, писал в своей работе «Судьба полководца»:

«С тех пор и начинаются неприязненные отношения Буденного с Тухачевским. Уже тогда, в операции против Деникина, Буденный не мирился с превосходством Тухачевского, не хотел признать его стратегического авторитета и, состоя в его оперативном подчинении, не выполнял его директив».

Буденный, поддерживаемый Сталиным, предлагает свой план разгрома деникинских войск: его Конная армия должна действовать на степных просторах, а не брать штурмом города и форсировать реки, на противоположных берегах которых находились вражеские позиции с артиллерией и пулеметами. План продолжения Гражданской войны на Юге России принимается. 1-я конная армия перенацеливается на станицу Тихорецкую, на стык Донской и Кубанской армий белых.

В ходе Тихорецкой операции совместно с ударной группой 10-й армии (три стрелковые дивизии под командованием М. Д. Великанова) буденновская конница в Егорлыкском сражении 25 февраля – 2 марта подвергает разгрому конную группу генерала А. А. Павлова в составе 3-го и 4-го Донских конных корпусов.

Сражение началось с того, что белоказаки отбросили заслон армии Буденного (кавалерийская бригада) и заняли станицу Среднеегорлыкскую. Дальше генерал Павлов повел наступление, не ведя разведки и не выслав вперед боевое охранение. Одновременно пошли вперед все три кавалерийские дивизии Буденного и ударная группа Великанова. Встречное

сражение завязалось с того, что походные колонны 4-го Донского конного корпуса натолкнулась на 6-ю кавалерийскую дивизию красных, которая раньше развернулась для боя, встретив белых внезапным для них пулеметным и артиллерийским огнем. Ряды белоказаков пришли в полное расстройство.

К исходу того же дня 25 февраля буденовцы овладели станицей Среднеегорлыкской. В том сражении конницы участвовало до 15 тысяч красных всадников и до 10 тысяч белоказаков.

Конная группа генерала Павлова отошла в район станицы Егорлыкской. Деникин, понимая всю опасность прорыва здесь его фронта, стал срочно перебрасывать туда от Ростова и Батайска значительные силы: Добровольческий корпус генерала А. П. Кутепова, 3-й конный корпус генерала А. Д. Юзефовича и несколько отдельных Кубанских казачьих бригад.

С 26 по 28 февраля 1-я конная армия без поддержки отставшей пехоты пыталась захватить станицу Егорлыкскую, но успеха не добилась. Стрелковые дивизии ударной группы Великанова подоспели только к 1 марта. Теперь силы советских войск состояли из 10,5 тысячи сабель, 2,7 тысячи штыков, 62 орудий, 240 пулеметов. Противник имел до 13 тысяч сабель, 3,5 тысячи штыков.

1 марта красные перешли в наступление и после упорного боя заняли Егорлыкскую. Используя этот успех, 9-я и 11-я армии Кавказского фронта перешли в наступление: первая взяла станицу Хомутовскую, вторая – город Ставрополь. Белые войска начали отход к станции Тихорецкой и городу Ейску.

В последующие дни конница С. М. Буденного в преследовании разбитых деникинских войск вышла к реке Кубань, к городу Майкопу.

Одной из фронтовых характеристик Семена Михайлович Буденного стал доклад Реввоенсовета Кавказского фронта в лице Тухачевского и Орджоникидзе председателю Совета обороны В. И. Ленину (Ульянову) о боеспособности 1-й конной армии от 25 марта 1920 года. В нем говорилось:

«Считаем своим долгом довести до Вашего сведения следующее:

1. Конная армия в смысле боеспособности выше всяких похвал. Отличается дисциплиной в бою и чрезвычайной смелостью, действуя всегда в конном строю, пуская в ход холодное оружие и револьверы. Ни одна кончасть противника, даже сильнейшая, не выдерживает стремительных атак частей Конной армии. Начдивы очень способные и смелые начальники.

2. Командарм Буденный исключительно талантливый самородок как в оперативном, так и в иных отношениях. Ни один из наших командиров не может быть с ним поставлен в одном ряду. Политически Буденный подготовленный коммунист, абсолютно преданный советской власти…»

С началом наступления белопольских войск Реввоенсовет Республики и Главнокомандующий С. С. Каменев приняли решение о переброске 1-й конной армии походным порядком с Северного Кавказа на Правобережную Украину. Красная конница, совершив 53-суточный марш с 3 апреля по 25 мая 1920 года, сосредоточилась в районе города Умань. Там она стала ударной силой Юго-Западного фронта. Теперь армия С. М. Буденного состояла из четырех кавалерийских дивизий, пополнившись новообразованной 14-й кавдивизией.

Участие 1-й конной армии в Советско-польской войне началось с Киевской наступательной операции, которая проводилась Юго-Западным фронтом (командующий А. И. Егоров, один из членов Реввоенсовета И. В. Сталин) с 26 мая по 17 июня. Перед этим наступающие белополяки 6 мая взяли Киев и захватили плацдарм на левом берегу Днепра. Польским Юго-Восточным фронтом командовал маршал Ю. Пилсудский.

В соответствии с замыслом советского командования коннице Буденного предписывалось нанести главный удар на Бердичев и Казатин с последующим поворотом на Киев и

разгромить противника во взаимодействии с 12-й армией и Фастовской группой советских войск. Эта группа должна была наступать на Белую Церковь, чтобы прикрыть правое крыло армии Буденного от возможного удара 2-й польской армии.

Наступление началось 26 мая без участия 1-й конной армии: она в это время выдвигалась от города Умани к переднему краю обороны противника, уничтожая «банды» Куровского и заслоны белополяков. Буденный имел под своим командованием четыре кавалерийские дивизии и особую кавалерийскую бригаду: 16,2 тысячи сабель, свыше 200 штыков, 53 орудия, 337 пулеметов, 7 бронепоездов, 3 бронеавтомобиля.

В боях с 5 по 7 мая конница Буденного прорвала вражескую оборону на стыке 3-й и 6-й польских армий и стала наступать в направлении на Житомир и Казатин. Хотя польской кавалерийской дивизии удалось закрыть брешь в месте прорыва фронта, остановить продвижение вперед 1-й конной армии противнику не удалось. Красные захватили 7 июня города Бердичев и Житомир (он был оставлен в тот же день и отбит у поляков 12 июня).

Прорыв советской конницы на глубину в 120–140 километров заставил маршала Пилсудского начать отвод 3-й польской армии из Киева на Коростень. Юго-Западный фронт под командованием Егорова получил благоприятные возможности для продолжения наступления на запад.

Буденный повел свою армию дальше, ведя бои с белополяками на реках Случь, Горынь, Стырь, Западный Буг. Эти водные преграды были форсированы с боем. Красная конница берет города Новгород-Волынский, Острог, Разивиллов, Ровно, Дубно, Броды.

В Ровенской операции буденновцы действовали против главных сил 2-й польской армии (около 21 тысячи штыков и сабель). Командарм сумел упредить противника, и 4 июля красные овладели городом, захватив здесь около тысячи пленных, взяв 2 бронепоезда и много прочих трофеев.

В ходе наступления образовался опасный разрыв между 1-й конной армией и соседней советской 14-й армией в 100 километров! Буденный был вынужден отдать приказ о переходе к обороне.

Разброс сил территориально был велик, что не могло сказаться на управлении конными войсками, которые постоянно находились в движении. В те дни член Реввоенсовета 1-й конной армии К. Е. Ворошилов сделал такую дневниковую запись:

«Наши командиры медлительны, нерешительны и плохо ориентируются в обстановке. Связь до сих пор налажена плохо: рядом действующие дивизии не знают друг о друге. Сторожевое охранение отсутствует. Начдивы до безумия храбры, как и весь комсостав, но плохо справляются с управлением…»

Поляки попытались вернуть себе Ровно, и им это удалось. Но Буденный провел контрудар силами 4-й и 6-й кавалерийских дивизий и отбил город. Преследуя отступавших белополяков, красная конница вышла на берега реки Иква. Теперь перед войсками советского Юго-Западного фронта открывался путь на Люблин и возможность ударить во фланг польских армий, отходивших на запад под натиском войск Западного фронта.

Затем последовала Львовская операция, которая протекала в июле – августе. В ее начале 1-я конная армия вела тяжелые бои против сильной вражеской группировки в районе городов Дубно – Броды – Кременец. Ей была поставлена задача, усилившись тремя стрелковыми дивизиями, овладеть городом Львовом, столицей Галиции. После форсирования Западного Буга и взятия Буска сопротивление поляков стало возрастать. Буденный был вынужден оставить Радзивиллов и Броды и перейти к обороне. Его дивизии, понесшие значительные потери и измотанные длительными боями в ходе попытки 17 августа взять Львов, успеха не имели.

Польское командование стянуло подо Львов значительные силы. Воспользовавшись выгодной ситуацией, поляки смогли взять 1-ю Конную армию в кольцо в районе Замостья.

Однако С. М. Буденный подтвердил в те дни свою славу решительного командарма: он сильным ударом прорвал вражеский фронт и 31 августа вышел из окружения.

В октябре 1920 года 1-я конная армия была переброшена на Южный фронт для борьбы с Врангелем. Там она приняла участие в контрнаступлении советских войск в Северной Таврии: ее заранее сосредоточили на правом берегу Днепра у знаменитого Каховского плацдарма. Его белые войска не смогли взять даже ценой больших кровавых потерь.

По замыслу командования фронта 1-й и 2-й конным армиям в контрнаступлении отводилась роль ударной силы. Конница Буденного в начале операции вышла к Аскания-Нова – Громовка. Потом по приказу командующего Южным фронтом М. В. Фрунзе она повернула на Сальково и Генеческ, которые были взяты 4-й кавалерийской дивизией. Затем последовали тяжелые бои у Агаймана с отходившей к Перекопу «цветной» Корниловской пехотной дивизией.

В ходе контрнаступления основным силам врангелевской Русской армии удалось отступить в Крым. Он будет освобожден от белых в ходе Перекопско-Чонгарской операции с участием 1-й конной армии. По плану операции конникам Буденного предстояло действовать, находясь во втором эшелоне атакующих сил.

Отличилась 6-я кавалерийская дивизия, которая получила почетное наименование Чонгарской. Буденновцы, частью сил перейдя Турецкий вал, участвовали в занятии городов Симферополь и Севастополь. Но белые сдали их без боя, сумев беспрепятственно эвакуироваться с Крымского полуострова, чтобы уйти в эмиграцию.

Конец Гражданской войны для С. М. Буденного и его конников прошел в борьбе с петлюровскими и прочими «бандами» на Левобережной Украине. Из состава армии был создан «летучий корпус» по борьбе с махновцами под командованием А. А. Богенгарда. Потом такая же работа предстояла им на Северном Кавказе: на Кубани и в предгорьях Кавказа. С такими «внутренними» задачами буденовцы справились успешно и в короткий срок.

Славная 1-я конная армия была расформирована 26 октября 1923 года за ненадобностью как таковая. Из ее Полевого управления был создан штаб Северо-Кавказского военного округа. Командующего армией ожидало новое назначение.

1-й конной армией Семен Михайлович Буденный командовал с ноября 1919 года по октябрь 1923 года. 1-я конная для истории стала символом Красной армии. Бывший командующий Южным фронтом, ставший народным комиссаром по военным и морским делам, М. В. Фрунзе писал о полководце красной кавалерии в Гражданской войне:

«Лихой и дерзкий, но расчетливый и очень заботливый военачальник. Кавалерист высшего класса, способный организатор, мастерски руководит войсками в операции, правильно определяет свое место на поле боя».

«Легенда красной конницы» после Гражданской войны с кавалерией не расстался, пользуясь огромной личной популярностью у советского народа, воинов армии и флота и… лично у товарища Сталина. После расформирования 1-й конной армии С. М. Буденный назначается помощником Главнокомандующего РККА по кавалерии, членом Реввоенсовета Советской Республики, инспектором кавалерии РККА.

В 1926 году Семену Михайловичу пришлось вновь побывать на войне. По заданию И. В. Сталина он был командирован в Ташкент, на Туркестанский фронт, который вел борьбу с басмачами. Он во многом помог командующему фронтом К. А. Авксентьевскому, члену Реввоенсовета и начальнику политуправления Н. Н. Кузьмину в решении вопроса ликвидации басмачества в Средней Азии. Среди прочего, Буденный добился переименования Туркестанского фронта в Среднеазиатский военный округ. Участвовал в операциях по разгрому банд Ибрагим-бека и Хурам-бека. Организовал выборы в Советы Таджикской Автономной Республики.

Президиум ЦИК Узбекской ССР в ознаменование особых заслуг в деле успешной ликвидации басмачества в Узбекистане наградил С. М. Буденного орденом Трудового Красного Знамени Узбекской ССР.

Затем бывшего командарма посылают на учебу в Военную академию имени М. В. Фрунзе. Ее он оканчивает в 1932 году в составе особой группы слушателей, таких же, как и он, военачальников Красной армии, прошедших через огонь Гражданской войны и имевших не военное, а самое скромное общее образование.

Буденный не терял дружеских связей со Сталиным, всегда чувствуя на себя его заботу и внимание. В своих воспоминаниях легендарный командарм красной конницы описывает такой случай:

«11 мая 1933 года Сталин пригласил меня к себе.

– Семен Михайлович, – сказал Иосиф Виссарионович, – поздравление ЦК партии по случаю вашего пятидесятилетия вы уже получили, а сейчас лично хочу поздравить вас.

И Сталин крепко пожал мне руку.

– Спасибо, Иосиф Виссарионович.

В тот день мы долго беседовали. Вспоминали гражданскую войну, ожесточенные бои под Царицыном… Сталин был веселый, то и дело задавал вопросы. Когда я уходил, он сказал:

– Семен Михайлович, у нас ведь с вами давняя боевая дружба, а фотокарточки вашей не имею, может быть, подарите?

Я не растерялся:

– А вы мне свою?

– Пожалуйста, Семен Михайлович.

Сталин тут же извлек из стола свою фотокарточку и написал: “Создателю Красной конницы, другу и товарищу Семену Михайловичу Буденному от И. Сталина. 11.5.33 г.”»

В 1935 году Семен Михайлович Буденный становится одним из первых пяти Маршалов Советского Союза вместе с Ворошиловым, Блюхером, Егоровым и Тухачевским. Последние трое станут жертвами сталинских репрессий 30-х годов.

В 1937 году следует назначение командующим войсками Московского военного округа, членом Главного военного совета Народного комиссариата обороны СССР. В 1939 году он вновь рядом с К. Е. Ворошиловым, став заместителем наркома обороны СССР, а в августе следующего года становится его первым заместителем. Руководил рядом крупных армейских учений и маневров, участвовал в боевой подготовке советских войск в условиях нарастающей внешней угрозы для страны.

С началом Великой Отечественной войны 1941–1945 годов С. М. Буденный становится членом Ставки Верховного главнокомандующего (ГКО), которым являлся до февраля последнего года войны.

Последующие должности Маршала Советского Союза (с июня 1941 года по сентябрь 1942 года) таковы: командующий группой войск армий резерва, главнокомандующий войсками Юго-Западного направления, командующий Резервным фронтом, главнокомандующий войсками Северокавказского направления, командующий войсками Северо-Кавказского фронта.

По оценке ГКО он не проявил качеств, необходимых командующему оперативно-стратегическими объединениями, руководство войсками осуществлял непрофессионально. Это было понятно. Одно дело – командовать Конной армией в ходе Гражданской войны, другое дело – отражать натиск механизированных войск вермахта. Потом скажут, что С. М. Буденному не хватало академических знаний и умения воевать по-современному. То есть он не сумел «перестроиться» относительно нового времени с его усложнившимися требованиями к войне.

В августе 1942 года был освобожден от должности первого заместителя наркома обороны СССР с оставлением его заместителем наркома (до мая 1943 года). С января 1943 года – командующий кавалерией Красной армии. В этой должности С. М. Буденный встретил день Победы.

После войны, с 1947 года, Семен Михайлович одновременно является заместителем министра сельского хозяйства по коневодству. В послевоенные годы им было достаточно много сделано для восстановления разоренного войной коневодства, выведения новых пород лошадей. Одна из них – для верховой езды – получила название Буденновской.

С мая 1953 года – инспектор кавалерии Советской армии. С 1954 года в распоряжении министра обороны СССР. В том же году получает почетное назначение в состав Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Трижды Герой Советского Союза, получил все три Золотые Звезды после Великой Отечественной войны (в 1958, 1963 и 1968 годах). Кавалер пятнадцати советских и десяти иностранных орденов. Был депутатом Верховного Совета СССР восьми созывов. С 1938 года являлся членом Президиума Верховного Совета. Автор ряда мемуарных произведений и труда «Основы тактики конных соединений», увидевшего свет в 1938 году.

Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный ушел из жизни в 1973 году. Был похоронен на Красной площади, у Кремлевской стены. Именем его были названы улицы во многих городах и селениях. Город Прикумск и Прикумский район Ставропольского края были переименованы в город Буденновск и Буденновский район. Его имя было присвоено Военной академии связи. Для слушателей и курсантов ряда высших военно-учебных заведений установили стипендию имени Буденного…

После себя Семен Михайлович оставил ряд мемуаров. Один из них, под названием «Пройденный путь» был издан в четырех книгах. Советская страна помнила и чтила память героя Гражданской войны до самых своих последний дней.

Вацетис Иоаким Иоакимович
Полковник из латышских стрелков, первый из Главнокомандующих Республики

Судьба для этого одаренного от природы человека, с редким независимым характером, положившего свои знания генштабиста в фундамент Рабоче-Крестьянской Красной армии, на финише жизненного пути оказалась злодейкой. В Гражданской войне он стал первым из двух Главнокомандующих всеми Вооруженными Силами РСФСР, заложив основы побед Красного дела над Белым делом. Но судьба отдала ему на роль военного вождя Советской Республики всего десять месяцев, после чего резко опустила на иерархической лестнице РККА и довела до ранга «врага народа».

В классовом понимании Иоаким Иоакимович Вацетис был из самых нижайших пролетарских слоев царской России – из латышской семьи батраков. Невольно напрашивается законный вопрос: если Романовская империя, как говорили еще полвека назад, была «тюрьмой народов», тогда как в ней сын батрака и сам в юности батрак мог получить высшее военное образование и чин полковника русской армии, стать командиром полка? Значит, в старой России одаренным людям из самых народных низов можно было своим трудом достичь немалых высот на жизненном пути. Лучший пример тому – сам Вацетис.

Он родился в 1873 году в небольшом имении Нейгоф (Яунмуйжа) Яунмуйжской волости Кулдигского уезда, бывшей Курляндской. Ныне это юго-восточный уголок современной Латвии. Имение принадлежало полковнику германской армии барону Мирбаху. На него и батрачила многодетная семья безземельных Вацетисов. В семье было восемь детей, которые с раннего детства помогали родителям.

Фамилия Вацетис в современном правописании звучит как Вациетис, что, однако, употребляется в исторических публикациях крайне редко и сегодня. Имя Иоаким употребляется в русской форме, а на латышском языке звучит как Юкумс. Так звали его отца, мать носила имя Лиза.

Родители при их положении находили время для воспитания и обучения своих детей, готовя их к будущей самостоятельной жизни. Иоаким рос сообразительным, любознательным и тянущимся к знаниям ребенком. И в то же время он с детства смотрелся настойчивым, независимым в любом кругу общения человеком.

Семья поддержала его в желании учиться в волостной начальной школе и уездном училище министерства просвещения. В училище участвовал в работе латышского общества, выпускавшего рукописную газету «Сумка разума». Продолжать учебу дальше в гражданском учебном заведении 18-летний Иоаким Вацетис не мог в силу материального положения семьи батрака. Тогда он выбрал для себя в жизни военное поприще.

В сентябре 1891 года будущий Главнкомандующий Страны Советов поступает в Рижский учебный унтер-офицерский батальон: был объявлен набор латышей на двухгодичный курс обучения. Здесь готовили младших армейских чинов – командиров взводов. Первым местом службы стал 105-й пехотный Оренбургский полк.

Служба у Иоакима Вацетиса ладилась, труда для познания военного дела ему было не занимать. В августе 1895 года его направляют для сдачи вступительных экзаменов в Виленское пехотное юнкерское училище, которое сын батрака заканчивает через два года по первому разряду. По выпуску получает чин подпрапорщика, а через два месяца, в ноябре 1897 года, следует производство в подпоручики.

Начало офицерской биографии Вацетиса связано с Прибалтикой. Служил на должности младшего офицера сперва во 2-м, затем в 3-м из Ковенских крепостных полков. Иначе

говоря, служил в гарнизоне приграничной крепости Ковно (ныне Каунас, Литва). Все свободное время отдавал самообразованию, мечтая, как и многие молодые офицеры, об учебе в академии.

В 32 года Иоаким Вацетис поступил в Николаевскую военную академию Генерального штаба. Пожалуй, именно в стенах академии у него пробудилась страсть к научной работе. На втором курсе обучения написал работу на тему: «Причины влияния Наполеоновских войн на увеличение национального чувства в Европе в начале XIX столетия». На третьем, дополнительном курсе занимался разработкой таких тем, как четвертая революционная война во Франции в 1794 году и значение для Германии в военном отношении Восточной Пруссии и Эльзаса и Лотарингии как плацдарма.

Сама постановка этих вопросов свидетельствовала о неординарности научного мышления слушателя Академии Генерального штаба в чине армейского поручика. В ее стенах Вацетис надолго испортил личностные отношения со своим научным оппонентом полковником М. Д. Бонч-Бруевичем, ставшим впоследствии генерал-лейтенантом, главнокомандующим войсками Северного фронта, в числе первых из генералитета старой армии перешедшего на сторону советской власти, то есть большевиков.

Академию Иоаким Вацетис закончил при общем среднем балле 9,4, тогда как для причисления к Академии Генерального штаба требовалось на 0,6 балла больше. Все же академическая конференция приняла решение считать его окончившим дополнительный курс с отметкой «успешно».

С мая 1909 года Вацетис служит в Вильно, в штабе 45-й пехотной дивизии, где занимался ознакомлением с обязанностями офицера Генерального штаба. Прошел цензовое командование ротой. Начальствовал над унтер-офицерской школой в Витебске. Служил в штабе армейского корпуса. В 1912 году исполнял обязанности начальника штаба дивизии. В том же году получил производство в чин подполковника с назначением командиром батальона 102-го пехотного Вятского полка, стоявшего в городе Гродно.

Полк входил в состав 26-й пехотной дивизии 2-го армейского корпуса, который с началом Мировой войны вошел в состав 1-й армии Северо-Западного фронта. Подполковник И. И. Вацетис участвовал в неудачной для русского оружия Восточно-Прусской наступательной операции 1914 года, затем в боях на польской земле. В одном из боев получил тяжелое ранение в ногу и почти одиннадцать месяцев провел в госпитале.

Из госпиталя Вацетис выписался осенью 1915 года и был назначен командиром 5-го Земгальского латышского стрелкового батальона, одного из восьми тогда созданных по решению императора Николая II. В октябре 1916 года все эти батальоны были развернуты в полки. Так Иоаким Вацетис стал командиром 5-го Земгальского латышского стрелкового полка.

Боевое крещение полк получил в Митавской операции, которая проводилась с 23 декабря 1916 года по 21 января 1917 года. Тогда Ставка Верховного главнокомандующего венценосного полковника лейб-гвардии Преображенского полка Николая Романова и штаб Северного фронта задумали осуществить прорыв германского фронта на так называемом Рижском плацдарме.

Латышские полки для той операции были приданы 6-му Сибирскому стрелковому корпусу, которому отводилась ударная роль в наступлении 12-й армии. Армия в первом натиске прорвала вражескую линию обороны, но когда к неприятелю подошли значительные резервы, ее корпуса, понесшие в атаках большие потери, перешли к обороне.

10 января германские войска под прикрытием мощного огня тяжелой артиллерии нанесли ответный контрудар по 6-му Сибирскому корпусу. Сражение под Ригой не дало желаемого результата ни той ни другой стороне. Когда их атакующий пыл угас и стали считать потери, сражение в полосе Северного фронта угасло.

В тех зимних боях латышские полки продемонстрировали и мужество бойцов, и стойкость, и желание отбросить германцев от Риги. Отличился среди других и 5-й Земгальский латышский стрелковый полк, а его командир полковник И. И. Вацетис показал завидное умение командовать людьми в самых сложных и трудных ситуациях. Не случайно в его служебных характеристиках писалось и такое:

«Полковник хорошо знает солдата и заботится о нем, благодаря чему пользуется любовью своих подчиненных. Вверенный ему полк держит в порядке, и обучение его ведет хорошо. В бою хладнокровный, распорядительный и храбрый, скоро и хорошо ориентируется в обстановке, но в действиях осторожный».

Крушение династии Романовых полковник И. И. Вацетис встретил одобрительно. Он призвал в февральские дни своих стрелков сплотиться вокруг революционного Временного правительства, чтобы под его водительством изгнать германскую армию из родной Прибалтики. Но такая позиция полкового командира у нижних чинов энтузиазма, можно прямо сказать, не встретила. Фронтовики уже устали от окопной жизни.

В латышских стрелковых полках с большим процентом вчерашних рабочих и батраков большевики сразу же приобрели большое влияние. В конце мата 1917 года латышские стрелки избрали свой Исполнительный комитет (Исколастрел) во главе со штабс-капитаном В. Озолсом. 17 мая они под влиянием социал-демократии Латышского края осудили Временное правительство за политику продолжения войны.

Вот той весной 17-го года полковник Иоаким Иоакимович Вацетис, родом из семьи батрака, и примкнул к революционно настроенной массе латышских стрелков. Своему выбору он остался верен до конца жизни. В те дни полковой командир считал себя демократом, но не революционером любой масти.

Какие бы резолюции ни принимали солдатские комитеты на фронте и в тылу, Мировая война продолжалась. 5-й Земгальский латышский стрелковый полк храбро и стойко сражался за Ригу, отличился в боях у реки Маза и Лиела Югла. Не случайно в полку числилось более 800 георгиевских кавалеров, нижних чинов, удостоенных за личную доблесть Георгиевских крестов. В ту войну солдатские «Егории» были почетной боевой наградой.

В самом конце войны стрелки-земгалы постановили наградить своего полкового командира (по постановлению Временного правительства) солдатским Георгиевским крестом 4-й степени. Одновременно высшее командование представило полковника И. И. Вацетиса за последние бои к награждению орденом Святого великомученика и победоносца Георгия 4-й степени и чином генерал-майора. Однако Октябрь все эти представления «оставил за бортом» революции.

В октябрьских событиях на Северном фронте полковник Вацетис оказался заметной фигурой. Во-первых, он поддержал резолюцию солдатского комитета своего полка, в которой, среди прочего, говорилось: «Государственная власть как в центре, так и на местах должна принадлежать только Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

И, во-вторых, когда военно-революционный комитет 12-й армии принял решение не пропускать в Петроград эшелоны верных Керенскому войск, именно полковник Вацетис и латышские стрелки, отличавшиеся организованностью и сохранившие в своих полках воинскую дисциплину, стали исполнителями этого решения. 5-й Земгальский латышский стрелковый полк на деле доказал приверженность делу революции. Имя Вацетиса было на слуху и на Северном фронте, и в Петрограде.

Поэтому не было случайностью предложение Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами Российской республики прапорщика Н. В. Крыленко, сына политического ссыльного, назначить полковника Вацетиса на пост командующего 12-й армией. Назначение это не состоялось: командир полка стрелков-земгалов был срочно вызван в Могилев, в Ставку Крыленко, где возглавил оперативное отделение Центрального

революционного полевого штаба по борьбе с контрреволюцией. С этого вызова Иоаким Иоакимович на полтора года оказался на вершине советской военной организации.

Советской Республике с первых дней своего существования пришлось защищаться на все четыре стороны света. Красная гвардия, насчитывавшая в своих рядах примерно 400 тысяч человек, не могла превратить Красную армию в массовую военную силу. На разваливающемся с каждым днем фронте лишь немногие воинские части сохранили прежнюю организованность. К их числу относились полки латышских стрелков.

17 декабря 1917 года Н. В. Крыленко подписал приказ о формировании Латышского стрелкового корпуса. Командиром его назначался полковник И. И. Вацетис. Однако сформировать корпус до конца не удалось по той причине, что половина латышских стрелков отрядами различной численности «разошлась» по России для борьбы с местной контрреволюцией.

В те дни Вацетис входил в состав специальной Комиссии при Центральном комитете действующей армии и флота. Она, при заметной роли Вацетиса, выработала план формирования двух армий: регулярной Народно-социалистической для борьбы с Германией и иррегулярной Интернационально-социалистической для ведения Гражданской войны внутри России. Крыленко даже поставил перед комиссией задачу сформировать к лету 18-го года регулярную армию в составе семи пехотных и одного кавалерийских корпусов, а также армейской авиации.

Этот план реализации не подлежал по следующей причине. Совет народных комиссаров РСФСР 15 января 1918 года принял декрет о создании добровольческой Рабоче-Крестьянской Красной армии.

Обстановка накалялась. В феврале германская и австрийская армии перешли в наступлении. На окраинах России заполыхали первые очаги Гражданской войны. Одновременно советская власть продолжала расформирование старой армии. Однако с этим не все ладилось. Командир 1-го польского корпуса генерал-лейтенант Р. И. Довбор-Мусницкий отказался выполнять такой приказ. В ответ Верховный главнокомандующий прапорщик Крыленко объявил генерала «врагом революции и вне закона». В приказе говорилось: «Всех офицеров, взятых с оружием в руках, приказывалось немедленно на месте предавать революционному суду».

Для подавления мятежа 1-го польского корпуса (около 25 тысяч человек: 3 пехотные дивизии, кавалерия, тяжелая артиллерия) были двинуты отряды красногвардейцев из Минска, Витебска и Петрограда, еще сохранившие стройность полки старой армии и латышские стрелки (1-й полк и батальон 4-го полка). Всего набиралось около 10 тысяч человек. Общее командование осуществлял полковник И. И. Вацетис.

Боевые действия развернулись во второй половине января. 25-го легионеров выбили из города Жлобин. Но 7 февраля 2-я дивизия белополяков снова захватила его. Под Бобруйском мятежный корпус потерял 600 человек и свою артиллерию. В его тылы Комиссариат по польским делам заслал более 30 агитаторов с пропагандистской литературой и листовками, отпечатанными в походной типографии.

В конце января у Рогачева польские легионеры 1-й дивизии после трех дней боев понесли военное поражение. 2-я и 3-я дивизии отошли к городам Бобруйску и Слуцку. От полного разгрома корпус Довбор-Мусницкого, вступившего в Минск, спасло начавшееся наступление германских войск: легионеры оказались на оккупированной территории.

В подавлении мятежа польского корпуса Иоаким Иоакимович доказал всем свою состоятельность как военачальник. В конце апреля 1918 года приказом наркома по военным и морским делам Л. Д. Троцкого уже бывший полковник Вацетис назначается начальником дивизии красных латышских стрелков.

Латышская советская стрелковая дивизия была создана приказом народного комиссара по военным делам от 13 апреля 1918 года из латышских стрелковых полков, воевавших на Северном фронте. С 12 января 1919 года она стала называться 1-й стрелковой дивизией Армии Советской Латвии. В августе того же года за ней укрепилось название Латышская стрелковая дивизия.

Она была серьезной военной силой, насчитывая в своих рядах около 18 тысячи бойцов-фронтовиков. В дивизию входили: 9 стрелковых полков, один кавалерийский полк, 2 артиллерийских дивизиона, броневой и авиационный отряды. До 18 процентов латышских стрелков являлись членами партии большевиков, 60 процентов являлись выходцами из рабочих и батраков (как и командир дивизии).

Латышские стрелковые полки в Октябре 17-го делом доказали свою приверженность революции, не допустив отправки верных Временному правительству войск с Северного фронта в Петроград. В середине ноября в красный Питер прибыл с фронта 6-й полк латышских стрелков, который участвовал в поддержании революционного порядка в городе.

Сводная рота латышских стрелков охраняла вместе с балтийскими матросами и красногвардейцами советское правительство в Смольном. Под ее надежной охраной правительство народных комиссаров переезжало по железной дороге из Петрограда в Москву в марте 1918 года. Красные латыши охраняли Совнарком в Московском Кремле. Тогда сводная рота была развернута в 9-й Латышский стрелковый полк.

В начальный период Гражданской войны красные латышские стрелки участвовали во всех важнейших делах. Среди прочего, полки Латышской стрелковой дивизии стали главной силой советской власти при подавлении так называемого «мятежа левых эсеров» в Москве. И. И. Вацетис писал в своих воспоминаниях:

«Утром 7 июля был густой туман, покрывший город серой непроницаемой завесой. Видеть впереди можно было шагов на 15–20, а отличить своих от противника было совершенно невозможно. Наши войска теснили противника по всему фронту и к 9 часам утра сошлись вплотную. На всем фронте завязалась ружейная и пулеметная перестрелка. Время от времени левоэсеровские батареи бросали снаряды по различным направлениям…

Наше продвижение вперед шло, хотя медленно, но планомерно. К 10 часам 2-й латышский полк занял часть Покровских казарм…

Ровно в 12 часов комбриг Дудин донес мне по телефону, что левые эсеры бегут, о чем мною было сообщено по телефону же тов. Ленину».

Ликвидация «мятежа левых эсеров» в столице Советской России стала «визитной карточкой» для Иоакима Иоакимовича Вацетиса. Уже утром 10 июля, когда на московских улицах еще валялись пустые гильзы от винтовочных патронов, его вызвал на беседу Л. Д. Троцкий. Бывший полковник Вацетис получил назначение на должность командующего Восточным фронтом, тогда главного для Республики Советов.

Его предшественник, бывший подполковник левый эсер М. А. Муравьев, пытавшийся заключить перемирие с командованием восставшего Чешско-Словацкого корпуса и повернуть войска фронта против Германии, был убит при попытке поднять мятеж. Требовалось срочно назначить нового командующего, человека политически надежного и опытного в военных вопросах. Собственно говоря, достойных соперников на этот пост у И. И. Вацетиса в те дни и не виделось.

19 июля Вацетис вступил в новую должность. В тот же день он провел первое совещание с членами Реввоенсовета фронта. Он добился, чтобы новым начальником фронтового штаба был назначен выпускник Академии Генерального штаба, бывший капитан П. М. Майгур. В тот же день в Москву из штаба Восточного фронта было отправлено первое донесение за подписью Вацетиса:

«Революционный военный совет считает своим долгом поставить в известность, что под Симбирском и Екатеринбургом положение критическое, наши войска бегут не сражаясь. Надо спасти Симбирск и Екатеринбург, в особенности надо удержать за нами Симбирск, ибо с потерей его мы лишимся исходного положения на Волге».

Вацетис стал своей властью и возможностями укреплять Восточный фронт. Он попытался спасти Симбирск присылкой туда 5-го Земгальского и 1-го Либавского латышских стрелковых полков, стоявших тогда в Бологом и Великих Луках. По его просьбе председатель Совнаркома В. И. Ульянов (Ленин) требует направить на Восточный фронт «максимум питерских рабочих». Но к началу августа 1919 года численность присланных подкреплений составляла всего лишь 11,5 тысячи человек при 19 орудиях, 136 пулеметах, 16 самолетах, 6 бронепоездах и трех бронеавтомобилях.

Командующий фронтом неустанно занимался реорганизацией подчиненных ему войск: отдельные отряды самой различной численности превращаются в полки и бригады. Войска так называемого Северо-Урало-Сибирского фронта сводятся в 3-ю армию. Во главе ее ставится преподаватель Академии Генерального штаба Б. П. Богословский. Особая армия А. А. Ржевского переименовывается в 4-ю армию.

В конце июля Восточный фронт имел 4 армии и 2 оперативные группы, представляя собой достаточно слаженный военный организм. Его войска действовали на огромном пространстве, на фронтовой линии протяженностью в две тысячи километров.

Вацетис требует от Москвы присылать ему бригады и дивизии с уже укомплектованными штабами, поскольку бывших офицеров с академическим образованием он имел крайне мало. Штабной работе, как организаторской, он оправданно придавал большое значение.

Когда начались трения между командующим Восточным фронтом и Высшим военным советом Республики, то есть лично между Вацетисом и М. Д. Бонч-Бруевичем (он своей властью распылял присылаемые резервы), Москва встала на сторону Иоакима Иоакимовича. Троцкий официально заявил:

«Вацетис пользуется полным доверием правительства и всей необходимой самостоятельностью…»

Постановлением Совнаркома РСФСР от 13 июня 1918 года на Восточном фронте создается Реввоенсовет в составе командующего и двух комиссаров – профессионального революционера П. А. Кобозева и рижского подпольщика К. Ю. Х. Данишевского.

Приходилось Вацетису бороться с такой фронтовой «болезнью», как ведение эшелонной войны. В начале Гражданской войны боевые действия велись, как правило, вдоль линий железных дорог. Небольшие красноармейские отряды, не имевшие единой организации и тыловых учреждений, использовали подвижной состав (паровозы и вагоны) для передвижения, жилья и хранения материальных запасов (военного снаряжения, провианта, огневых припасов). Но фронт борьбы Красного дела с Белым делом расширялся, и боевые действия теперь велись и на большом удалении от железных дорог.

На фронте сложилась ситуация, когда попытки командиров заставить роты и батальоны покинуть обжитые вагоны оканчивались неудачей. К Вацетису, как к командующему фронтом, шли донесения о неповиновении красноармейцев в таких случаях и «их нежелании перейти к полевым методам ведения боя». Требовалось срочно покончить с таким пагубным явлением. 3 августа И. И. Вацетис отправляет в войска следующую телеграмму:

«Из поступающих сведений ясно, что войска все еще проживают в эшелонах и не производят занятия по боевой подготовке. Приказываю – всех выселить из вагонов и производить усиленные занятия по боевой подготовке».

Несмотря на все усилия командующего Восточным фронтом, удержать Симбирск красные войска не смогли: 1-я армия М. Н. Тухачевского от города отступила, не ввязываясь в борьбу за него.

Затем последовала казанская катастрофа. Белые войска подступили к городу, в котором находился штаб командующего фронтом, 6 августа. Сербский интернациональный отряд (батальон) перешел на сторону противника, после чего гарнизон охватила паника. Из Казани бежали Казанский социалистический батальон моряков, Курский броневой отряд и другие части. Всю тяжесть боя за город принял на себя 5-й Земгальский латышский стрелковый полк, понесший огромные потери.

В Казани «контрреволюции досталась половина золотого запаса Республики в сумме 651,5 млн рублей золотом и 100 млн рублей кредитными билетами». Эти ценности в недалеком времени окажутся в знаменитом «золотом эшелоне» адмирала Колчака.

Самому Вацетису с несколькими красными латышскими стрелками удалось вырваться из окруженной Казани у станции Высокая Гора. Он не без труда добрался до города Арзамаса, где снова взял в свои руки управление силами фронта. Под его умелым руководством 10 сентября была возвращена Казань, а 12 сентября отбит Ульяновск.

2 сентября 1918 года постановлением ВЦИК был учрежден Реввоенсовет Республики, председателем которого был назначен Л. Д. Троцкий. Через четыре дня, 6 сентября, по инициативе В. И. Ленина, Иоаким Иоакимович Вацетис был назначен на должность Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Республики.

Вацетис вводится в состав Реввоенсовета Республики с правом решающего голоса. Он получил полную самостоятельность во всех вопросах оперативно-стратегического характера. За свои действия нес ответственность только перед Реввоенсоветом Республики. Давать указания ему могли только ВЦИК, Совнарком РСФСР и все тот же Реввоенсовет, то есть лично Троцкий.

Исследователи пришли к выводу, что на этом посту И. И. Вацетис каких-либо разногласий с В. И. Ульяновым (Лениным) не имел. Отношения с Троцким характеризовались полным взаимопониманием по основным проблемам военного строительства, то есть создания массовой Красной армии, руководства вооруженной борьбой и ходом Гражданской войной на всех ее фронтах.

Но иногда отношения между двумя личностями, стоящими во главе военной части Красного дела, накалялись до предела. Впервые, а этот факт для отечественной истории малоизвестен, такое проявилось еще весной 1918 года. Тогда латышские стрелки, дивизией которых командовал Вацетис, открыто не одобрили назначение Л. Д. Троцкого народным комиссаром по военным делам. Потом последовал уже открытый конфликт.

Перед первым в истории Красной армии первомайском параде латышские стрелки потребовали, чтобы парад принимал председатель Совнаркома В. И. Ленин. Когда в день 1 мая они узнали, что на парад приехал нарком по военным делам, и не желая отдавать ему воинские почести, 4-й и 9-й латышские стрелковые полки демонстративно, под музыку полковых оркестров покинули Ходынское поле. Разумеется, самолюбивый Лев Давыдович такого публичного оскорбления забыть не мог.

На должности Главнокомандующего И. И. Вацетис продолжал демонстрировать самым высоким лицам Республики свой независимый характер. Люди, работавшие рядом с ним, вспоминали: «Обычно Главком… старался обходиться без советников, как в штабе, так и на заседаниях Реввоенсовета, упорно добивался проведения в жизнь своих решений».

Вацетис поражал окружающих своей работоспособностью. В семь утра он уже читал сводки с фронтов. Работал в огромном кабинете вместе со своим начальником штаба и членами Реввоенсовета. Вопросами стратегии занимался лично, сам писал директивы командующим фронтам. Разрабатывал планы операций тех фронтов, где их командующие «не оказывались на высоте своего призвания».

Исследователи Гражданской войны справедливо указывают, что И. И. Вацетис вступил в должность Главнокомандующего в весьма тяжелое для Республики Советов время. Об

уровне его мышления может свидетельствовать доклад о стратегическом положении Республики и задачах ее Вооруженных Сил, который он представил в Совнарком, ВЦИК и Реввоенсовет 7 октября 1918 года. В нем Иоаким Иоакимович констатировал следующее:

«Из всех четырех групп противника – северной, восточной, южной и западной, для нас наиболее существенными являются группы восточная и южная: с востока мы отрезаны, главным образом, от хлеба и жиров, с юга мы отрезаны почти от всего, чем живет страна – хлеб, скот, жиры, твердое и особенно жидкое топливо, материалы и сырье для промышленности.

Задаваясь различными целями на внешних фронтах, нельзя не признать, что обеспечение страны средствами к жизни, без которых нельзя существовать, является главнейшей целью, которую необходимо себе поставить прежде всего.

А раз это так, то из изложенного следует, что для нас наиболее важным является юг, которому и надлежит принять наибольшее значение при замысле операций на фронтах».

Читая оперативные донесения, Вацетис видел, как на российском Юге набирает силу Добровольческая армия генерал-лейтенанта А. И. Деникина. По его инициативе Южный фронт дважды объявлялся важнейшим фронтом Республики – осенью 1918 года и летом следующего года. Весной 1919 года главным фронтом Республики был признан Восточный фронт.

В том же докладе от 7 октября 1918 года И. И. Вацетис подчеркнул следующую свою мысль: «Надо совершенно определенно поставить стране лозунг: “все для войны и армии”, так как в поражении армии – поражение Советской республики, как таковой».

Вацетис старался владеть ситуацией на фронтах. Показателен, к примеру, такой случай. Когда в начале июня 1918 года на юг, в город Царицын, в качестве чрезвычайного уполномоченного по проведению хлебозаготовок прибыл И. В. Сталин (Джугашвили), то Главнокомандующий Республики добился введения его в Реввоенсовет Южного фронта.

В последующем Вацетис многое сделал для организации слаженной работы командования Южного фронта. Особенно его заботил Царицын, взятия которого упорно добивались и Деникин, и донской атаман Краснов. Город обороняла 10-я армия, командующим которой был К. Е. Ворошилов. 15 октября 1918 года он прислал на имя Главнокомандующего Республики телеграмму прямо-таки панического характера:

«Противник крупными силами наступает против Центрального и Северного участков Царицынского фронта. Наши части отступают. Противник, отрезав Волгу на юге, пытается отрезать на севере и взять Царицын. Положение критическое. Снарядов нет. Необходима немедленная помощь по Волге военными судами, живой силой, снарядами, патронами. После исправить положение будет очень трудно. Армия сражается героически, но всему есть пределы».

Вацетис знал, что тяжелая обстановка сложилась на всем Южном фронте, а не только под Царицыном. Он шлет Ворошилову резкую по содержанию телеграмму:

«Из ваших сегодняшних телеграмм, обращенных непосредственно ко мне, я вижу, что защита Царицына доведена вами до катастрофического состояния, а между тем ваши прежние донесения свидетельствовали о том, что Царицын защищается многочисленными отрядами. Нынешнее катастрофическое состояние Царицына всецело ложится на вашу ответственность, ибо произошло исключительно от вашего нежелания работать в контакте с командфронтом Сытиным. Ваше постоянное непосредственное обращение ко мне ставит меня в затруднительное положение, ибо невозможно управлять отдельными участками различных фронтов».

Южный фронт получил значительные резервы. Наступление белоказачьей Донской армии в районе Воронежа было остановлено. В новом докладе, представленном в конце фев-

раля 1919 года в Совнарком и Реввоенсовет, Главнокомандующий Республики наряду с боевыми успехами отмечал следующее:

«…Боевая линия фронта (на юге и западе) местами продвинулась на 300 верст вперед. В связи с этим общее протяжение стратегического фронта с 6 тысяч верст увеличилось до 8 тысяч верст.

Такое расширение территории поставило перед Республикой ряд новых военно-политических и стратегических задач, которые, в связи с ожидаемым выступлением войск Антанты на южных и западных границах, потребовали новых усилий в развитии военных операций».

В связи с этим И. И. Вацетис выдвинул две главные задачи для рассмотрения современной военно-политической обстановки, которые получили одобрение Центрального комитета РКП(б) и Реввоенсовета Республики:

1) Борьба на Украине против соединения сил Антанты и Добровольческой армии.

2) Борьба на всем Западном фронте от Карельского перешейка до Ровно против соединенных сил Финляндии, Эстляндии, Германии и Польши при активном содействии Антанты.

Иоакиму Иоакимовичу Вацетису, как стратегу, удавалось разгадывать намерения и планы высшего белого командования, будь то Верховный правитель России адмирал А. В. Колчак или его преемник на этом посту генерал-лейтенант А. И. Деникин. Иначе говоря, школа Академии Генерального штаба для его становления, как полководца, сделала очень много.

Так, анализируя положение на Восточном фронте, Вацетис пришел к выводу, что самое опасное для белых направление по линии Самара – Уфа оказалось прикрыто недостаточными для того силами. Родилась идея нанесения сильного удара на правом фланге фронта, для чего была создана Южная группа войск под командованием М. В. Фрунзе. Она получила значительную часть прибывшего на фронт пополнения (80,8 тысячи человек) и большую часть доставленного вооружения (40 тысяч винтовок).

Контрнаступление здесь началось 28 апреля 1919 года: белый фронт оказался прорван в полосе шириной до 500 километров. Произошло главное, о чем так пекся И. И. Вацетис: противник подвергся разгрому, а не равномерному и фронтальному вытеснению к Уралу.

Главнокомандующий заботился о единстве военных усилий Советских республик. В конце 1918 – начале 1919 года Украинская, Литовская и Латвийская Советские республики и Эстляндская трудовая коммуна создали свои собственные армии. Это не усиливало, а, наоборот, ослабляло советский лагерь в условиях общей для всех Гражданской войны.

Здесь следует заметить, что И. И. Вацетис в январе – марте 1919 года по совместительству занимал должность командующего Армией Советской Латвии. Она была сформирована 4 января и насчитывала в своих рядах 11 900 штыков, 180 сабель, 39 орудий и 196 пулеметов. Когда советская власть в Латвии пала, ее красноармейские войска ушли в Россию, став частью ее Красной армии.

К личным заслугам Вацетиса перед Красной армией можно отнести попутку разработать новую военную форму, но без погон и «прочих существовавших прежде отличий». Иоаким Иоакимович указывал, что «самая красивая форма одежды должна быть назначена для пехоты». К этой работе привлекли таких известных в то время художников, как В. М. Васнецов, Б. М. Кустодиев и М. Д. Езучевский.

Следует заметить, что разработанная по указанию Вацетиса форма военной одежды дожила до начала Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Но не вся, а лишь частично, и то во многом благодаря созданным складским запасам.

16 января 1919 года Реввоенсовет Республики утвердил новый головной убор красноармейца – шлем из сукна защитного цвета с красной звездой. Неофициально он получил

название «богатырка». Позднее за шлемом закрепилось название «буденновка», что не соответствовало истине.

8 апреля того же года Реввоенсовет утвердил новую форму воинской одежды: слегка переделанную «богатырку», пехотные и кавалерийские кафтаны (шинели) из сукна защитного цвета, летнюю рубаху (гимнастерку), петлицы цветом по роду войск и… кожаные лапти. Кафтаны и рубахи имели на груди по три хлястика (застежки) из цветного сукна по роду войск, так называемые «разговоры».

Однако в условиях Гражданской войны разоренная страна, разумеется, не могла переодеть и переобуть свою огромную армию. Поэтому большинство красноармейцев и командиров донашивало форму старой русской армии, запасы которой остались с Первой мировой войны. Носилось и трофейное обмундирование, которое белые армии получали от Антанты.

Вацетиса на посту Главнокомандующего Республики заботило многое: борьба с митинговщиной, когда шло коллективное обсуждение приказов свыше, дезертирство, несправедливые реквизиции у крестьян для нужд армии, организация и ведение разведки, пренебрежение ночными действиями, состояние железных дорог и многое другое, что играло на победу в Гражданской войне.

Он даже требовал передачи железнодорожного ведомства в ведение военного ведомства для «обороны железных дорог». Усилия не пропали даром: в ноябре 1918 года на железных дорогах было введено военное положение и создана военизированная охрана.

В силу занимаемой должности Иоакиму Иоакимовичу приходилось принимать рискованные, спорные решения. В начале лета 1919 года Восточный фронт стал успешно наступать, тогда как на других фронтах, особенно на Южном, обстановка серьезно осложнилась. Главнокомандующий 12 июня приказал Южному фронту перейти к обороне и надежно прикрыть направления на Мелитополь, Екатеринослав, Харьков, Валуйки, Воронеж, Борисоглебск и Царицын. Учитывая опасность с юга, Вацетис отдал Восточному фронту директиву о наступательных действиях на Среднем и Южном Урале и указал, что «последующая задача указана позже».

Естественно, что такая директива была санкционирована председателем Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцким, которому Вацетис был подотчетен напрямую. Командование Восточного фронта, во главе которого тогда уже стоял С. С. Каменев, опротестовало такие директивные указания. Сам Каменев в своих «Записках о гражданской войне и военном строительстве» рассказывал:

«Наступление на Восточном фронте развивалось вполне успешно. Белогвардейская армия Колчака откатывалась за Уфу, а в это время Главнокомандующий отдал приказ остановиться на реке Белой. Я отказался остановить наступление. Решение вопроса перешло Владимиру Ильичу».

Есть и еще одно авторитетное свидетельство. Командовавший в то время 5-й армией М. Н. Тухачевский после войны писал: «Эта установка Троцкого была встречена в штыки и Восточным фронтом и Центральным Комитетом партии».

Получилось так, что директива стратега Вацетиса напрямую увязывалась с именем Троцкого. Вышедший в свет при жизни И. В. Сталина краткий курс истории ВКП(б) ту ситуацию изложил так:

«В момент разгара наступательных действий Красной армии на восточном фронте Троцкий предложил подозрительный план: остановиться перед Уралом, прекратить преследование колчаковцев и перебросить войска с Восточного фронта на Южный фронт».

Более позднее издание, «Гражданская война в СССР» дает иную трактовку той ситуации, связанной с директивой, автором которой был Главнокомандующий Республики: «План освобождения Урала был реальным. Однако Троцкий и Вацетис преувеличивали трудности

предстоящих операций и ставили дальнейшее наступление войск Восточного фронта в зависимость от того, какое количество его частей будет отправлено на другие фронты».

Вокруг директивного приказа Главнокомандующего завязалась нешуточная борьба. 9 июня члены Реввоенсовета Восточного фронта С. И. Гусев (Я. Д. Драбкин), М. М. Лашевич и К. К. Юренев (Кротовский) направили председателю Совнаркома докладную записку, в которой директива Вацетиса называлась ни много ни мало, как «крупнейшей фатальной ошибкой, которая вам может стоить революции». Авторы докладной записки настаивали на отмене директивы. Более того, они указывали, что Главнокомандующий решил остановить наступление войск Восточного фронта и «не двигаться дальше», хотя в директиве о том и не было речи. В Совнаркоме этот документ или не знали, или в него не вчитывались.

Вацетис, в «подтверждение того, что он хочет ослабить» перешедший в наступление Восточный фронт, 10 июня приказал его командующему С. С. Каменеву направить под Петроград 2-ю стрелковую дивизию и на Южный фронт – бригаду 5-й стрелковой дивизии. В довершение всего Главнокомандующий Республики писал, что план комфронта Каменева разгромить Колчака не позже середины осени не отвечает ни общей политической, ни стратегической обстановке.

«Точку» в этом споре в высшем командовании Красной армии поставил… главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенант А. И. Деникин. Он отдал так называемую «московскую директиву», и белые армии в наступлении взломали линию Южного фронта, который так и не получил усиления с Восточного фронта. Вот когда могла пригодиться одна-другая стрелковая дивизия, переброшенная с Урала, где армии Колчака безвозвратно терпели поражения.

Через четыре дня, 8 июля 1919 года, Главнокомандующий Республики бывший полковник И. И. Вацетис был арестован. Впоследствии он чистосердечно писал, что ему тогда причины ареста оставались неизвестны. Ему их просто не объявляли.

То, что его кто-то объявил «врагом трудового народа и советской власти», привело Иоакима Иокимовича в состояние поистине шоковое. Не знал он и другого. Незадолго перед тем черным днем в его биографии заместитель Особого отдела ВЧК И. Н. Павлуновский доложил высшему руководству Республики следующее:

«Следствием установлено, что белогвардейская группа Полевого штаба находилась в первоначальной стадии своей организации, т. е. она только что создавалась, намечала свои задачи и планы и приступила лишь к частичной их реализации, причем была еще настолько невлиятельной, что ее нахождение в Полевом штабе не отражалось на ходе операций на фронтах».

В тот день 8 июля выявленные «заговорщики, еще не успевшие создать свою организацию», были арестованы. Ими оказались работники Полевого штаба Н. Н. Доможиров и Е. И. Исаев, порученцы Главнокомандующего и доверенные его лица.

И опять же в тот день председатель Реввоенсовета Республики Троцкий получил служебную телеграмму, которая потрясала не сколько своим содержанием, сколько подписями, стоявшими под ней. Телеграмму подписали: председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский, член Политбюро ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинский, председатель Совнаркома РСФСР В. И. Ленин (Ульянов) и заместитель председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянский.

В телеграмме читалось: «Вполне изобличенный в предательстве и сознавшийся Доможиров дал фактические показания в заговоре, в котором принимал деятельное участие Исаев, состоявший для поручений при Главкоме и живший с ним в одной квартире. Много других улик, ряд данных, изобличающих Главкома в том, что он знал об этом заговоре. Пришлось подвергнуть аресту Главкома».

Но это было еще не все. 8 июня 1919 года председатель Совнаркома подписал постановление об освобождении И. И. Вацетиса от должности Главнокомандующего всеми

Вооруженными Силами Республики. Этим же постановлением на освободившийся ответственнейший пост назначался командующий Восточным фронтом С. С. Каменев.

Иоаким Иоакимович «коротал время» в тюремной камере. Следователи его не тревожили, на допросы не вызывали. Он имел право писать (ему выдали бумагу и карандаш) и читать газеты.

Наконец в одной из них Вацетис нашел то, в чем он обвинялся, хотя никакого официального обвинения ему не зачитывали. В «Известиях ВЦИК» была опубликована статья начальника Политического управления Реввоенсовета Республики И. Т. Смилги, который писал, что причиной смещения Вацетиса с поста Главкома послужили его несогласия с командующим Восточным фронтом о характере дальнейших операций на востоке страны. Опровергнуть такое обвинение бывший Главнокомандующий, разумеется, не мог.

Предварительное следствие причастность Вацетиса к белогвардейской организации установить не смогло, равно как не удалось установить сам факт вражеского заговора в Полевом штабе Реввоенсовета Республики. Дело передали на рассмотрение ВЦИК, который 7 октября 1919 года принял следующее постановление:

«Поведение бывшего главкома, как оно выяснилось из данных следствия, рисует его как крайне неуравновешенного, неразборчивого в своих связях, несмотря на свое положение. С несомненностью выясняется, что около главкома находились моменты, его компрометирующие. Но, принимая во внимание, что нет оснований подозревать бывшего главкома в непосредственной контрреволюционной деятельности, а также принимая во внимание бесспорно крупные заслуги его в прошлом, дело прекратить и передать Вацетиса в распоряжение Военного ведомства».

Вацетис был освобожден 13 октября 1919 года. Он просидел в тюремной камере долгие для него 97 дней, будучи в полном неведении того, как решается его судьба.

Через месяц полную амнистию получили «заговорщики» Доможиров и Исаев. Их, как военнослужащих, направили в распоряжение Полевого штаба Реввоенсовета Республики, где они до этого трудились.

После освобождения из-под ареста И. И. Вацетис «состоял в распоряжении Наркомата по военным и морским делам». Через девять месяцев, то есть в 1920 году, работа ему нашлась в стенах Военной академии РККА (с 1925 года Военная академия имени М. В. Фрунзе). Теоретическая и практическая база имелась за его плечами выше всяких похвал. Он читал курс лекций по истории Первой мировой войны, был старшим преподавателем по тактике, состоял для особо важных поручений при Реввоенсовете СССР… Работы для него находилось много. Те, кто слушал его лекции, отзывались о редком по знаниям преподавателе самыми добрыми словами.

Иоаким Иоакимович «окунулся» в научно-исследовательскую работу. Писал много и часто публиковался. Участвовал в дискуссиях по проблемам войны и мира. Подготовил уникальный по своей значимости труд «Что такое военная доктрина будущего». Работу над ним он закончил к сентябрю 1921 года.

Против публикации «спорного» труда опального главкома выступил начальник Политического управления Реввоенсовета С. И. Гусев (Драбкин). Он написал отрицательный отзыв на «сомнительную» рукопись начальнику Военной академии РККА М. Н. Тухачевскому. Книга вышла в свет только в 1923 году, после вмешательства в ее судьбу Троцкого. Реакция на содержание труда, разумеется, была неоднозначной. Но именно этого, думается, и добивался автор, большой специалист в области стратегии.

Заслуги Вацетиса в военно-научной и преподавательской деятельности смотрелись несомненными и высокими. В 1927 году ему присваивается звание «профессор высших военно-учебных заведений РККА». В следующем году в честь 10-летнего юбилея Красной армии за «заслуги в руководстве и личном участии в боевых операциях» получает свой пер-

вый орден – Красного Знамени. В 1934 году за преподавательскую деятельность награждается вторым орденом – Красной Звезды. В 1935 году ему присваивается звание командарма 2-го ранга.

Исследователи сходятся в том, что И. В. Сталин испытывал к Вацетису личную неприязнь со времени Гражданской войны, а точнее – с дней обороны Царицына. Но открыто неприязнь не высказывалась. Сталинское окружение об этом знало хорошо и потому научную деятельность преподавателя Военной академии РККА не одобряло. А тот начал писать многотомную историю Гражданской войны, закончив ее первый том под названием «1918 год» в 35-м.

Эта рукопись и решила судьбу И. И. Вацетиса. Попытка издать книгу, хотя бы малым тиражом в академической типографии, встретила резкое возражение начальника научно-исследовательского отдела академии Н. А. Теленского, ознакомившегося с содержанием рукописи. 17 ноября между ними состоялся следующий разговор.

Вацетис спросил Теленского: «Почему не издается мой труд „1918 год”?»

Теленский ответил: «Ваш труд носит мемуарный характер, а академии нужны учебники, кроме того, почему у вас в труде ничего не говорится о роли т. Сталина в 1918 году и вообще в Гражданской войне?»

Вацетис ответил: «Сталин никакой роли в Гражданской войне не играл, мы ее чувствовали. Был случай – приехал Сталин в Арзамас и говорит мне: есть приказ расстрелять 75 % всех генштабистов, а 25 % оставить. Я ему заявил, что я генштабист и расстреливайте меня первого. Я ему доложил о работе генштабистов и он ответил – приказ о расстреле генштабистов отменяется и уехал».

О разговоре Теленский письменно доложил помощнику начальника и комиссару академии Е. А. Щаденко. В доносе говорилось о стремлении командарма 2-го ранга «замолчать роль Сталина», враждебном отношении к Ворошилову и тому подобное. И делался вывод: «Вацетис с его настроениями и взглядами при известных условиях может быть использован нашими врагами».

Щаденко, соратник И. В. Сталина по 1-й конной армии, естественно, «дал ход» доносу, содержание которого или само письмо дошло до самого верха. Для начала Вацетису закрыли допуск к архивам Гражданской войны. Потом командарма 2-го ранга стали попросту «забывать». Арестовали же его только через два года, 29 ноября 37-го. Он был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 28 июля 1938 года. Имя его было вымарано, где только можно, прежде всего из истории Гражданской войны в России.

Реабилитирован первый Главнокомандующий Вооруженными Силами Советской Республики в Гражданской войне Иоаким Иоакимович Вацетис, начавший свой жизненный путь батраком и красным латышским стрелком, 28 марта 1957 года. Реабилитирован, как и полагается, посмертно.

В Энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» И. И. Вацетис назван советским военачальником. Но, думается, человек, который стоял во главе Красной армии в начальный период Гражданской войны в России, который вершил стратегию Красного дела, достоин ранга признанного полководца.

Ворошилов Климент (Климентий) Ефремович «Душа» 1-й конной армии, ставший другом Сталина и народным комиссаром обороны СССР

Гражданская война для К. Е. Ворошилова проходила на двух поприщах – в должности командующего Царицынским фронтом и комиссара, члена Реввоенсовета действительно легендарной 1-й конной армии, ударной силы РККА и не одного советского фронта. Начинал же он путь профессионального революционера в рабочем городе Луганске, в Донецком каменноугольном бассейне.

Местом появления на свет в 1881 году будущего дважды народного комиссара и друга И. В. Сталина является село Верхнее, ныне в Днепропетровской области Украины. Образование сын железнодорожника Климентий получил «самое начальное», окончив двухгодичную школу. «С 6–7 лет пошел на работу выбирать колчедан на шахтах, за что получал по 10 копеек в день», – писал он о своем детстве.

В 15 лет стал рабочим завода Донецко-Юрьевского металлургического общества (ДЮМО). Ему еще не было 18 лет, как он стал машинистом портального электрического крана по разливу жидкого чугуна. Там он юношей познакомился с революционной деятельностью. В 1898 году Клим (так сокращенно звучало его имя) Ворошилов вступил в первый в Алчевске нелегальный социал-демократический кружок. Через год организовал забастовку в чугунолитейном цеху завода.

Профессиональным революционером К. Е. Ворошилов становится в молодости. В 1903 году он на Луганском паровозостроительном заводе вступает в ряды РСДРП. Энергичный, с хорошими организаторскими способностями Клим Ворошилов уже вскоре избирается членом Луганского комитета партии большевиков, а затем возглавляет его деятельность.

В ходе первой русской революции 1905–1907 годов Ворошилов руководит выступлениями рабочих Луганска, который одно время (с 1935 года) будет называться его именем – Ворошиловградом. Осенью 1905 года 24-летнего Клима Ворошилова избирают председателем Луганского совета рабочих депутатов. Занимался созданием боевых рабочих дружин: по его приказу в Луганске сожгли тюрьму.

В начале 1906 года луганская партийная организация посылает Ворошилова на IV (Стокгольмский) съезд партии. В период с 1907 по 1917 год находился в тюрьмах (в Луганске) и ссылках (в Архангельской губернии), вел подпольную партийную работу в Баку, Петрограде, Царицыне, который будет защищать в Гражданской войне.

После Февраля 17-го года занимался партийной деятельностью уже открыто. Выступал на солдатских митингах. Октябрь застал Клима Ворошилова в Луганске, где он занимается организацией первых красногвардейских отрядов. Избирается депутатом Учредительного собрания и оказывается в городе на Неве.

5 декабря, за два дня до создания ВЧК, Ворошилов по постановлению Совета народных комиссаров становится начальником охраны Петрограда по «плану Дзержинского». Постановление было подписано В. И. Лениным (Ульяновым). Вскоре круг его обязанностей расширился: Клим Ворошилов исполнял должности комиссара Петрограда по гражданским делам, председателя комитета по охране Петрограда и члена ВЧК.

15 января 1918 года Совнарком принимает декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА). В марте К. Е. Ворошилов приезжает в Донбасс, где организует 1-й Луганский социалистический отряд.

Весной того года германские и австрийские войска начали вторжение в пределы бывшей Российской империи. Они двигались в направлении Бахмач – Конотоп, намереваясь

овладеть Харьковом. Навстречу неприятелю из Луганска выступил рабочий отряд в 600 человек, которым командовали Ворошилов и А. Я. Пархоменко. Подтянулись еще несколько красногвардейских отрядов.

10-дневные бои завязались под Конотопом, у станции Дубовязовка. Однако красные отряды не смогли сдержать натиск 27-го резервного немецкого корпуса и отступили, пробившись через Змиев. Фланговый удар, который наносился советскими войсками от Новозыбкова на Конотоп и Бахмач, успеха не имел. 8 апреля германские войска заняли Харьков.

Вскоре из различных по численности красногвардейских отрядов создается 5-я Советская Украинская армия: она первая завязала на Украине и в Донбассе бои с германцами. Ее командующим стал К. Е. Ворошилов, а начальником штаба – Н. А. Руднев. Армия встала на защиту Донецко-Криворожской республики, обороняя северо-западные подступы к Донбассу и обеспечивая безопасность железнодорожной магистрали Луганск – Миллерово – Чертково, связывающей Украину с Центральной Россией.

Эти задачи ворошиловская новая 5-я армия решала не одна, а вместе с такими же небольшими тогда по численности армиями – Донецкой, 1-й Донской, 2-й (бывшей 5-й) Р. Ф. Сиверса. В директиве от 17 апреля Верховный главнокомандующий Красной армией бывший полковник И. И. Вацетис командарму К. Е. Ворошилову указывал следующее:

«Ваш участок имеет исключительно важное значение. У Сватова вы прикрываете Юго-Восточную железную дорогу Луганск – Миллерово, выводящую к магистрали, и шоссе от Харькова через Старобельск, выводящее к той же магистрали».

Советские войска (в том числе 5-я армия) в каменноугольном бассейне активной обороной ряда последовательных рубежей, многократно прибегая к контратакам, почти на месяц отсрочили оккупацию Донбасса. Особенно тяжелые бои с германскими войсками прошли под Барвенково и у станции Сватово. Сдерживая продвижение немцев на Луганск, войска 5-й армии в районе станции Родаково несколько раз переходили в контратаки. Ожесточенные бои шли в других местах Донбасса.

Когда стало ясно, что Луганск не удержать, красные войска в 80 железнодорожных эшелонах стали побиваться через «белоказачьи донские степи» в Царицын. Из них почти 80 вышли из самого Луганска с семьями рабочих, промышленным оборудованием, вооружением, боеприпасами и прочим. Так в Гражданской войне утверждалась «эшелонная война», которая шла вдоль железных дорог.

На 30 апреля германские войска захватили станцию Чертково, и путь на Лиски и далее на Воронеж по Юго-Восточной железной дороге для защитников Донбасса был закрыт. К этому времени на Лиски только с 12 апреля было эвакуировано 714 паровозов и 9065 вагонов с 7,1 миллионов пудов различных грузов, прежде всего военного назначения.

В исключительно сложной ситуации 5-я армия К. Е. Ворошилова с присоединившимися к ней отрядами 3-й и Донецкой армий начали отходить на Лихую и далее на Царицын. Другого выбора пути у нее не было, только через территорию Области войска Донского.

Серьезные бои прошли на станции Лихая. Один из участников тех событий писал: «Почти сто паровозов, самых мощных, везли народное имущество колоссальной боевой ценности. Ворошилов проделывал чудеса в тылу; он не давал немцам ни одной минуты покоя. Он связывал их действия и ликвидировал обходы».

Затем последовали бои с белоказаками у станций Морозовская и Суровикино, у станицы Нижне-Чирской. У разъезда Рычковский (мост через Дон был взорван) красногвардейцам пришлось занять круговую оборону, пока чинилась переправа. Мост восстановили за три недели. В эти дни пришел приказ по войскам Северо-Кавказского военного округа. В нем говорилось:

«1) Все оставшиеся части бывших 3-й и 5-й армий, части бывшей армии Царицынского фронта и части, сформированные из населения Морозовского и Донецкого округов, объеди-

нить в одну группу, командующим которой назначается бывший командующий 5-й армией т. Климент Ефремович Ворошилов.

2) Всем названным выше воинским частям впредь именоваться “Группой тов. Ворошилова”.

3) Все начальники частей, отрядов и армий, перечисленные выше в параграфе 1, обязуются беспрекословно подчиняться всем приказам т. Ворошилова…»

Вскоре пришел еще один приказ – по войскам Донской Советской Республики, где писалось следующее:

«Постановлением Донского советского правительства от 2 июля член Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и командующий войсками Донецкого и Усть-Медведицкого округов товарищ Ворошилов назначен Главнокомандующим войсками Донской Советской республики. Под командование товарища Ворошилова переходят все войска, расположенные на фронте от Торговой до Поворино, то есть войска Сальского, Котельниковского, Второго Донского, Морозовского, Донецкого, Усть-Медведицкого и Хоперского округов».

Из этих двух приказов о назначении Ворошилова был выполнен только первый. Донская Советская республика пала под ударами белоказаков.

После окончания восстановления железнодорожного моста эшелоны с красногвардейцами продолжили движение к Царицыну. Отступавшая 5-я Украинская армия и отходившие с ней части 3-й Украинской армии дошли до берегов Волги. По пути к ним присоединялись местные отряды красных партизан.

Белоказачья газета «Донская волна», выходившая в войсковой столице городе Новочеркасске, сокрушалась по поводу того, что группа советских войск под командованием К. Е. Ворошилова прорвалась через заслоны германцев и калединских казаков к красному Царицыну, «приведя ему свыше 15 000 штыков и многочисленные запасы».

В Энциклопедическом словаре «Гранат» в автобиографии К. Е. Ворошилова о том начальном периоде Гражданской войны на Юге России рассказывается так:

«…Военную работу начал с отряда, организованного в 1918 году, в марте под моим командованием дравшегося с оккупационными немецкими войсками. Вскоре был назначен командиром 5-й Украинской армии, а затем командовал отрядами, отходившими под напором немецких войск с Украины на Волгу и к Царицыну.

…Десятки тысяч деморализованных, изнуренных, оборванных людей и тысячи вагонов со скарбом рабочих и их семьями нужно было провести через бушевавший казачий Дон. Целых три месяца, окруженные со всех сторон генералами Мамонтовым, Фицхелауровым, Денисовым и др., пробивались мои отряды, восстанавливая ж.-д. полотно, на десятки верст снесенное и сожженное, строя заново мосты и возводя насыпи и плотины».

В июне белоказачья Донская армия усилила давление на царицынском направлении: атаман Краснов спешил с осуществлением удара по городу на Волге. Обстановка в этом районе для советских войск ухудшалась с каждым днем. Положение осложнялось тем, что они еще не обладали достаточной боеспособностью и действовали разрозненно. Но и белые тогда еще не отличались своей организованностью, действуя большей частью отрядами самой различной численности.

14 июня общий фронт созданного тогда на время Северо-Кавказского военного округа (СКВО) был разделен на три направления: хоперское, царицынское и кубанское. Окружные войска разделили на четыре боевых участка: Усть-Медведицкий, Царицынский, Гашунский и Кубано-Черноморский.

На Царицынском боевом участке было сосредоточено до 38 тысяч бойцов (пехоты и кавалерии), из которых самой боеспособной была 5-я армия под командованием К. Е. Ворошилова, прорвавшаяся сюда из Донбасса.

Летом и осенью 1918 года город Царицын стал одним из важнейших участков обороны Страны Советов. Через его железнодорожный узел и речной порт шли в центр России хлеб и рыба, нефть и хлопок. Царицынский фронт упразднению не подлежал долго. 19 июля был образован Военный совет Северо-Кавказского военного округа. Совнарком утвердил его председателем И. В. Сталина (Джугашвили), членами – К. Е. Ворошилова и председателя Царицынского Совета С. К. Минина. Совет взял на себя общее руководство боевыми действиями.

Ворошилов возглавил оборону города на Волге (то есть стал командующим Царицынским фронтом), а затем стал членом Реввоенсовета Южного фронта и командующим советской 10-й армией. Он проделывает огромную работу, превращая красногвардейские и партизанские отряды в полки и дивизии. Налаживается выпуск красноармейской газеты «Солдат революции».

Осажденный Царицын при Сталине и Ворошилове жил под лозунгом: «Все для фронта, все для победы». На его заводах было изготовлено 11 бронепоездов и 18 броневиков, отремонтировано 300 артиллерийских орудий, много винтовок и пулеметов. Город находился на военном положении.

В боях под Царицыном Ворошилов впервые встретился с С. М. Буденным. Тогда они проводили операцию по освобождению из осадного кольца Большой Мартыновки. Там длительную осаду белоказаков выдержал Мартыно-Орловский партизанский отряд и местные ополченцы.

Донской атаман Краснов поставил перед собой задачу взять с боя Царицын. На город с запада, на станцию Воропаево двигалась группа белых войск под командованием генерала Мамонтова. На северном, Поворинском участке группа генерала Фицхелаурова пробивалась к берегу Волги с целью взять город Камышин. Кольцо вокруг Царицына стало сжиматься все сильнее.

Будущий член Реввоенсовета 1-й конной армии Е. А. Щаденко так описывает бой 28 августа на центральном участке царицынской обороны:

«…Мы поехали с т. Ворошиловым на позиции, которые находились только в 5–7 км от города.

Армия, устало отстреливаясь и тупо отбиваясь от наседавшего врага, медленно откатывалась к Волге, не понимая той опасности, которую таила в себе река, не имеющая переправ. Станции Воропоново и Садовая лежали в черных клубах дыма от рвущихся снарядов… Белые пулеметы клокочут… Кажется, нет выхода, и Царицын придется сдать…

Истомленных, голодных, раздетых бойцов уже ничто не может заставить сражаться и побеждать… Мы торопливо подъезжаем к Коммунистической дивизии донбасских рабочих.

– Вперед, товарищи! – хрипло кричит командарм. – Отступать некуда… Сзади Волга… За мной, сыны революции…

И Коммунистическая дивизия, сползающая с последних высот к Волге, ринулась вперед. За ней порывисто бросилась Донецко-Морозовская дивизия, и скоро весь фронт пришел в движение. Казачьи полки сразу отхлынули на 10 километров.

Пять верст прошли мы в цепи под ураганным огнем.

– Теперь – на другой участок, – торопит Климент…»

11 сентября 1918 года был создан Южный фронт во главе с командующим П. П. Сытиным, бывшим генерал-майором, окончившим Академию Генерального штаба, в декабре 17-го избранного командиром корпуса. Членами фронтового Реввоенсовета стали И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, С. К. Минин и другие.

Ворошилов большую часть времени проводит на фронте, на передовой. Так было, к примеру, в дни, когда белоказаки стали теснить противника на центральном участке обороны Царицына. Прибывший туда К. Е. Ворошилов слал Военному совету такие донесения.

Из Карповской (29 сентября 1918 года:

> «Связи с Музгой еще нет. Карповка забита поездами. Музга занята нами. Антонов повел свои части на балку Грачеву и хутор Черкасов. Еще не установил истинной причины отступления и паники. Полагаю, что все от преступной небрежности командного состава. Сейчас выезжаю в Музгу и на фронт. Своевременно донесу о положении.
> *Ворошилов».*

С линии фронта (10 октября):

> «Объехал Морозовскую дивизию. Приняты все меры для восстановления положения. Тундутово займу сегодня. Еду в Чапурники, куда в случае надобности телеграфируйте. Положение не так плохо, как это многим трусам и дуракам кажется. К вечеру или ночью буду в Совете.
> *Ворошилов».*

3 октября из советских войск, действовавших на Камышинском и Царицынском направлениях, формируется 10-я армия во главе с Ворошиловым. Среди членов ее Реввоенсовета были Минин, Межлаук и Окулов. Начальником штаба был назначен Соколов, которого через месяц заменил С. К. Мацилецкий. Командующим армией Климент Ефремович был до 18 декабря 1918 года, передав затем свой пост Н. А. Худякову. После отъезда Ворошилова и Худякова на Украину армию принял возвратившийся в строй после лечения А. И. Егоров.

Первоначально в состав 10-й армии вошли следующие стрелковые дивизии: 1-я Коммунистическая, 1-я Котельниковская, 1-я Северо-Кубанская сводная, 1-я Камышинская и 1-я Стальная. Численность ее постоянно менялась. По данным штаба белоказачьей Донской армии она имела в своем составе 67 тысяч бойцов и 205 орудий. Это, конечно же, были завышенные цифры. При командующем Ворошилове такой состав армии (по стрелковым дивизиям) не менялся. Бои за Царицын не утихали…

В середине декабря 1918 года создается украинское Временное рабоче-крестьянское правительство. Оно «стояло в прямой связи с ЦК РКП(б), получая от него директивы». В состав его вошли В. К. Аверин, Ф. А. Артем (Сергеев), С. Н. Власенко, К. Е. Ворошилов, А. М. Жарко, В. П. Затонский, Е. И. Квиринг, Ю. М. Коцюбинский и другие. Свое первое официальное заседание украинское правительство провело в Курске, а местом пребывания до освобождения Харькова была выбрана Суджа.

Климент Ефремович назначается народным комиссаром внутренних дел Украинской Республики. Затем он принимает на себя командование войсками Харьковского военного округа. Дел у него в тылу было больше, чем просто много.

В начале мая 1919 года ухудшилось военное положение на Украине. Здесь 7 мая в тылу Украинского фронта поднял мятеж Н. А. Григорьев, начальник формируемой 6-й Украинской стрелковой дивизии. Григорьев отказался выполнить приказы выступить на румынский участок фронта (в Бессарабию) и поднял по тревоге верные ему части дивизии, самовольно ушедшей «на отдых» к Елисаветграду (Кировограду). Мятежники перекрыли узловые железнодорожные станции, прервали связь и сообщение в южной части днепровского Правобережья.

Из-за внезапности выступления Григорьева, бывшего штабс-капитана, до Красной армии послужившего в войсках Центральной рады, гетмана Скоропадского и петлюровцев мятеж охватил территорию от Кременчуга до Херсона. Отряды григорьевцев (общее число их доходило до 15 тысяч штыков, 40 орудий, 10 броневлощадок) появились в пределах Киевской, Полтавской, Харьковской и Екатеринославской губерний.

Григорьев обратился с воззванием к «батьке» Нестору Махно и атаману Зеленому, призывая их совместно идти на Киев. Мятежный комдив в своем «Универсале» выдвинул лозунги украинских националистов: «Власть Советам народа Украины без коммунистов», «Украина для украинцев», «Свободная торговля хлебом» и тому подобные.

К середине мая мятежники, усилившись, захватили Черкассы, Умань, Кременчуг, Херсон, Николаев, Екатеринослав (ныне Днепропетровск), Золотоношу и стали продвигаться к Полтаве. Теперь их силы составляли 20 тысяч человек, свыше 50 орудий, 700 пулеметов, 6 бронепоездов. Военные действия на южном и юго-западном участках Украинского фронта были практически приостановлены.

10 мая Совет обороны Украинской СССР объявил начдива Григорьева вне закона и принял решительные меры для разгрома мятежников. Командующим войсками, действовавшими против григорьевцев, был назначен народный комиссар внутренних дел Украины К. Е. Ворошилов.

Своей властью Ворошилов объявил Харьковский округ на военном положении (губернии Харьковская, Полтавская, Екатеринославская и Донецка), призвав местное население «в кратчайший срок раздавить банды изменника Григорьева».

В распоряжение Ворошилова были выделены значительные силы: действующие войска 1, 2 и 3-й Украинских армий, Днепровская военная флотилия, тыловые гарнизоны Харьковского военного округа, военные школы и другие части. Эти войска были сведены в оперативные группы войск под командованием П. В. Егорова, А. М. Беленковича, П. Е. Дыбенко, С. Л. Козюры, А. Я. Пархоменко и А. В. Полупанова.

К 17 мая советские войска повсеместно блокировали район мятежа. Завязались упорные бои. 20 мая группа войск одесского направления овладела Елисаветградом, а полтавского направления (здесь находился Ворошилов) – Кременчугом и Александровском (Запорожье). В ночь на 22 мая пехота группы П. В. Егорова при поддержке огня бронепоезда смелой атакой ворвалась в Александрию – опорный пункт григорьевцев. Сам Григорьев бежал к Махно, где был впоследствии застрелен.

27 мая оперативные войсковые группы П. В. Егорова и П. Е. Дыбенко ликвидировали последние очаги мятежа Григорьева.

О результатах последних боев с мятежниками народный комиссар по военным делам Н. И. Подвойский и народный комиссар внутренних дел УССР незамедлительно доложили в Москву, на имя председателя Совнаркома. Тот в ответной телеграмме правительству Украины писал:

> «24 мая 1919
>
> Поздравляю со взятием Александрии и Знаменки. Настоятельно прошу освобождающиеся силы направить в Донбасс.
>
> *Ленин».*

7 июня 1919 года образуется 14-я армия, во главе которой был поставлен К. Е. Ворошилов. В ее состав включили две формирующиеся стрелковые дивизии (7-ю Украинскую сводную и 47-ю сводную) и несколько гарнизонов. В оперативном подчинении войска дивизий и гарнизоны подчинялись командующим Мариупольской, Славгородской, Синельниковской, Константиноградской оперативным группам, начальникам Екатеринославского укрепленного района и гарнизона города Новомосковска.

Новообразованной советской армии ставилась задача нанести удар во фланг деникинской Добровольческой армии. Однако таким планам фронтового командования не суждено было сбыться. Только начатая формироваться армия была не готова к таким задачам и не способна их выполнить. Тем не менее она в середине июня удерживала натиск перешедшего в наступление противника на рубеже Большой Токмак – Балаклея.

В июле, после ликвидации Крымской Советской Республики, белая Добровольческая армия генерала В. З. Май-Маевского повела наступление на Харьков. Сюда была стянута большая часть сил 1-го армейского и 3-го Кубанского конного корпусов, шесть пехотных и казачьих дивизий. 20 июня белые повели концентрическое наступление на Харьков со стороны Волчанска, Чугуева, Змиева и Лозовой. На Левобережной Украине ворошиловская 14-я армия оказалась под главным ударом противника.

В те дни в красном командования вскрылась измена. К Деникину перебежали с оперативными документами военный руководитель Харьковского военного округа бывший генерал Березовский, начальник штаба 14-й армии С. И. Шкляр-Алексюк и ряд других военспецов.

Деникин, наступая по Левобережной Украине, наносил удары по 14-й армии в направлении Екатеринослава и Харькова. Последнее направление для белого командования виделось определяющим. Харьковская крепостная зона (Харьковский и Белгородский укрепленные районы) прикрывала стык 14-й и 13-й армий. Зона не подчинялась командарму 14-й Ворошилову, хотя и находилась в полосе его ответственности.

Считается, что К. Е. Ворошилов допустил в той ситуации серьезный просчет. Свои главные усилия он направил южнее Харькова – на удержание Екатеринославского укрепрайона, оборону Мелитополя и Александровска. Он не сумел разгадать планы генерала Май-Маевского, который 23 июня со стороны Волчанска нанес сосредоточенный удар по войскам Белгородского укрепленного района и Харьковского гарнизона. Нажим противника на Харьков усилился. После занятия Белгорода деникинцы ворвались в Харьков 24 июня с северной стороны, чего никак не ожидалось.

После овладения Харьковом генерал Май-Маевский решил окружить основную часть 14-й армии западнее Екатеринослава. Из-под Лозовой были сняты две конные дивизии. 25 июня белые силами трех дивизий – одной пехотной и двух конных – нанесли удар по гарнизону Новомосковска.

Перед этим командарм К. Е. Ворошилов отправил туда свой последний армейский резерв – Особый бронедивизион при Совнаркоме УССР под командованием А. И. Селявкина. Тот, видя отсутствие единого командования, взял руководством боя 25-го числа на себя. Бойцы Новомосковского гарнизона два дня сражались, сдерживая наступающих на Екатеринослав деникинцев.

28-го белые ворвались в Екатеринослав со стороны Синельникова и Новомосковска. Ворошиловская 14-я армия при поддержке кораблей Днепровской военной флотилии три дня вела упорные бои за удержание города, но силы оказались неравными. 30 июня 14-я армия оставила Екатеринослав и отошла за Днепр в полосу действий Правобережной группы войск 12-й армии.

Успех войск Деникина у Екатеринослава привел к тому, что на Южном фронте разрыв между отступившей 14-й армией и соседней с ней 13-й армией составил 300 километров! В тех событиях К. Е. Ворошилов способностей полководца не показал.

Войска 14-й армии и Харьковского окружного комиссариата в итоге были подчинены командующему и Реввоенсовету 12-й армии и 29 июня образовали Украинскую группу Южного фронта. Советскому командованию стоило больших трудов закрыть образовавшуюся брешь на фронтовой линии. Да и Деникин упустил выгоднейший момент.

В августе К. Е. Ворошилов вводится в состав Политбюро ЦК КП(б) Украины и в состав Совета рабоче-крестьянской обороны УССР, будучи избран членом его президиума. Он становится одним из лидеров партии большевиков в украинских губерниях.

Донбасс и Новороссия, вся Левобережная Украина становится ареной Гражданской войны в России. Между собой дерутся красные и белые, жар в огонь подбрасывают махновцы и петлюровцы, разного рода батьки и атаманы. В том же августе месяце бывший глава

Царицынского фронта назначается командующим войсками Внутреннего фронта Украины, командующим Киевским укрепленным районом. Ворошилов вводится в состав Реввоенсовета 12-й армии. Он руководит обороной Киева, но город на Днепре красным под натиском белых добровольцев в итоге защитить не удалось.

Армию в командование Клименту Ефремовичу Реввоенсовет Республики в лице Л. Д. Троцкого и Главнокомандующего С. С. Каменева больше не доверяют. Все же 17 октября он назначается начальником формируемой 61-й стрелковой дивизии, а вскоре после этого становится командующим Липецкой группы войск в составе его дивизии и 11-й кавалерийской дивизии.

Когда командование Южным фронтом стало принимать срочные меры по прикрытию разрыва между 13-й и 8-й армией в районе Землянска, вспомнили о Ворошилове. Сюда был переброшен из состава еще не окончившей формирование 61-й стрелковой дивизии отряд под его командованием. Отряд был сводный: в него еще входили 3-я бригада 54-й стрелковой дивизии, 1-я бригада 20-й стрелковой дивизии и два полка Тамбовского укрепленного района. Но вскоре судьба связала Климента Ефремовича с 1-й конной армией.

Человеком, который будировал идею создания Конной армии, был ее первый командующий С. М. Буденный. Его идея состояла в том, чтобы сформировать такое объединение красной кавалерии, которое могло превосходить любые конные корпуса деникинских Вооруженных сил Юга России. То есть речь шла о массировании конницы на театре Гражданской войны.

Первоначально председатель Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкий отрицательно отнесся к такой здравой идее. Как писал Буденный в своих воспоминаниях «Пройденный путь», Троцкий заявил ему:

– Вы не понимаете природы кавалерии. Это же аристократический род войск, которым командовали князья, графы и бароны. И незачем нам с мужицким лаптем соваться в калашный ряд.

Однако С. М. Буденный был настойчив, найдя в Москве себе в союзники Сталина. Да и обстановка на Южном фронте «помогла»: белоказачьи корпуса генералов Мамонтова и Шкуро совершали глубокие рейды в тылы советских войск, а противопоставления им такого числа конницы не было. Когда начался деникинский «Поход на Москву» и белые войска приближались к Туле, вопрос о создании Конной армии решился быстро.

19 ноября 1919 года по войскам Южного фронта был отдан приказ, в пункте первом которого говорилось следующее:

«1-й Конный корпус Южного фронта в его нынешнем составе переименовать в Конную армию РСФСР…»

Командующим ее назначался командир Конного корпуса Буденный, членами Реввоенсовета армии – Ворошилов и Щаденко.

6 декабря вышел первый приказ Реввоенсовета 1-й конной армии, подписанный К. Е. Ворошиловым, в котором говорилось о предназначении армейского Революционного совета:

«На Реввоенсовет Конармии возложена чрезвычайно тяжелая и ответственная задача сплотить части красной конницы в единую, сильную духом и революционной дисциплиной Красную Конную Армию».

О том, какую роль играл Климент Ефремович Ворошилов в политическом воспитании бойцов 1-й конной армии, писал ее командующий С. М. Буденный в одной из статей сборника «Красная конница», изданном в 1930 году:

«…Тов. Ворошилов был бессменным членом и председателем РВС Конной армии, в то время как я состоял членом РВС и ее командующим. Такое положение т. Ворошилова в 1-й конной армии само по себе определяет его роль в ее жизни и боевой работе.

…Более подходящего лица в РВС 1-й конной, чем т. Ворошилов, подобрать было трудно. Специфический состав рядов конницы требовал назначения не только лица с политическим именем вообще, но уже более или менее известного массам по своей боевой работе и имеющего необходимый авторитет. Бойцам Конной армии имя т. Ворошилова было хорошо известно и достаточно популярно по боевым операциям под Царицыном, где началось и мое знакомство с ним…

С быстрым развертыванием армейского аппарата, колоссальное значение имел опыт т. Ворошилова в командовании армией, чего у меня, естественно, еще не было. Без всякого преувеличения… можно сказать, что в течение нескольких месяцев армейский аппарат 1-й конной армии (штаб, пуарм, снабжение и т. д.) по своей организованности, постановке работы и материальному состоянию достиг высоты, которой мог бы позавидовать в то время (и завидовали) любой из аппаратов стрелковых армий. И все это в значительной степени (подбор людей, организация) должно быть отнесено на долю организаторского таланта т. Ворошилова».

Член Реввоенсовета Ворошилов часто выступал на страницах армейской газеты «Красный кавалерист». В начале боев за Донбасс он писал в своем обращении к красноармейцам:

«Крепче же зажми винтовку, красный воин! Получше приготовься, красный храбрый кавалерист, и стройными стойкими рядами сметем деникинские банды с лица пролетарского Донецкого бассейна.

Пусть красное знамя труда на века вечные водрузится в угольном царстве, и народ не забудет ваших великих жертв и славных, доблестных сил. Он скажет: наши сыны были достойны великих дней освобождения, они завоевали нам жизнь».

В упорных боях освобождается Донецкий каменноугольный бассейн. Буденновская Конная армия продолжала играть роль ударной силы фронта. Берутся города Таганрог, Ростов и Нахичевань. Войска Деникина отступают за Дон. Поздравляя бойцов 1-й конной армии с одержанными победами, Реввоенсовет Южного фронта шлет в адрес Реввоенсовета конармии телеграмму:

«Беззаветное мужество и доблесть героев Конной армии вернули России Ростов. Красное Знамя развевается на стенах бывшего очага заклятых врагов русского трудового народа. Обнажаем головы перед могилами красных бойцов, павших за уничтожение главного оплота южной контрреволюции. Братски жмем руку красным богатырям, несущим знамя освобождения Кавказу.

Обнимаем товарищей Буденного, Ворошилова, Щаденко».

К чести Климента Ефремовича можно сказать, что в боевой обстановке он стремился быть там, где решалась судьба боя. Тому есть свидетельства. Один из начальников дивизий 1-й конной армии О. И. Городовиков писал на страницах газеты «Известия» в феврале 1941 года:

«Помню, как ночью в феврале 1920 г., когда белогвардейщина скатывалась к берегам Черного моря, под станцией Торговой конный корпус генерала Павлова внезапно напал на стоянку Красной армии. Части дрогнули. Удар был внезапен, ночь глуха, на дворе трещал 20-градусный мороз. Паника стала охватывать бойцов. Тогда на улице поселка проскакала вдруг кавалькада всадников. Впереди на своем неизменном Маузере крутился Ворошилов.

– Товарищи бойцы! – кричал он. – Назад, в контратаку! Лучше смерть, чем такой позор… Вперед!

Вокруг него собирались отдельные взводы. На выходе из поселка к нему подскакали два эскадрона, сохранившие строй. Через час все части собрались в мощный кулак. Павловская атака была опрокинута. Во главе с Ворошиловым и Буденным отборные полки 1-й конной армии разрезали пополам корпус Павлова, оттеснили его на открытую равнину. Несколько тысяч белогвардейцев погибло в этой кровавой сече».

После разгрома деникинских Вооруженных сил Юга России 1-я конная армия с Северного Кавказа перебрасывается на Польский фронт. 25 мая 1920 года она завершает свой 1200-километровый переход и дислоцируется на Украине у города Умань. Начинаются бои с белополяками и их союзниками петлюровцами.

О силе таранного удара 1-й конной армии с южного направления во фланг киевской вражеской группировке написано много. Поэтому так ценно свидетельство маршала Польши Юзефа Пилсудского:

«Паника вспыхнула в местностях, расположенных на расстоянии сотен километров от фронта, а иногда даже в высших штабах и переходила все глубже и глубже в тыл. Стала давать трещины даже работа государственных органов…»

Нанося удар на галицийскую столицу город Львов, 1-я конная армия оказалась в кольце польских войск. Маршал Пилсудский приказал уничтожить красную конницу или пленить ее. Вспомная о тех тяжелых боях, командир одной из буденновских бригад Б. С. Горбачев писал:

«Для действия конных масс район Замостье – Грубешов был весьма невыгоден: параллельные ручьи с топкими берегами, пересеченная с перелесками местность резко ограничивали возможность сколько-нибудь широко маневра. Дожди превратили дороги в малопроходимые болота, в которых вязла наша артиллерия. Тылы путались под ногами частей, снаряды и патроны были на исходе…

День и ночь проходили в непрерывных боях…

Для разрыва кольца противника РВС наметил направление на деревню Русский Горяшев – Грубешов, открывающиеся за узкой гатью между непроходимыми болотами…

Армия задыхалась в огне, истекала кровью…

В этом огневом безумии Ворошилов был олицетворением воли и революционного долга армии.

4-я дивизия получила приказ во что бы то ни стало выбить пробку белополяков, закрывающую направление на Русский Горяшев – Грубешов.

Через свинцовую кашу добралась 3-я бригада 4-й дивизии до сидящих в окопах поляков…

Путь на Грубешов был открыт. Армия… вышла из кольца и полностью вывела свои тылы».

Совместная служба в Реввоенсовете 1-й конной армии сблизила и сдружила двух знаковых личностей в истории Гражданской войны в России – С. М. Буденного и К. Е. Ворошилова. Семен Михайлович писал в мемуарах о своем боевом друге:

«…Мне, имеющему за плечами достаточный боевой опыт, редко приходилось видеть людей, обладающих таким бесстрашием и исключительной личной храбростью, как Ворошилов, причем эти качества у него всегда выявлялись без какой-то рисовки, позы, а как естественное состояние».

С Польского фронта 1-я конная армия была переброшена на фронт борьбы с врангелевской Русской армией, которая вышла из Крыма и стала успешно развивать наступление в степях Северной Таврии. Завязались бои с белыми. 24 октября Реввоенсовет буденновской Конармии получил телеграмму из Москвы, в которой говорилось:

> «РВС 1 конной
> Копия Южфронт…
> Врангель явно оттягивает свои части. Возможно, что он уже сейчас пытается укрыться в Крыму. Упустить его было бы величайшим преступлением. Успех предстоящего удара в значительной степени зависит

от 1 конной. Предлагаю РВС 1 конной применить самые героические меры для ускорения сосредоточения 1 конной.
Предсовнаркома Ленин».

Ответ в один из кабинетов Московского Кремля пришел незамедлительно, и тоже телеграфной строкой. В телеграмме писалось:

«Сознавая всю важность настоящего момента для нанесения противнику окончательного сокрушительного удара, Реввоенсовет 1-й конной армии принимает самые чрезвычайные меры к ускорению сосредоточения армии, согласно приказу командюжа.
РВС 1-й конной: Буденный, Ворошилов
Начполештарм Лецкий».

Во время боев на земле Северной Таврии был такой эпизод. Буденновские 4-я и 14-я кавалерийские дивизии попытались встать заслоном перед белыми войсками, отходившими в Крым. Отступавшая белоказачья колонна ворвалась в деревню Отрада, где находился штаб 1-й конной армии. Командарму и члену Реввоенсовета пришлось принять участие в конном бою. Тогда Ворошилова спасла бурка, в которую пришелся удар казачьей пики.

В 1920 году, который стал «финишем» Гражданской войны в России (но не на ее Востоке), член Реввоенсовета 1-й конной армии Климент Ефремович Ворошилов награждался Реввоенсоветом Республики дважды. В первом случае его приказ за № 314 от 26 июня того года гласил:

«Объявляется о награждении по постановлению Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов члена Реввоенсовета Конной армии тов. Ворошилова К. Е. орденом Красного Знамени за проявленные им мужество и доблесть в боях конармии на Кавфронте, закончившихся полным разгромом противника и захватом в плен первого Кубанского корпуса со штабом во главе, четырех тысяч пятисот пленных, трех бронепоездов, ста пулеметов и двадцати девяти орудий».

Приказ Реввоенсовета Республики № 607 от 30 декабря 1920 года говорил следующее:

«Объявляю постановление Всероссийского Центрального Исполнительного комитета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов от 25 ноября 1920 года о награждении Почетным революционным оружием… члена Реввоенсовета Конной армии тов. Ворошилова Климента Ефремовича за то, что, лично участвуя во всех боях Конной армии на Южном фронте, он неустанно воодушевлял войска на подвиги, приведшие к полному разгрому армии Врангеля».

Уход белых из Крыма не поставил точку на боевой деятельности 1-й конной армии и ее Реввоенсовета. На Екатеринославщине началась борьба с махновщиной, бандами местных атаманов разной политической окраски. Война с «батькой» Нестором Махно оказалась нешуточной, хотя и победной. В тех боях погибли начальник 14-й кавалерийской дивизии А. Я. Пархоменко и начальник его штаба В. К. Мурзин.

По инициативе К. Е. Ворошилова имя Пархоменко было присвоено 14-й кавалерийской дивизии, а село Макаров Яр, где родился герой красной конницы, было переименовано в село Пархоменко.

Когда в Москве шел X съезд РКП(б), вспыхнул так называемый Кронштадтский мятеж. Ворошилов, избранный на съезд от 1-й конной армии, в числе почти трети делегатов прибыл в Петроград для участия в подавлении вооруженной рукой восстания матросов красного Балтийского флота. Ворошилов, комиссар Южной группы советских войск, в ночь на 17 марта 1921 года шел по льду Финского залива в первых рядах штурмующих форты морской крепости Кронштадт.

18 марта в Москву была отправлена следующая телеграмма:

«…Мы победили и победили прежде всего морально. Провокация белогвардейцев разоблачена. Кронштадт снова станет твердыней революции.

Мы, члены съезда, работавшие в Кронштадте, приветствуем избранный X съездом ЦК и поздравляем его с Красным Кронштадтом.

По поручению делегации X съезда

Ворошилов, Затонский, Бубнов.

18 марта, 13 час. Кронштадт.

Бывш. Морское собрание».

Штурм мятежного против советской власти Кронштадта обернулся для К. Е. Ворошилова награждением вторым орденом Красного Знамени. Приказ о том по 7-й армии № 14/016 от 18 марта 1921 года был по-военному краток и сух:

«За проявленное при штурме Кронштадтской крепости исключительное мужество, смелость и искусство наградить орденом Красного Знамени комиссара Южной группы т. Ворошилова (вторым орденом)».

После 1920 года Ворошилов и Буденный повели борьбу за сохранение 1-й конной армии как таковой. Надобность в мирное время в таком кавалерийском формировании отпала. «Положение с продфуражом» в стране грозило ликвидировать массы красной кавалерии без всякой войны: страна не могла прокормить столько коней и людей.

5 апреля 1921 года председатель Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкий приказал сократить 1-ю конную армию на треть, расположить ее в Кременчугской и Николаевской губерниях, а одну дивизию отправить на квартирование в Тамбовскую губернию, где запасов фуража тоже не было.

В апреле было на высоком уровне принято решение сократить 1-ю конную армию до состава двух дивизий и перевести в степи у Маныча. Перед переводом туда 1-й конной армии решением Реввоенсовета Республики 28 апреля 1921 года образуется Северо-Кавказский военный округ. Его командующим назначается К. Е. Ворошилов. Буденновцы в начале 20-х годов приняли участие в ликвидации «политического бандитизма» на территории округа.

На Северном Кавказе в то время действовали отряды генерала Пржевальского и Ухтомского, полковников Назарова, Трубачева, подполковников Юдина, Кривоносова, сотников Дубины, Рендскова и многих других. Это были остатки белогвардейских формирований только-только закончившейся Гражданской войны. Их общая численность штыков и сабель определялась до семи тысяч человек. Действовали они в своем большинстве в горах и плавнях Кубанского края.

В Ростове-на-Дону создается краевое совещание по борьбе с бандитизмом. 21 июня 1921 года был издан его приказ № 1 «О помиловании всех добровольно сдавшихся бело-зеленых отрядов». В течение года большинство отрядов бывших белых было разгромлено.

Ворошилову в те годы приходилось заниматься самыми разными вопросами: устройством вчерашних красноармейцев в мирной жизни, борьбой с голодом, выделением Чечни из Горской республики в самостоятельную административную единицу, налаживанием боевой подготовки красной кавалерии в условиях Кавказа.

В марте 1924 года Климент Ефремович вводится в состав Реввоенсовета Республики и вскоре становится членом его президиума. Перед этим он был избран членом ВЦИК. 17 мая того же года вступил в командование войсками Московского военного округа, одновременно являясь уполномоченным Реввоенсовета СССР при Совнаркоме РСФСР. Теперь его постоянно видят в ближайшем окружении И. В. Сталина.

26 января 1925 года следует назначение заместителем народного комиссара по военным и морским делам и заместителем председателя Реввоенсовета СССР (по совместительству).

После смерти М. В. Фрунзе Ворошилов 6 ноября 1925 года назначается народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета СССР. В декабря за руководство борьбой с бандитизмом он награждается третьим орденом Красного Знамени и впервые избирается членом Политбюро ЦК РКП(б).

В 1927 году участвует в ряде маневров войск округов, Балтийского и Черноморского флотов, летом следующего года – в походе кораблей Балтийского флота с проведением тактических учений и двухсторонних манвров.

В 1931 году выходит в свет его брошюра под названием «Будет ли война?» и следует награждение четвертым орденом Красного Знамени.

При наркоме по военным и морским делам К. Е. Ворошилове изменилось отношение к морским силам Советской страны. По его настоянию в феврале 1932 года Совет труда и обороны СССР работы по строительству боевых кораблей различных классов и назначения, реконструкции существующих и созданию новых судостроительных предприятий надлежало считать «сверхударными».

О том, что в «ворошиловский период» заметно изменилось отношение государства к военному флоту, свидетельствует поездка И. В. Сталина на Кольский полуостров в июле 1933 года. Там он встретил корабли, переведенные по Беломоро-Балтийскому каналу с Балтики на Северный флот, а затем лично осмотрел места будущих пунктов базирования флота от Мурманска до Сеть-Наволока.

В 1934 году становится наркомом обороны СССР. 1935 год отмечен в биографии К. Е. Ворошилова награждением орденом Ленина в связи с 15-летием 1-й конной армии и присвоением ему 20 ноября постановлением ЦИК и Совнаркома СССР звания Маршала Советского Союза. В период сталинских репрессий имел к ним прямое отношение.

В предвоенные годы нарком занимается вопросами повышения боевой готовности РККА. Ворошилов вводится в состав Комитета обороны при Совнаркоме СССР и в 1938 году становится его председателем. В 1939 году занимается общим руководством разгрома японских войск, вторгнувшихся в народную Монголию на реке Халхин-Гол. С 1940 года – заместитель председателя Совета народных комиссаров СССР.

Недооценка роли новой техники наркомом обороны наносила значительный ущерб боеготовности РККА, что исправить в ближайшее время было невозможно. Это сказалось на ходе и итогах Советско-финляндской войны 1939–1940 годов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.